

ISSN 0131-2596

охота

и охотничье хозяйство

1

1994

Вологодская областная универсальная научная библиотека
www.booksite.ru

1994 11-6

16/94

СОЗИДАТЕЛИ

На первой странице обложки: Филин.
Фото С. Иванова.

На второй странице обложки: Валентин Сергеевич Пажетнов.

В. Пажетнов с супругой — Светланой Ивановной.
Фото В. Николаенко.

СОЗИДАТЕЛИ

Р. ДОРМИДОНТОВ

Печальную картину являют ныне исконно русские земли. Пустующие пашни, брошенные и разваливающиеся дома, разрушенные храмы, опустошенные леса с деревьями, гниющими на лесосеках,— все это на просторах Вологодских, Владимирских, Костромских, Тверских... Большого разорения Россия не знала за всю свою историю.

Тем более отрадно увидеть вдруг золотую стерню или шелковистые волны льна, возрожденный и сияющий белизной храм, новые бревенчатые добротные дома. Видимо, не все еще погибло. В жесточайшем нынешнем политическом и экономическом кризисе России не все устремились к разграблению ее богатств и наживе.

В глухом углу Калининской области, за старинным русским городком Торопцом, среди холмов с неухоженными, замусоренными лесами, среди брошенных неплодородных пашен, в крохотной забытой деревеньке поднялись вдруг три прочных дома из свежей древесины, завывали мотопилы, застучал трактор, застучали топоры, а рабочей силы-то всего две супру-

жеские четы: Пажетновы да Бологовы, да еще двое временных работников из соседней деревни. Новые хозяева взяли в аренду землю, обосновали совместное крестьянское хозяйство. Но, может быть, не только это главное, а главное еще и то, что Валентин и Светлана Пажетновы, Виктор Бологов — сотрудники Центрального лесного заповедника. Валентин Пажетнов — доктор биологических наук, один из самых известных специалистов по бурому медведю в России и во всем мире, автор блестящих научно-популярных и научных книг и статей о медведях. Виктор Бологов — известный в среде охотоведов специалист по волку.

В столицах бывших республик бывшей могучей державы кипят криминальные страсти, спекулятивный зуд овладел умами массы людей, а здесь, в лесу за Торопцом, Валентин Пажетнов собирает осиротевших по разным причинам медвежат, нянчит их со своею супругой, выращивает, пасет их, как мать-медведица, воспитывает, а потом совсем выпускает на волю — живите, приспосабливайтесь, оживляйте скудеющую родную природу.

Может быть, это сентиментально, но комок подступает к горлу, когда наблюдаешь, как Валентин Пажетнов, сидя у лесной опушки в темно-коричневой (под цвет медвежьей шубы) штормовке, хлопками, напоминающими призывное чмокание медведицы, вызывает из леса медвежат. Они мчатся к нему со всех ног, окружают его и, снулая по-медвежьи, ждут, когда поведет он их в специальный медвежий дом, разведет по клеткам, чтобы не подрались между собой, и каждого

накормит из отдельной миски. Наблюдатель только со стороны может слышать восторженный визг и грозное рычание маленьких зверят. После приема пищи (это только подкормка) они осторожно, оглядываясь по сторонам, друг за другом выходят за порог дома, а потом, как за медведицей, следуют за Валентином. Он ведет их к окраинам лесных болот, на солнечные сосновые бугры, где они уже вполне самостоятельно кормятся сладкой зеленью, корешками, куколками в разрываемых муравейниках... Потом он покидает их. Пусть сами, без посторонней помощи привыкают к лесу, пусть отвыкают от людей, даже от такого сурового воспитателя, как Валентин. А ведь маленькие медвежата невыразимо трогательны, их так хочется погладить, приласкать.

Уже много лет занимается Валентин доразвиванием и воспитанием медвежат. Он изучил их питание, он буквально жил вместе с ними в лесу и даже спал неподалеку в палатке, когда медвежата устраивались на зимнюю спячку в самостоятельно сооружаемой берлоге. Он хорошо знает характеры зверят, и знает, как опасно баловать их. Большая практика, и не только Валентина Пажетнова, свидетельствует о том, что панибратство с медведями опасно. Вот почему, когда какой-нибудь медвежонок пытается благодарно лизнуть своего воспитателя, он тотчас получает отгоняющий поучительный удар сосновой веточкой. Сила даже у медвежат немалая. Я помню, какой сиял красовался на моем мягком месте после шлепка медвежонка. Помню, как двухгодовалый пажетновский миш-

охота

и охотничье хозяйство

1

1994

Ежемесячный общественно-политический и научно-популярный иллюстрированный журнал.
Учредители:
Союз обществ охотников и рыболовов РСФСР.
Трудовой коллектив редакции журнала.

Основан в октябре 1965 г.

© «Охота и охотничье хозяйство», 1994

Вологодская областная универсальная научная библиотека

www.booksite.ru

ка захотел поиграть со мной в лесу. Он встал на задние лапы и, размахивая передними, как боксер, пошел на меня, а я попытался, споткнулся и упал на спину. Только двое здоровых мужчин, упершись палками в грудь медведя, отодвинули его от меня... Но главное — медведжата должны привыкать к самостоятельной дикой жизни. В этом смысл ежегодных «детских садов» для медвежат, которые устраивает добрый и сильный их покровитель.

Валентин Пажетнов — человек необычной судьбы, вобравший в себя лучшие национальные черты. Я не могу быть по отношению к нему беспристрастным. Пусть простит мне читатель этот невольный грех. Я, живущий постоянно в Москве, не могу не сравнивать, будучи окруженным современными социумом, его сильную и спокойную натуру с безмозглыми здоровяками, которые встречаются ныне на улицах. Бытие Пажетнова и ему подобных убеждает меня и успокаивает. Я знаю и верю, что вся всплывшая ныне грязная пена, вся ржавчина во человеках будет смыта и канет в небытие. Помните, у М. Горького:

«А вы на земле проживете,
как черви слепые живут.

Ни сказок о вас не расскажут,
ни песен о вас не споют...»

А вот о Пажетновых, о Бологовых будут ходить легенды. Валентин и теперь уже пользуется заслуженным уважением у окрестных жителей. Надеюсь, нет ему нужды бояться и завистников. Вся жизнь его на виду. Отдыхает он только за завтраком, обедом, ужином... Все остальное время — работа. И жена его, Светлана, под стать ему, все делает бегом. Куры, утки, гуси, поросенок, корова, усадьба с неблагоприятным для урожая сверхдождливым летом, а еще и ведение «летописей природы» для заповедника. Вот это люди! Вот это — соль земли! Таких известных наш историк — Лев Николаевич Гумилев называл пассионариями (огненными людьми). Такие люди всегда стояли во главе исторических подъемов обществ и этносов.

Валентин Пажетнов родился в 1936 г. в Каменске Ростовской области. Мать — бухгалтер. Отец — профессиональный военный, знавший три языка, обладатель «золотых рук». Видимо, и Валентин в отца. Отец и его братья — все были страстными любителями природы и охотниками. От них страсть к природе и у Валентина. Охотиться он начал со старшими в 12 лет, в 15 лет его, в порядке исключения, приняли в общество охотников. Судя по всему, природолюбие не только помогало, но порой и мешало совершать безошибочные шаги в жизни. Наверное, поэтому было время, когда Валентин закончил лишь семь классов школы. Потом работал на заводе. Был и слесарем, и сварщиком, и кузнецом, и шофером. В пятидесятых годах отслужил на Дальнем Восто-

ке в армии. Потом снова работал на заводе. С 1959 до 1963 года, уже женившись, работал штатным охотником в Ярцевском коопзверопромхозе. С 1964 по 1970 г. работал в совхозе и, наконец, закончил среднюю школу, преодолев ее всего за два года. Такой бурной, но и трудовой была молодость. И наколки на руках свидетельствуют о том, что, может быть, не все в молодости было таким уж прямым и гладким, хотя всегда и во всем проявлялась недоюжная сила этого типично русского человека.

В 1970 году Пажетновы пришли работать в Центральный лесной заповедник, а в 1971 г. Валентин закончил учебу во Всесоюзном сельскохозяйственном институте заочного образования (ВСХИЗО). Стал биологом, охотником. С 1972 по 1974 г. был директором Центрального лесного заповедника, но директорство мешало заниматься собственной научной работой, а Валентина постоянно тянуло в лес, и более всего тянуло к медведям. Я бы сказал, что весь он: коренастая фигура среднего роста, натруженные руки, сильный и спокойный характер — весь он типичный лесной житель. И еще. Помните, у Н. Рериха есть картина — «Праотцы человеки»? Там лежащим на холмиках медведям наш далекий предок играет на свирели. Любуясь общением Валентина с медведжатами, я всегда вспоминаю эту картину.

В конце семидесятых годов Валентин стажировался в лаборатории физиологии и генетики поведения Московского университета у известного ученого Леонида Викторовича Крушинского. В 1979 г. Валентин Пажетнов защитил кандидатскую диссертацию, а в 1993 г. — докторскую — все о медведях.

Сын Пажетновых — охотовед в Центральном лесном заповеднике; дочь Наташа замужем за сыном Виктора Бологова — Владимиром. Так рождается своеобразная династия людей. В них и в подобных им — будущее России.

Когда-то Лев Николаевич Толстой говорил, что для победы добра над злом все хорошие люди должны объединяться. Эти мысли невольно приходят мне в голову, когда я вижу, как тянутся к Пажетновым люди: приходят ли со своими бедами и за помощью окрестные жители, приезжают ли в эту глушь только для знакомства ученые из других стран. В нынешнем бедственном положении России объединение всех хороших людей ради ее спасения необходимо, и, может быть, в первую очередь должны объединяться ради сохранения Родины и ее природы люди, непосредственно связанные с лесом, с землей, — лесохозяйственники, охотники, крестьяне... К более тесному общению с природой возвращаются люди в тяжелые времена, и от этого общения начинаются новые подъемы этносов и цивилизаций.

Документы и комментарии
подготовил В. БОРЕЙКО

В 1977 г. журнал «Охота и охотничье хозяйство» впервые рассказал о забытом деятеле охраны природы, заповедного дела и охотничьего хозяйства Франце Францевиче Шиллингере. Плотина умолчания об этом репрессированном ученом была прорвана. И вот спустя 15 лет, благодаря его дочери Адель Францевне и помощи работников Московского управления Министерства безопасности России, стали полностью известны материалы, долгое время хранящиеся в спецхранах ОГПУ — КГБ.

Ф. Ф. Шиллингер родился 26 сентября 1874 г. в Галиции, получив лесное образование. Работал лесничим, бывал в экспедициях по Сибири, Монголии и Тибету, занимался изготовлением учебных пособий в Нижнем Новгороде и Москве. В 1914 г. был арестован царской охранкой как австрийский подданный по подозрению в шпионаже в пользу Австро-Венгрии. Но через 72 дня был освобожден.

Талант Шиллингера как деятеля охраны природы расцвел в 20—30-е годы. По его проектам было создано около 20 заповедников в России и Средней Азии (среди них — Печоро-Илычский, Алтайский, Наурзумский, Кызыл-Агачский, Алма-Атинский, Боровое, Кондо-Сосвинский); организованы Всероссийское общество охраны природы, Комитет по заповедникам при ВЦИКе, Главное управление по лесоохране и лесонасаждению при СНК СССР, Главное управление охоты и звероводства при Наркомземе СССР. Союзным и российским правительством по предложению ученого было принято около двух десятков постановлений по охотничьему хозяйству и охране природы. Шиллингер — автор 10 книг и 50 статей по этой же теме, лауреат премии Совнаркома СССР, руководитель Крымской комиссии ВООП. Благодаря его письму Сталину в январе 1936 г. удалось отстоять от готовящегося разгрома заповедники.

Вот несколько характеристик Ф. Ф. Шиллингера от людей, близко его знавших. Профессор И. И. Пузанов вспоминал: «...это был тучный, рыжеусый человек лет 55, лесовод по профессии, охотник, фотограф, страстный любитель природы и большой фантазер». А вот что писал о нем другой авторитет в области природоохранения, профессор Г. А. Кожевников: «Я лично ценю Шиллингера как энергичного работника. Вы не имеете полного представления о том, какие

ПОСЛЕДНЕЕ ПИСЬМО ● ФРАНЦА ШИЛЛИНГЕРА

Франц Францевич Шиллингер

невероятные затруднения и трения испытывало все время дело охраны природы в Наркомпросе и все эти трения принимал на себя, на свои нервы Шиллингер, защита, казалось бы, безнадежные позиции и проявляя громадную самоотверженность и энергию».

Высокая принципиальность и необыкновенная честность Шиллингера вызывали ненависть со стороны тех, кто хотел погреть руки на заповедниках. И они отомстили ему. 25 апреля 1935 года, после смерти председателя Комитета по заповедникам при ВЦИКе, старого большевика П. Г. Смидовича, всегда защищавшего Шиллингера, Францу Францевичу без объяснений было отказано в работе в этом комитете. Однако он не очень унывал, продолжая заниматься любимым делом на общественных началах во Всероссийском обществе охраны природы. В апреле 1938 г. Ф. Ф. Шиллингер готовился возглавить очередную экспедицию ВООП в Якутию. Однако ей не суждено было сбыться...

В ночь с 14 на 15 апреля 1938 г. Шиллингер был арестован в своей московской квартире чекистом Стребковым. На допросах ученому вменялось в вину, что он якобы завербовал для контрреволюционной деятельности своего знакомого К. Д. Шведика, в чем тот, арестованный ранее, уже

«сознался». На всех допросах Франц Францевич отрицал наговор. Несмотря на это, следователь Шевченко сфабриковал обвинительное заключение, в котором говорилось, что Шиллингер «занимался шпионской деятельностью в пользу Германии». 24 июня 1938 г. особое совещание при НКВД СССР приговорило охотоведа «по подозрению в шпионаже заключить в исправительно-трудовые лагеря сроком на восемь лет». Первое время свой срок он отбывал в лагерях под Владивостоком, затем под Мариинском Кемеровской области и наконец в лагерях Сосыва Свердловской области.

Из мест заключения он послал несколько писем в Верховный Совет СССР с просьбой о пересмотре дела, а также свои проекты по улучшению охотничьего хозяйства на Севере и Дальнем Востоке. Последнее письмо им было отправлено к друзьям во Всероссийское общество охраны природы. Нельзя не привести его полностью.

В Президиум Всероссийского общества охраны природы в Москве

г. Владивосток, заключенного в транзитном лагере НКВД, барак № 2-й

Заявление

Ровно 6 месяцев тому назад я был арестован и заключен в сущности без следствия приговором Особого совещания НКВД по подозрению в шпионаже к 8 годам трудово-исправительных лагерей. Ввиду моей болезни — цинга, нахожусь здесь на лечении. Цинга опасно обострила мою сердечную болезнь, эмфизему и гайморит. Я, конечно, ни на минуту не сомневаюсь, что моя полная невинность и непричастность к подобного рода подозрению рано или поздно выяснится и с меня будет снято это позорное подозрение. Время, однако, идет, уже моя болезнь прогрессирует, и если скоро, очень скоро положение не изменится, то, конечно, 63-летний организм не выдержит, но так как скорой помощи из Москвы ждать не придется, то я решил послать свой последний привет с пожеланиями дальнейшего процветания Обществу охраны природы, над которым я так много и усердно потрудился и притом ненапрасно.

Конечно, я далек от мысли перечислять здесь мои заслуги перед нашим Обществом и Комитетом по заповедникам, так как каждому работнику по линии охраны природы это прекрасно известно, тем не менее непременно упомяну, что одно и другое не существовало бы без моей инициативы и энергии.

Так как утопающий хватается за соломинку и в этот момент замечают и иногда спасают, я прошу Президиум Общества возбудить перед кем и где следует вопрос о пересмотре моего дела и притом не только в сторону моего полного освобождения, а хотя бы в сторону применения моего принудительного труда по специализации. Думается мне, что великая радость такого рода облегчения моей совершенно незаслуженной участи возымела бы благотворное действие и я выздоровел и смог бы еще плодотворно работать в любимой мною отрасли, которой я посвятил свою жизнь. Это можно в любом из заповедников Азиатской или Европейской части нашего Союза. Если же это нельзя почему-либо, то мог бы работать по охотничьему хозяйству, по лесонасаждению и озеленению населенных пунктов и проч.

Так как мне более чем кажется, что Общество или отдельные члены его навряд ли решатся так или иначе поднять перед кем-либо вопрос обо мне, боясь скомпрометировать себя или Общество, то осмеливаюсь просить еще не оставить без помощи мою несчастную семью — жену 60-ти лет и дочь. Если захотите меня, умирающего, обрадовать, то если это возможно, пришлите или через жену мою мне телеграмму по вышеуказанному адресу (здесь телеграммы и письма вручают официально).

Ну так легче стало, когда поделился с вами своей печалью. Прощайте, еще раз всего-всего хорошего от меня вам, даю честное слово, что я ни в чем не повинен, меня возможно оклеветали настоящие враги народа.

Прощайте, Франц Шиллингер.

(Архив УМБРФ по Москве и МО.
Дело № П-22706, лл. 41—44)

Нельзя спокойно читать эти строки, написанные на клочке шершавой оберточной бумаги.

Однако заместитель председателя Президиума ВООП В. Макаров не стал вступаться за своего коллегу, сообщив в Наркомвнутдел СССР, что Ф. Ф. Шиллингер исключен из членов ВООП, но является специалистом в области охотничьего хозяйства и лесоводства.

Франц Францевич Шиллингер умер от пеллагры 4 мая 1943 г. в лагере Сосыва Свердловской области.

Жена Шиллингера и его дочь в июле 1941 г. были также репрессированы как родственники «подозреваемого в шпионаже в сторону Германии».

Реабилитирован Ф. Ф. Шиллингер 12 апреля 1956 г. посмертно. Так трагическая оборвалась судьба одного из самых энергичных деятелей охраны природы и заповедного дела 20-30-х годов.

ОСТАНОВИТЬ БЕСПРЕДЕЛ

Светлой памяти Бориса Николаевича Яременко — директора госохотхозяйства «Заречанское» Житомирской области, погибшего 23.01.93 г. на боевом посту от руки браконьера

Летит неумолимое время, уже давно растаял снег, на котором он оставил следы своих последних шагов, зеленеют белокорые березы на прогалинке, где пролилась его кровь... Шумят старые сосны там, где отстрелялся он в последний раз, зовя на помощь к себе, тяжело раненному браконьерской пулей в живот и истекающему кровью. Шумят горюя, что в тот холодный январский вечер вой ветра в их ветвях заглушил звук карабинного зова о помощи. А он звал. Возможно, впервые в жизни открыто звал на помощь.

Его часто звали на помощь, и Борис безотказно шел, ехал... За короткий срок с 1984 г. он, молодой охотовед, сумел ценой бессонных ночей и тяжелого труда превратить обычный уголок полесских лесов в высокоорганизованное охотничье хозяйство. Борис Николаевич рассказывал, что в его первый сезон промыслового отстрела не было среди добытых лосей ни одной особи без браконьерской картечи под шкурой. И он начал медленное, но целенаправленное «перевоспитание». Конечно, работал не только сам, ему помогали другие, но именно он был во главе всех добрых дел даже в тяжелые времена поисков и неудач. Коллеги-единомышленники составляли костяк сплоченного коллектива хозяйства, которое организовал и возглавил Борис Николаевич.

Борис Николаевич Яременко у рации с егерями рейдовой бригады

Похороны показали, сколько было у него друзей! В те промозглые январские дни маленький полесский городок Дзержинск утонул в венках траурной процессии.

Тяжело писать о нем, ведь в памяти остается Боря-весельчак-гитарист, Борис-заходила, гроза браконьеров, Борис Николаевич — профессионал-охотовед, мастер своего дела. Память подсказывает эпизод за эпизодом, случай за случаем из его жизни. Вот он с группой первых оленей, отловленных на Херсонщине, кормит из соски малыша Гошу, превратившегося нынче в красавца-оленя. Вот он у кормушки конструкции Яременко и доверчивые оленухи ждут невдалеке. Вижу его среди трофеев создаваемого им музея охоты, экспозицией которого он очень гордился, но до открытия музея не дожид. Вижу его, ловящего в прицел мелькающий серый силуэт убегающего волка. Он был виртуозом-водителем, стрелком-снайпером, прекрасным следопытом-охотником, неутомимым ходоком, талантливым натаскиком охотничьих собак, организатором...

Тяжело писать, но хочется поделиться со всеми воспоминаниями о нем. Может быть, иногда, бывая в лесу и провожая глазами исчезающий силуэт косули, вспомнит кто-нибудь, что где-то рядом идет по тропе человек в защитной форме, защищающий братьев наших меньших. За них он идет в бой, за них может умереть. Как объединить и совместить непримиримое? Любовь к природе и охоту. Он это сумел. Сухие строки его отчета прошлых лет иллюстрируют работу охотничьего хозяйства, возглавляемого Борисом Николаевичем. За

семь лет общая численность лосей выросла в 1,9 раза, кабана — в 1,6, объем добычи этих животных увеличился соответственно в 4,2 и 5,6 раза. Стабилизировался структурный состав популяций. По данным апрельского учета 1990 г., в Явненском лесничестве в составе взрослой части популяции лося 55,4 % самцов и 44,6 % самок, что приближается к оптимуму. Кроме того, значительно увеличилось число трофейных самцов — как быков-рогачей у лосей, так и секачей у кабанов.

Причины улучшения стада копытных таковы.

Положительно решен вопрос о ликвидации незаконных охот, основной вред от которых заключен в разрушении нормальной половозрастной структуры популяции. Ведется регулируемый отстрел. С помощью нарезного оружия, оснащенного оптикой, а также используя повсеместно собак, охотовед (Борис Николаевич в то время работал охотоведом) вместе с егерями не допускает добычи маточного поголовья. Селекционный отстрел проводится круглый год. Доля молодняка до 1,5 лет составила 57,6 % по лосю и 74,1 % добычи по кабану. Успешно ведется борьба с хищниками. Практически на территории хозяйства встречаются лишь пришлые особи волков и бродячих собак.

Следует добавить, что борьба с хищниками была одной из основных работ в хозяйстве. Мы как-то попытались подсчитать личные трофеи Бориса, но на третьем десятке волков (а это для Украины немало) сбились и прекратили это занятие. Появление волчьих следов в районе оленятника воспринималось как ЧП и означало одно — «общую мобилизацию» егерского состава со всем техническим обеспечением (вездеходы, снегоходы, верховые лошади, радиосвязь, флажки) на поиск и добычу «санитаров».

Особое место в жизни Бориса занимали охотничьи собаки, и в первую очередь лайки, чья судьба на промысле копытных крайне тяжела. На кабаньей охоте конец их жизни часто определяется мгновениями боя. От случайного выстрела погиб старый седой Чук, под клыком кабана кончил свою жизнь бесстрашный Гек, от руки браконьера погибла его любимица, родоначальница знаменитых Борисовых собак, западносибирская лайка Найда.

На моей памяти Борис похоронил отца, мать, потом отца, на погребении остался малолетний брат. Он успевал везде, личным примером показывая, что и как делать. Борис Николаевич творчески подходил к вопросам охотоведения: новые средства и способы пропаганды борьбы с браконье-

рами, добычи хищников, промысла и биотехники — все бралось на вооружение и давало результаты.

Госохотхозяйство «Заречанское» стало местом, куда старались не показываться любители легкой наживы и «мясники» — с Яременко шутки не проходили. Зато серьезные охотники знали: интереснее охот на опытных, хищника, чем в «Заречанском», нет — и плотность населения дичи большая, и организация охот на высоте. Цивилизованная охота прочно завоевывала позиции в хозяйстве, и начало казаться, что трудности позади, а зло побеждено. Верилось, что бессонных ночей и работы «на износ» достаточно, чтобы наладить контакт «человек — дичь», но увьи...

Похоже, что прошло время увещеваний. Жесткое отношение к грабителям природы позволило бы остановить беспредел. Тяжело сейчас почти всем, но лишь отъявленные негодяи рвут все на своем пути ради сиюминутной выгоды, не останавливаясь даже перед человеческой кровью. Так неужели сейчас мы не сумеем навести элементарный порядок в своем доме, поставить на место зарвавшихся мерзавцев? Пока гибнут честные и преданные своему делу люди, природа в опасности. Пришло время объединиться и поклясться, что будет жить честное братство единомышленников, связанных святыми словами Природа и Охота.

Я ЕЩЕ МОГУ РАБОТАТЬ...

Здравствуй, уважаемая редакция! Пишет вам с надеждой на помощь старый подписчик, член охотобщества с 1976 г., в недавнем прошлом егеря Сосновского государственного лесохозяйственного хозяйства. Дело вот в чем. Хотя я коренной горожанин, но Природой живу с детства. В 1984 г. осуществил свою мечту — уехал из города в Сосновское ГЛОХ, где работал сначала лесником-егерем, а затем егерем на обслуживании охотников-гостей, в том числе и иностранных. Готовил и проводил охоты на кабана, лося и оленя «на реву», на глухариних токах и на водоплавающую дичь, не считая рыбалок (форель и лосось). В общем, не хвалясь, скажу, что опыт работы у меня большой. Но времена меняются.

С 1988 г. началась массовая продажа фундаментов бывших финских домиков. (На территории хозяйства, в самых живописных уголках осталась сеть старых финских хуторов.) Следом за фундаментом стали направо и налево продавать наилучшие кормовые угодья и землю. Основные нерестилища рыб отданы варварам-кооператорам. Кругом — сети, ставники, мережи. В лесу кроме дачников не стало ничего живого. Хозяйство, в полном смысле слова, «пошло с молотка». Куда ни глянь — дачи, дачки, дачищи. Не стало зверя, не стало рыбы, не стало работы, лопнула мечта.

Именно поэтому я и пишу вам, помогите найти работу! Ведь ваш журнал доходит до самых потаенных уголков России. Где-нибудь, я уверен в этом, нужен человек моей профессии. Готов уехать куда-нибудь в таежное поселение, лишь бы была

возможность ребенку учиться, а семье иметь подсобное хозяйство. Мне еще только 34 года, и я могу работать с полной отдачей. Из ГЛОХа я давно уволился, не вынес, живу случайными заработками, плотничая. Поблизости (в Ленинградской, Новгородской, Псковской областях) ничего не нашел и уже два года мечтаю о краях иных. Вся надежда на журнал, опубликуйте мое письмо! Охотники, ради всего святого, откликнитесь! Мой адрес: 188734, Ленинградская обл., Приозерский р-п/о Запорожское, Сосновское ГЛОХ. Григорьеву Михаилу Евгеньевичу.

«КОРМУШКА ДЛЯ ЧИНОВНИКОВ»

Дорогая редакция! Я охотник с 1966 г., а с января 1993 г. работаю егерем Лыгоского райоохотобщества, в котором 1000 человек. За небольшой период своей работы столкнулся с рядом проблем, которые не могу разрешить. Это — проблемы правовой защиты охотника. Обращался в Курское областное общество, но вразумительных ответов не получил, так как руководство там постоянно меняется.

Нам непонятна двойная структура в охотничьем хозяйстве. Если раньше были облохотобщество и госохотинспекция, все казалось просто — арендаторы и хозяева. Теперь госохотинспекции преобразованы в управления охотничьего хозяйства. В нашей области это управление изъясло лучшие охотничьи угодья и теперь само продает охотникам путевки, лицензии на ценные виды зверей и копытных. От такой деятельности они получают хорошие барыши и неплохо живут.

Если раньше госохотинспекция занималась главным образом борьбой с браконьерством, а отстрел копытных производился только в присутствии контролирующего лица и в определенных угодьях, то теперь все отдано на откуп лицам, получившим лицензию. Многие охотники не согласны с такими новшествами, они настаивают на отделении райообщества от областного хозяйства. Областные руководители видят в нас только «кормушку». Они выдают путевки по всей области без нашего ведома людям, которые на мощной технике уничтожают все и вся. Руководят нами только циркулярами. За последние пять лет у нас не был ни один из руководителей. Мы совершенно бесправны. Из четырех егерьей остались два. На имеющуюся автомашину бензин не выделяется. Ружья и охотничье снаряжение в магазинах практически не поступают, хотя все основные показатели мы стараемся выполнять. Но главное — гибнет животный мир, и никому нет до этого дела.

Сегодня часть охотников не в состоянии вовремя уплатить членские взносы. По существующему положению такой охотник выбывает из членов общества. И если он желает остаться в обществе, то обязан вновь вступить в него и вновь уплатить вступительный взнос. Далеко не все могут оторвать от семейного бюджета такую сумму. Почему бы в каждом конкретном случае не рассматривать по письменному заявлению охотника причины неуплаты, а в исключительных случаях (болезнь, командировка) не разрешить ему уплатить взносы за просроченное время? Наши предложения по этому вопросу облохотобществом во внимание не принимаются.

По поручению охотсовета общества
Г. М. ПАШКОВ,
Курская обл.

«КРИК В ПУСТЫНЕ»

Дорогая редакция! Все охотники буквально ошарашены непомерно высокими членскими взносами. И это вызывает законный вопрос: куда пойдут наши деньги? Может, на плату за арендованные земли? Или на проведение в будущем обширных биотехнических мероприятий? Наши охотники делали кормушки, солончьи, вязали снопы и т. п. На все это затратили свои материалы, использовали собственную технику, в то время как руководители районного общества не выделили ни копейки.

По иронии судьбы граница между арендованными землями и государственным фондом проходит по центру нашего села и делит земли совхоза на две части. На нашей же территории еще и воспроизводственный участок. Вот и оказались 40 охотников зажатыми на маленьком пятачке. Недаром у нас на одного охотника приходится менее одного зайца и менее одной утки. В ответ на все наши обращения к районному руководству — глухое молчание. Сегодня глас охотника — это глас «вопиющего в пустыне». Все решается наверху, в кабинетах начальников. Личность охотника, его права и нужды никого не интересуют.

От имени коллектива
охотников Ю. А. АНДРИЯНОВ
Пермская обл.

ЗАЧЕМ НУЖНЫ ЕГЕРЯ?

Перечитывая старые номера журнала «Охота и охотничье хозяйство», наткнулся я на статью, где егеря жалуются, что им не выдается форменное обмундирование. Сегодня об этой «проблеме» уже не вспоминают. То, что сегодня поступает для егерьей, лихо распределяется в «верхнем эшелоне». Про оружие и технику надоело говорить. Бывшая и нынешняя номенклатура, а также господа, близко к ним стоящие и сидящие, имеют и карабины, и машины, и снегоходы. Егерь не в состоянии проконтролировать их деятельность на охоте, так как кроме лыж и штатной одностолки 12-го калибра у него ничего нет.

А зачем вообще сегодня егеря? Некоторые уже предлагают поделить все охотничьи угодья и убирать егерьей за ненадобностью. К этому, по-моему, все и идет. Если мы вдруг забастуем, никто этого даже не заметит, разве что звери и птицы.

Е. И. НЕКЛУДОВ
Вологодская обл.

НАШ БРИГАДИР

Здравствуй, уважаемая редакция! Мы хотим рассказать о бригадире Бужанского первичного охотколлектива Петре Владимировиче Добровольском. Это замечательный, добрый и отзывчивый человек, истинный любитель природы и ее неустанный хранитель. Только этой зимой мы с ним сняли более ста браконьерских петель. Ежегодно наш коллектив заготавливает много сена и веников — в этом тоже немалая заслуга нашего бригадира.

В. ЧЕБЕЦ, В. ФИЛОНЕНКО,
М. ВДОВИЧЕНКО и др.
Черкасская обл.

По страницам старых журналов

Ж. «Пушное дело», март, № 5, 1928 г.

К ПРОБЛЕМЕ СОБОЛЕВОДСТВА

ВЛ. ГЕНЕРОЗОВ

Звероводство превратилось в Северной Америке в новую устойчивую и весьма доходную отрасль мелкого сельскохозяйственного животноводства. Все данные указывают на то, что этой новой промышленности, являющейся наиболее интенсивной формой пушного промысла, суждено развиваться в СССР и особенно в связи с широкими возможностями соболеводства, на что указывают весьма интересные опыты разведения родственных соболям куниц на опытной звероводной станции Американского Департамента земледелия в штате Нью-Йорк...

Особенный интерес представляют для нас достигнутые результаты с разведением куниц и илек, как зверей, наиболее близких к нашему соболю. Результаты крайне незначительны: куниц в неволе всего 69 и илек 46. Родилось куниц всего шесть штук и илек две штуки. Несмотря на долгие опыты с куницами и ильками, методы их разведения не могли быть точно установлены и носили характер опытов, оканчивавшихся, за немногими исключениями, неудачей. Только в самое последнее время были получены данные, судя по которым можно думать, что верный путь найден и далее дело пойдет легче.

Должного внимания проблеме соболеводства не было уделено: этим вопросом интересовались немногие, чаще всего между прочим, и все опыты продолжались весьма короткий промежуток времени, чтобы можно было получить определенные результаты. **До сего времени еще ни одного соболя не родилось в питомнике, и это, как мы увидим из дальнейшего, объясняется, по-видимому, одною биологиче-**

Выдающийся русский охотовед Владимир Яковлевич Генерозов.

ческой особенностью, которую мы находим и у куниц.

Дело с разведением куниц в Америке, как мы видели из статистических данных, обстоит в Канаде далеко не блестяще: число питомников, зверей и полученного приплода крайне незначительно. В чем же дело?

Судя по опытам Американского Департамента Земледелия, спаривание у куниц падает обычно на август, и открытие этой особенности позволило американцам получить несколько приплодов. До этого зверей держали отдельно, предполагая, что самец и самка могут подражаться, и спускали их вместе в конце зимы: в январе, феврале и марте, предполагая, что у них,

как и у лисиц, в этот период бывает течка. Исходя из того же предположения, все иностранные и русские звероводы спускали куниц и соболей, когда у них не было течки, и разъединяли их к августу, когда она наступала.

Итак, американцы доказали, что при содержании куниц-самок вместе с самцами в течение летних месяцев июля — августа вполне возможно получение приплода. Разведение куниц в питомниках стало совершившимся фактом и весьма важным для нас, русских. Рассуждая по аналогии, мы можем надеяться, что возможно разводить у нас таким образом и соболей. Промышленное же разведение соболей — это революция в пушном звероводстве, так как по указанным выше соображениям центр внимания к этой промышленности неминуемо начнет перемещаться из области лисоводства в область соболеводства. Это ныне выдвигает вопрос о правильной постановке опытов по разведению соболей и о выяснении причин неудач прежних попыток.

История этого вопроса у нас такова. Одним из первых опытов по соболеводству явились попытки разведения соболей в питомнике Д. О. Подороги, выстроенном на деньги, отпущенные бывшим Департаментом Земледелия, в сумме около 50 000 рублей. Питомник, имевший задачу быть опытно-показательным учреждением по звероводству при Департаменте, своего назначения не выполнил. Опыты по лисоводству и песцоводству не дали ничего показательного, а от соболей не было получено приплода, так как, основываясь на общем мнении специалистов, самок-куниц спускали на зимнее время, когда шла течка и у лисиц, и рассаживали на летние месяцы, когда действительно у них могло произойти спаривание. До опытов аме-

Статья печатается с сокращениями. Выделено автором.

Вологодская областная универсальная научная библиотека

www.booksite.ru

риканцев никто этого не мог предвидеть. Отсутствие приплода у соборей было точно удостоверено специальной комиссией департамента, посланной на питомник Д. О. Подороги под общим руководством ученого специалиста охотоведа, профессора А. А. Силантьева, и в которой мне также пришлось принять участие, как специалисту Отделения охоты того же департамента. Соборей были в хорошем состоянии, но приплода у них не было. На следующий год питомник, в связи с революцией и другими причинами, был закрыт.

В 1924 году стал функционировать зверопитомник Севзапгосторга, имевший пару племенных черных лисиц, 13 баргузинских соборей и сверх того белых песцов и красных лисиц для дополнительных наблюдений и опытов. Соборей прибыли 15 мая 1924 года и были рассажены каждый в отдельную просторную клетку. Считалось, что период спаривания в этом, 1924 году был уже упущен и только зимой 1925 года соборей были разбиты по парам и содержались вместе. Постоянно существовало опасение, что самец, подпущенный к самке, которая еще не вошла в охоту, встретит сопротивление самки и сможет ее загрызть. Подпуск самцов к самкам прошел без каких-либо осложнений. Постепенно звери стали парами жить в одной будке. С наступлением весны самцы были отсажены. Было замечено, что в период весны самцы несколько изменили поведение, терлись своими половыми органами о снег, «чертили по снегу», как это отмечают соборейники-промышленники. Факта спаривания не наблюдалось, но его можно было легко проследить. Были предположения о беременности некоторых самок, но приплода в 1926 году от соборей не было получено.

В данном случае была повторена ошибка, которую делали все, занимавшиеся соборейми; зверей разъединяли на лето, когда, судя по кунницам, у них должна была происходить течка.

Наблюдения над соборейми и неизбежные ошибки и неудачи в таком новом деле дали возможность выяснить часть основных технических вопросов соборейводства, как-то: о типе

соборейных клеток, домиков и будок для зверей, о кормовых рационах, способах ухода и кормления соборей в различные периоды их жизни, о заболеваниях соборей и ряд других. Ни один из основных вопросов — о спаривании соборей и получении от них потомства — так и не был сколько-нибудь освещен, так как летом того же 1926 года этот зверопитомник, организованный Севзапгосторгом и затем переданный Главной Пушно-сырьевой Конторе Госторга, был ею закрыт по причинам его дефицитности и из-за того, что приплода от соборей не было получено в первый же год их спуска парами, и из-за того, что приплод от пары серебристо-черных лисиц в первый, 1925 год погиб от болезни, а во второй, 1926 год — по вине одного из низших служащих питомника. Таким образом, опыты с соборейми закончились.

Соборей, отправленные частью в Архангельский питомник Госторга, не имели должного устройства клеток, ввиду спешности их присылки, и не могли спариваться. Равным образом и со-

болей, частью попавшие в Московский Зоопарк, также были доставлены слишком поздно, чтобы дать приплод в первый же год. Однако в июле 1927 года там наблюдалось спаривание соборей, и этот факт подтверждает мою догадку, что в данном случае имеется полная аналогия в процессе развития течки у кунниц и соборей. Быть может, спарившиеся в июле 1927 года соборей дадут приплод в апреле сего, 1928 года и тогда спорный вопрос о времени нормальной течки у соборей будет вполне выяснен.

На опытном питомнике на Московской Станции Юных Натуралистов им. К. А. Тимирязева также не наблюдалось весенней течки у полученных в марте соборей. Всего на станции было в 1927 году 12 соборей и у одной пары соборей в июле 1927 года наблюдалась резко выраженная гоньба и самец несколько раз пытался покрывать самку как в клетке, так и в гнездовой будке. Полного спаривания снаружи клетки наблюдать не пришлось. В течение ряда лет, вероятно, около четырех-пяти, ведутся опыты с соборейми профессором В. Ч. Дорогостайским на зверопитомнике Иркутского Университета. Там также самцов отделяли от самок на летний период и приплода не получалось.

Так, постепенно, шаг за шагом, выясняются спорные вопросы техники соборейводства. Основываясь на наблюдениях профессоров П. А. Мантейфеля в Московском Зоопарке и Н. И. Дергунова на Биостанции, а также учитывая опыт американской правительственной звероводной станции, мы почти с полной уверенностью можем теперь определить причину неудач прежних попыток разводить соборей в неволе: период спаривания был ошибочно отнесен на январь — февраль, тогда когда он падает на июль — август. Только теперь по выяснении этого основного вопроса имеет смысл подымать вопрос о типах клеток для соборей, об их кормлении и уходе за ними и эти же соображения удерживали меня от каких-либо опубликований моих незаконченных опытов над соборейми в питомнике Севзапгосторга. В общем же я считаю, что соборейводство ныне стоит на верном пути...

СУМАСБРОДНЫЕ ФАНТАЗИИ ИЛИ ЗЛОНАМЕРЕННЫЙ ОГОВОР?

Помещенная выше статья В. Я. Генерозова имеет отношение к одному затянувшемуся «недоразумению», из-за которого пытаются оспорить за-

слуги профессора П. А. Мантейфеля в решении проблемы разведения соборей в неволе, а его имя подвергают испытанию остракизмом.

Поводом для раздора послужили письма В. Я. Генерозова, каковые в последние годы жизни он во множестве рассылал своим адресатам. В по-

слании известному зоологу, профессору Н. К. Верещагину (30 июня 1961 г.) В. Я. Генерозов писал: «Своей гипотезой о летнем гоне у соболей я подвел научную экспериментальную базу для клеточного соболеводства. Это была моя статья в майском номере журнала «Пушное дело» за 1928 г., а профессор Мантейфель использовал мою идею — гипотезу и весной 1929 г. получил первый приплод, доказав таким образом правильность моей гипотезы, но к сожалению, забыв (по рассеянности) упомянуть о моей статье».

Познакомившись со статьей В. Я. Генерозова, нетрудно увидеть, что «научной экспериментальной базы для клеточного соболеводства» она не содержит и что «идею — гипотезу» о летнем гоне у соболей нельзя считать гипотезой В. Я. Генерозова, так как аналогичные сообщения в зарубежной и отечественной печати были сделаны раньше другими авторами. За год до этого сообщения П. А. Мантейфель знал о сроках гона у соболей, но, как он пишет, «первое спаривание в 1927 году приплода не дало по целому ряду условий, не учтенных тогда еще нами» («Соболь», М., 1934).

Выдающегося отечественного охотоведа Владимира Яковлевича Генерозова постигла страдальческая судьба. В 1935 г. он был арестован, лишен свободы, его научная карьера сломана, жизнь исковеркана, здоровье подорвано. В одном из писем Н. К. Верещагину он как-то пожаловался: «У меня было два случая спазма сосудов головного мозга: раз в Ленинграде, а недавно в Казани... Я теперь полунвалид... Спазмы сказались на резком снижении силы памяти».

Болезненные претензии В. Я. Генерозова к П. А. Мантейфелю — следствие не только снижения силы памяти. Зная о горькой участи В. Я. Генерозова, вряд ли кто-нибудь посмеет кинуть в него камень.

Но мы не имеем права не поставить это в вину тем завистникам и ненавистникам П. А. Мантейфеля, которые взяли частную переписку В. Я. Генерозова на вооружение. В ряду самых нетерпимых соучастников тридцатилетней кампании против П. А. Мантейфеля, преследующих его с маниакальной мстительностью, прямо-таки на грани психопатии, бесспорно пальма первенства принадлежит ученику Петра Александровича по Московскому пушно-меховому институту Ф. Р. Штильмарку.

В статьях многих авторов, опубликованных и в нашем журнале, убедительно говорилось об ошибочности утверждений Ф. Р. Штильмарка, и нам одно время казалось, что инцидент исчерпан. Однако критика П. А. Мантейфеля не прекращается — она приобретает характер целенаправленной травли. Поэтому мы еще раз возвращаемся к этому вопросу. Ведь сам П. А. Мантейфель уже не сможет ответить своим мучителям —

П. А. Мантейфель с тремя соболятами — первым в мире потомством, полученным в неволе. 1929 год, Московский зоопарк.

он скончался более тридцати лет назад.

Оспаривая общепризнанный факт, что именно П. А. Мантейфелю впервые в мире удалось получить приплод от соболей в неволе, Ф. Р. Штильмарк безапелляционно заявляет: «приплод от соболей в неволе не только пытались получить, но и вполне успешно получа-

ли задолго до работ Московского зоопарка, КЮБЗа и Мантейфеля». Конечно, это всего лишь фантазия Ф. Р. Штильмарка, и, чтобы убедиться в этом, достаточно познакомиться с опубликованной выше статьей В. Я. Генерозова. Если бы приплод в неволе действительно был получен, то стало бы известно и время гона у соболей. Однако до 1927 г. самцов продолжали соединять с самками в феврале — марте, когда гона не было и быть не могло. В основном из-за этого все попытки разведения соболя в неволе терпели неудачу (питомник при Баргузинском заповеднике — Сватош, Забелин; в Больших Котах на Байкале — Дорогостайский; у станции Лисино в Ленинградской области — Подорога; Севзапторга — Генерозов; питомник при БЮНе — Подаревский) (ж. «Пушное дело», № 2, 1929).

Виновниками всех описанных «фактов» получения приплода от соболя в неволе оказывались самки, пойманные в лесу беременными и разродившиеся в вольерах. Ни одного случая приплода от соболей, содержащихся в неволе, до 1929 г. установлено не было. Об этом неоднократно писал В. Я. Генерозов в письмах и статьях. «Что же касается соболя, то таковой в неволе еще не размножался», — констатирует он в статье «Промышленное звероводство в довоенной России и в СССР» («Пушное дело», № 1, 1927).

Ссылаясь на статью С. В. Керцеля, Ф. Р. Штильмарк пытается доказать, что Д. О. Подорога удалось получить приплод от соболей в питомнике около станции Лисино. Но В. Я. Генерозов это категорически отрицает. «Отсутствие приплода от соболей в этом питомнике было точно удостоверено специальной комиссией Департамента Земледелия», — пишет он. Так что и это утверждение Ф. Р. Штильмарка — плод неадаптивного воображения.

Далее Ф. Р. Штильмарк уверяет, что в статье «К проблемам соболеводства» В. Я. Генерозов «впервые в отечественной литературе высказывается о подлинных причинах неудач с размножением соболей в питомниках, ... делает предположение о правильном сроке гона соболей и кунниц». К сожалению, и это заявление Ф. Р. Штильмарка, как и все предыдущие, — неуместная фантазия.

В том же номере журнала «Пушное дело» напечатана статья А. М. Дижбита «Промышленное звероводство в Германии», где автор пишет: «Вернувшись в этом году из Америки, профессор Таранского университета Прелль... сообщил, что американцы установили, что кунницы и СОБОЛЫ (выделено нами — О. Г.) имеют гоньбу не весной, как это до сих пор полагали, а в конце июля — начале августа. Когда я узнал об этом в Германии, то немедленно сообщил эту новость в Москву, дабы были сде-

П. А. МАНТЕЙФЕЛЬ

В этой книге подробно описана технология получения первого приплода от соболей в неволе.

ланы опыты с находившимися в зоологическом саду и биостанции соболями».

Были и более ранние публикации. В февральском номере журнала «Пушное дело» (№ 4, 1928) помещена статья «К вопросу о разведении куниц». Ее автор обозначил себя инициалами И. Ж.. Он писал: «Получены достоверные сведения с американских ферм, что в трех случаях установлена течка у куниц в июле — августе... Данные о времени течки у куниц, приводимые Ф. Шмидтом, подтверждены профессором Преллем в статье, напечатанной в № 11 журнала «Die Pelztierzucht». Профессор Прелль считает установленным, что куницы спариваются поздним летом, в июле — августе... 11 июля у пары соболей, живущих на той же ферме (ферма Г. Грабенштейна в Германии), наблюдалось большое оживление, очевидно, в связи с наступающим половым возбуждением».

«На основании опыта американских звероводов,— продолжает фантазировать Ф. Р. Штильмарк,— В. Я. Генерозов делает предположение о задержке развития эмбрионов у куниц и соболей», «Генерозов первый высказал гипотезу о том, что у кунных зверей затяжная беременность». И эти утверждения Ф. Р. Штильмарка, как нетрудно убедиться,— очередной «художественный» вымысел.

В статье А. М. Дижбита говорится, что «американцы установили...

оплодотворенное... самцом яйцо самки находится некоторое время без развития и только зимою оно начинает развиваться». О том же можно узнать и из статьи И. Ж.: «У куниц, очевидно, яйцо после оплодотворения остается продолжительное время в матке, не развиваясь». Латентный период (эмбриональная пауза) у кунных был установлен американскими звероводами, И. Ж. сообщил об этом в отечественной литературе до того, как, по утверждению Ф. Р. Штильмарка, «предположение» о том же сделал В. Я. Генерозов. Возможно, что и сообщение И. Ж. не было первым в нашей печати.

«Если бы проблему соболеводства удалось разрешить благополучно,— писал В. Я. Генерозов (1927),— то это явилось бы революцией в звероводстве не только в СССР, но и во всем мире».

Такую «революцию» и совершил П. А. Мантейфель в Московском зоопарке. Правда, сам Петр Александрович об этой «революции» в звероводстве» отозвался более чем скромно: «Можно ли считать достижение зоопарка открытием?» — спрашивал он. И отвечал: «Никакого внешнего открытия мы не сделали».

Узнав, по-видимому, из устного сообщения А. М. Дижбита о летнем гоне у куниц и соболей, П. А. Мантейфель сумел получить от них первый приплод в неволе. Основная заслуга П. А. Мантейфеля состояла в

том, что он установил фазы течки и созревания половых органов самок, определил время готовности самки к спариванию и допуска к ней самца, выяснил точные сроки беременности соболюшек, разработал рацион кормления зверьков и технологию содержания молодняка в неволе.

«Особое значение» работы П. А. Мантейфеля было отмечено на заседании Пушной конвенции при Наркомторге РСФСР: «Хозяйственным организациям остается сейчас правильно использовать достижения П. А. Мантейфеля, широко поставив дело промышленного соболеводства... Отмечая особые заслуги П. А. Мантейфеля, Центральная Пушная конвенция... постановила выдать ему 1000 рублей в порядке премирования изобретательности» (ж. «Пушное дело», № 9, 1929).

Достижения П. А. Мантейфеля высоко оценил и В. Я. Генерозов: «Спустив (случив) соболей летом 1928 года, он получил впервые приплод от соболей и тем заработал заслуженную славу». (Ф. Штильмарк, 1991.)

Сталкивать лбами выдающихся охотоведов через три десятилетия после их смерти — непристойное занятие. Вот уж оно-то не даст заработать ни славы, ни уважения.

О. ГУСЕВ

кандидат биологических наук

ИЖЕВСКИЙ МЕХАНИЧЕСКИЙ ЗАВОД предлагает!

В настоящее время в некоторых городах России и в странах ближнего зарубежья по письмам потребителей открываются коммерческие структуры по ремонту спортивно-охотничьего оружия. На первый взгляд факт положительный, достойный одобрения. Но так может судить человек, мало разбирающийся в конструкции охотничьего ружья любой модели. Ремонт или восстановление ружья — процесс сложный и ответственный, требующий высокой квалификации мастера-исполнителя, наличия запасных деталей и узлов, изготовленных по всем требованиям нормативно-технической документации.

Кроме того, обязательное условие: ружье после ремонта должно пройти испытание стрельбой в условиях тира. Естественно, только завод-изготовитель располагает всеми техническими средствами для качественного ремонта ружья и, на мой взгляд, не каждый доверит свою дорогую вещь случайным людям.

Ижевский механический завод в порядке оказания технической помощи в настоящее время имеет возмож-

ность производить все виды ремонта на высоком техническом уровне ружей ИЖ-18, ИЖ-27, ИЖ-39 и ИЖ-43, то есть всех моделей, выпускаемых заводом в настоящее время. В перечне выполняемых работ такие виды, как: установка новых или сменных стволов, замена приклада, цевья, окраска металлических деталей, обновление поверхности деревянных деталей, полная ревизия (ремонт) ударно-спускового и выбрасывающего механизмов, граверные работы и др.

Условия завода очень благоприятны для потребителей и могут быть ему сообщены после его обращения в наш адрес: 426063, Удмуртская АССР, г. Ижевск, ул. Промышленная, 8. Механический завод.

Мы бы очень просили владельцев ружей, произведенных на нашем заводе, в случае нужды в ремонте предварительно обратиться к нам с письмом или по телефону в Ижевске: 76-04-50. На все интересующие вопросы они получат обстоятельный ответ.

Начальник бюро рекламаций ружейного производства
Ижевского механического завода С. П. ИВАНОВ

АМУРСКИЙ ТИГР

С. КУЧЕРЕНКО

Фото Н. Боханова

Амурский тигр, именуемый еще и уссурийским, от семи других подвидов отличается наиболее крупными размерами, очень крепким и массивным телосложением с мощной передней частью туловища и сильными ногами, относительно тяжелой и большой головой. Летний окрас этого самого могучего наземного хищника по яркости и четкости полосатого, желто-черно-белого рисунка схож с окрасом южных подвидов; зимний же заметно светлее, а мех гуще и длиннее.

Двух одинаково окрашенных тигров даже в одной местности, заселенной

в определенной мере родственными особями, нет: разные интенсивность и яркость основного фона, различные рисунок из полос и распространение белого поля внизу тела. Даже при беглом взгляде бросается в глаза эта разница. Специалист же достоверно различает тигров по «иероглифу» на лбу и темени — сложному узору из коротких черных полос неправильной формы — или же по форме «брови».

Конституция тигра типично кошачья. У него вытянутое, гибкое, очень сильное тело на среднедлинных ногах; округлая, с выпуклым лбом и широко

раскрывающейся пастью голова; глаза янтарно-желтые, круглые; хвост длинный, у основания толстый. Длина крепких, круто изогнутых остроконечных когтей на передних лапах по наружному изгибу достигает 8—10 см, на задних — заметно короче.

Размеры взрослых амурских тигров весьма изменчивы: растут они почти всю жизнь и к старости достигают громадной величины, особенно самцы (более крупные, нежели самки). По Н. А. Байкову (1925, 1927, 1929), наибольший вес амурского тигра достигал 390 кг. В литературе имеются сообщения о весе особо крупных «вольных» тигров — 325, 340, 350, 360 и 384 кг. Такие гиганты теперь, вероятно, не встречаются, ибо из-за сокращения продолжительности жизни тигры заметно измельчали. Однако и в настоящее время средний вес взрослого самца составляет 200—220 кг при длине туловища 195—215 см и высоте в плечах 100—105 см. Самки легче самцов на 35—40 % и (округленно) на 20 % короче их.

Некоторые охотоведы утверждают, что самые крупные самцы амурского тигра весят не более 215 кг, а самки — 180 (Юдин, 1990, 1991). Заблуждения эти обусловлены скудностью собственного морфометрического материала, «построенного» к тому же в основном на замерах сравнительно слабых, бедствующих особей.

Проведенное нами обследование не очень крупных погибших самцов с шириной «пятки» передней лапы 10,5—11,5 см показывает вес до 190—220 кг при довольно низкой упитанности. Истинные же «суперкоты» с пяткой 13—13,5—14 см, живущие, как правило, в глубинных горнотаежных районах Сихотэ-Алиня, весят, конечно же, до трех центнеров и, вполне вероятно, больше.

Уместно будет напомнить, что даже у бенгальских тигров, размерами заметно уступающих амурским, установлен вес крупных самцов до 236—272 кг, хотя обычные весят меньше 230 кг. Зафиксирован вес «рекордсмена» в 315 кг. Д. Хейзингер в 1967 г. застрелил королевского тигра весом 388,7 кг.

Тигр замечателен во многих отношениях. Вполне возможно, что это наиболее красивый и совершенный хищный зверь из всех живущих, а может быть, и когда-либо существовавших на Земле. Ему присуще в первую очередь сочетание огромной силы с виртуозной ловкостью, стремительностью в нападениях и выносливостью в переходах.

Его тело состоит из очень прочного скелета и до предела натренированных могучих мускулов. Особенно сильны мышцы передней части тела — головы, шеи, груди и плечевого пояса. И нет ничего удивительного в том, что крупный «кот» способен нести в пасти кабана весом до 150 кг, и не только нести, но и прыгать с ним. О невероятной силе тигра писали: Н. А. Байков (1925, 1927), А. А. Слудский (1965),

В. Г. Гептнер (1972), Д. Корбетт (1957, 1964), К. Сингх (1980), Б. Гржимек (1984) и др. Мне самому приходилось в этом убеждаться неоднократно.

Не все с этим согласны (Матюшкин, 1986; Юдин, 1990). Причина несогласия кроется в малости собственного полевого материала, полученного при троплении тигриных следов, и в искажении при наблюдениях зачастую за ослабленными, с крайней степенью истощения, некрупными самками, повздившимися посещать скотные дворы. К тому же по следам на снегу, особенно глубокоом, очень непросто установить, нес ли добычу тигр в пасти или волочил. Ведь неси он изюбра на весу, на снегу все равно останутся следы волока с обеих сторон или с одной от отпечатков лап хищника.

Ю. М. Янковский (1990) рассказал, как тигр украл у него накануне застреленного секача и унес. Тщательные поиски вора привели Юрия Михайловича к заключению: «Тигр взял в зубы девятипудового кабана, как охотничья собака берет подстреленную утку, и понес на крутую гору, не задевая за землю». Г. Ф. Бромлей (1964) точными наблюдениями установил, что ночами тигр подкрадывался к свиному табуну на 10—12 м, делал два-три прыжка, хватал и уносил жертву. В. Г. Гептнер (1972) особо подчеркивал громадную силу тигра: «Лошадь или корову он переносит на десятки, а иногда и сотни метров, причем именно несет, а не волочит!»

Он же, основываясь на собственном полевом материале, пишет, что кабана тигр несет в зубах через густые заросли, а с крупной свиньей в пасти вскакивает на скалы и поднимается по крутому склону. Д. Корбетт (1957) рассказал, как тигр убил и унес корову на 7,5 км. Б. Гржимек (1984) написал: «Другой тигр целых пятьсот метров протащил на себе лошадь». Аналогичных примеров и ссылок можно привести много. И нет в них оснований для сомнений, тем более для опровержений. Небезынтересно привести и сообщение С. А. Корытина (1986): «Медведь способен в зубах унести взрослого кабана, держа его так, что тот не касается ногами снега. У тигра же мускулатура головы, шеи и переднего плечевого пояса мощнее, чем у медведя.»

Тигр легко лазает по кручам и отлично плавает, может переплыть реку шириной в 2 км или морской пролив в несколько километров. Любит ходить по зверовым тропам и лесным дорогам, вдоль рек и по гребням хребтов с хорошо просматриваемыми склонами. В движении он спокоен и нетороплив, а вместе с тем скор и умен. Ходит он легко, с непринужденной своеобразной грацией, хотя голову нередко держит полуопущенно. По лесу он идет не спеша и бесшумно, периодически останавливаясь для обследования местности. Любит взбираться

на повышенные места (скалы, обрывы и т. п.) и подолгу там лежать или сидеть, обозревая свой участок. Лежит при этом в позе египетского сфинкса, или же бросив заднюю часть тела плашмя, сидит по-собачьи.

Как охотник тигр считается наиболее совершенным. При поисках добычи полагается в основном на очень острое зрение и тонкий слух. Отлично видит ночью. Обоняние у него слабоватое, тем не менее зверя на лежке при благоприятных условиях зачуивает до 200 м, а запах следов улавливает через два—четыре часа после прохождения животного.

Тигр — один из самых умных зверей. Он необыкновенно хитер, способен оценивать сложившуюся обстановку и предвидеть события. У него тонкая интуиция, прекрасная наблюдательность, крепкая память. Как верно отметил Н. А. Байков (1925), во всех действиях этого хищника видна своеобразная продуманность, граничащая с разумностью и последовательностью.

Он довольно чистоплотен и постоянно приводит себя в порядок, а облизывает волос и чистит его лапами точно так же, как и домашняя кошка. И все же у него сильный, неприятный, типично кошачий запах, и чем старше и крупнее особь, тем крепче «пахнет». Вряд ли существует на земном шаре другой зверь, запаха которого боялось бы все живое больше, чем тигриного. Из десятка отважных собак, смело атакующих даже матерых медведей, не более двух выдерживают «дух» тигра. Хищник отлично знает свое слабое место и потому при скрадывании добычи стремится зайти с подветренной стороны.

Несмотря на кажущуюся свирепость, амурский тигр довольно добродушен и миролюбив, чего нельзя сказать о бенгальском и других подвидах. И к человеку он в общем терпим, а иногда пытается с ним даже позабавляться или поугадать его. Однако и при этом он постоянно потенциально опасен, а поведение его далеко не всегда предсказуемо.

Между размерами следа, длиной шага и тела тигра существует довольно высокая степень корреляции. По величине и форме четких следовых отпечатков тигра при достаточном навыке и соответствующем внимании можно определить его пол, примерный возраст и размеры. Опытные специалисты при этом берут во внимание не только размер следа, но и его «рисунк», форму пальцев, глубину отпечатков, текстуру подошвы, длину шага и перешага, расстояние между линией правых и левых лап и многое другое (характер экскрементов и мочевых точек, поскребы, манеру оставлять метки и др.).

Именно на этом были построены методики учета тигров — в Индии еще в прошлом веке, а у нас гораздо позднее. Однако насколько достоверны результаты учетов по этой методике при серьезном и регулярном наблюдении (в

Индии), настолько же искажены и прилизительны при формальном и небрежном (у нас). Достаточно отметить, что подавляющая часть взрослых самцов имеет ширину «пятки» передней лапы 10,5—11,5 см, самки — 8,5—9,5 см, вследствие чего не менее $\frac{2}{3}$ взрослой части популяции «располагает пятками» в диапазоне от 8,5 до 11,5 см — разница всего 3 см! Размеры же отпечатка «пятки» на разном субстрате (снег, пороша, ил, наледь, дорога и т. п.) одной и той же особи разнятся в 1 см даже при точных замерах. К тому же полувзрослых самцов, даже годовалых, легко спутать со взрослыми тигрицами: и те и другие имеют «пятку» шириной 8—9 см.

Вот почему индийские охотovedы и зоологи фотографируют найденные отпечатки следов, заливают гипсом, затем тщательно анализируют их в лабораторных условиях. Наши же учетчики из числа охотников нередко замеряют следы спичечным коробком, и на этой информации затем подводятся итоги «единовременных научных учетов тигра».

Все это приходится отмечать ради критической оценки существующих методик учетов этого зверя и их результатов: они весьма далеки от надежности и нуждаются в совершенствовании.

Амурские тигры в сравнении с «южными» подвидами довольно молчаливы. Молча они набрасываются и на добычу. Лишь в случае сопротивления потенциальной жертвы хищники стремятся парализовать ее ревом. Рев громкий, протяжный и жуткий, иногда заканчивающийся несколькими короткими звуками. Обозленные тигры рычат глухо и будто хрипло, в ярости же издают знаменитый кашляющий рык. Буквами передать рев хищника довольно трудно. Быть может, это похоже на сочетание «у-ааа-унг», «унг-унг-вааа-нг-нг».

Умиротворенно-довольный тигр в сообществе других особей мурлычет почти как кошка, но значительно громче. В испуге глухо ухает, при желанных встречах издает звук «уфф, уфф», что означает приветствие. Эстральная тигрица при поиске брачного партнера ревет своеобразно и очень азартно.

Мимика тигра богата и разнообразна. Его настрoению соответствуют и размеры почти черного зрачка глаза: чем злее зверь, агрессивнее и решительнее, тем шире зрачок расширяется. Хвост тоже определенно выражает «настроение» и намерения хищника. В спокойном состоянии он опущен, с плавно загнутым кверху, всегда черным, концом. У злящегося и волнующегося хищника хвост извивается в горизонтальной плоскости, при изготовке к нападению — в вертикальной. Атакующий тигр как бы описывает приподнятым над спиной хвостом конус, к тому же используя его в качестве руля и балансира.

Тигр в основном оседлый об-

раз жизни, нередко всю жизнь придерживаясь своего индивидуального участка. Бродяжничество свойственно единичным особям, преимущественно молодым самцам, не имеющим собственного участка, а также взрослым, потерявшим его по каким-либо причинам. Временно покидают свои участки звери в экстремальных условиях: при откочевках кабана и изюбра, много-снежье, невыносимом беспокойстве и т. п.

Размеры индивидуальных участков обитания зависят в первую очередь от плотности населения и хищников, и их жертв. Участки эти тем больше, чем меньше тигров и копытных. У взрослых самцов на Сихотэ-Алине они в настоящее время достигают 800 км² (даже 1000), у самок — до 300—400 км². Чаще же амурские тигры довольствуются площадью в два раза меньшей. Для сравнения: в Индии, где копытных неизмеримо больше, размеры индивидуальных участков гораздо меньше: у самцов — 60—100 км², у самок — 16—20 (Д. Шаллер, 1967).

Чем меньше участки, тем меньше они перекрываются, строже охраняются и усерднее маркируются. При существующих в настоящее время плотности населения тигра и размерах индивидуальных участков соседние участки значительно налегают друг на друга, однако их сердцевинные зоны (центры активности), посещаемые наиболее активно, изолированы.

Распределение угодий у амурского тигра сложное, поэтому недостаточно изученное. Удобные и благоприятные для жизни леса населены хищником густо. На юго-восточных склонах Сихотэ-Алины на 1000 км² живут до 8—10 тигров, на северной же окраине ареала, в пессимальных условиях, на такой же площади обитает один хищник. И в том и в другом случае на одного тигра приходится чаще всего 250—300 крупных копытных животных.

Однако при использовании территории тигры не столь между собой враждебны. Неоднократно приходилось встречать в одних и тех же местах двух, даже трех взрослых самцов и двух самок, не подававших признаков нетерпимости. На сравнительно просторных участках самцов располагается обычно два-три гораздо меньших по площади участка самок. И в то же время известны случаи, пусть единичные, когда тигры-«резиденты» загнали «бездомных» пришельцев.

Внутривидовая нетерпимость для амурского тигра характерна в гораздо меньшей степени, чем для бенгальского, индокитайского или суматранского. Канибализм, а тем более детоубийство, для амурского тигра явление редкое. Наблюдается оно в основном при перенаселении угодий хищниками и трудно переживаемом дефиците кормов. Но случаи детоубийства самцами участились с 1984 г., когда резко упала численность кабана.

Поведение тигров в неволе существенно отличается от повадок особей,

живущих в естественных условиях. Небезынтересно отметить, что цирковые амурские тигры между собой миролюбивы и дружны, а самцы к тигрятам проявляют удивительную привязанность. Тигрицы с готовностью выкармливают детенышей другой самки, даже если те имеют значительную разницу в возрасте с собственным потомством и если приемыши привезены издалека (Н. Павленко, письм. сообщ.).

И тем не менее тигры в естественной среде обитания не столь враждебны между собой, как об этом пишут (Брагин, 1986). Неоднократно приходилось устанавливать, «расшифровывая» следы на снегу, что крупную добычу поедали несколько разновозрастных и разнополых особей одновременно или же соседи или члены семьи доедали добычу насытившегося и отдыхающего вблизи самца.

Все же территориальность у тигра выражена четко, участки охраняются и маркируются продуктами метаболлизма, выделениями анальных желез, почесами головой, царапаньем коры деревьев когтями, поскребаниями в точках отправления естественных надобностей. Метки обычно наносятся на заметные предметы: большие пни, выворотни и камни, скальные обнажения, одиночные деревья и т. п.

Активность маркировки усиливается в зонах контактов с соседями, особенно при признаках их присутствия вблизи. Но даже в спокойной, уединенной обстановке в собственных владениях тигр как бы автоматически и «на всякий случай» заявляет о себе «метками». И в этом глубокий биологический смысл: каждый должен знать и свое место, и соседей. Уместно будет напомнить, что «бездомные» тигры, как и большинство других зверей и птиц, в размножении не участвуют. Именно такие индивидуумы выходят за пределы ареала и бродяжничают в несвойственных тиграм угодьях.

Постоянные логова имеют лишь тигрицы с потомством и главным образом в период лактации. Одиночные тигры, как правило, не имеют постоянных убежищ, но на их собственном участке есть 10—15 временных, которыми они пользуются хотя и периодически, но многократно. Это — излюбленные логова — пещерки и ниши под каменными карнизами, прикрывающими от осадков, площадки на возвышающихся над лесом скалах и утесах, обрывы и крутые каменистые склоны с хорошим обзором местности, углубления под большими выворотнями и валежинами, основания приметных деревьев с густой, низко опущенной кроной.

Чаще же тигры отдыхают где придется. У добычи или около нее — всегда, на переходах для кратковременного отдыха — часто и в любом месте, в зависимости от характера угодий и охоты, погоды и собственного физического состояния.

Бодрствует тигр преимущественно в темное время суток, хотя дневные переходы и поиск добычи для него не являются чем-то необычным. В сумерках и ночью охотится летом гораздо чаще, чем зимой. В жаркую душную погоду днем, как правило, зверь отлеживается в тенистых обдуваемых местах. От жары амурскому тигру избавиться гораздо труднее, чем от зимней стужи, от которой он защищен теплым мехом и солидным («в норме») слоем подкожного жира толщиной до 5—6 см. Потому в наиболее жаркие месяцы тигр уходит в хребты на обдувы, в истоки рек, к морю. Часто и с наслаждением купается, подолгу лежит в воде.

Ходить тигр определенно не любит, хотя при необходимости может совершать далекие и быстрые переходы, иногда преодолеывая за сутки 40—60 км, а за несколько — до 200—300, в исключительных случаях и 400 км. О больших, иногда массовых, переходах, принимающих в некотором роде характер миграций, писали В. К. Арсеньев, Л. Г. Капранов и др. И все же такие переходы случаются очень редко, вероятно, в среднем раз в 20—25 лет, после опустошительного мора или откочевки кабанов, гибели в много-снежье изюбра, обширных пожаров, стихийного натиска охотников.

Однако утверждение Л. Г. Капранова (1948), что тигр — прирожденный бродяга, ошибочно. Бродячие тигры — редкость. Суточный ход в 20—30 км уже следует считать большим. Обычный тигр ходит ровно столько, сколько требуется для того, чтобы иметь корм, убежище, брачного партнера, жить в безопасности и в комфортных условиях.

Длина суточного хода хищника определяется успешностью охот, видом и размером добычи, погодой, факторами беспокойства. Колеблется она от 1—2 до 23—30 км, очень редко 40—50 км, в среднем же составляет 8—10 км. Особенно мало ходит лактирующая тигрица.

Характерно, что тигр, будучи «в норме», ходит не только мало, но и быстро. На средней протяженности суточного хода взрослого зверя обычно насчитывается одна-две длительные лежки и восемь — двенадцать кратковременных. Между лежками на переходах тигры часто останавливаются, изучая местность. При подъеме в гору отдыхают через 200—300 м, на крутых склонах — в два-три раза чаще.

На участках у тигра есть постоянные и излюбленные маршруты переходов и зоны охот. Стабильные тропы тянутся обычно по наторенным зверовым тропам, через невысокие перевалы и еще по тем трассам, где легче ходить и максимальна вероятность встречи добычи. Тигр великолепно знает свой участок и обстановку на нем, он прекрасно чувствует свое место и в совершенстве ориентируется на местности.

Окончание следует

Научно-производственный
центр по звероводству

М Е Т А
акционерное общество

ПРЕДЛАГАЮТ

**звероводческим хозяйствам, фермам, питомникам,
малым предприятиям, частным лицам**

**НОВЫЕ КОМПЛЕКСНЫЕ МИКРОГРАНУЛИРОВАННЫЕ
ВИТАМИННО-МИНЕРАЛЬНЫЕ ПРЕПАРАТЫ:**

ПУШНОВИТ П (для племенных животных), **ПУШНОВИТ М** (для молодняка) в рационы норок, песцов, лисиц, собак и кошек при любом виде кормления.

20 компонентов (13 витаминов и 7 микроэлементов) в виде новых форм, защищенных от разрушения.

Улучшают воспроизводительные функции взрослых животных и рост молодняка.

Предупреждают авитаминоз В₁ и анемию за счет бенфотиамина и ферроанемина (особые формы витамина В₁ и железа).

Содержат биотин, улучшающий качество волосяного покрова; витамин Е в количестве, позволяющем нейтрализовать негативное влияние продуктов окисления жиров рациона.

УПТИВИТ — для всех видов сельскохозяйственных птиц: кур, гусей, уток, индеек, цесарок.

19 компонентов (13 витаминов и 6 микроэлементов), защищенных от разрушения.

Оптимальные соотношения элементов и универсальный метод дозировки позволяют полностью обеспечить потребность разных по возрасту и направлению продуктивности групп птиц в витаминах и минеральных веществах.

Применение препарата улучшает поедаемость и усвоение корма, обеспечивает хорошее развитие молодняка, положительно влияет на яйценоскость и выводимость яиц.

Препараты не переносят термической обработки.

Справки и заказы по адресу:

103031 Москва, ул. Петровка, 11/20;

телефоны: 200-33-02, 200-48-12, телефакс: 928-55-53.

Для отгрузки ж.-д. транспортом минимальный заказ 500 кг.
Малые количества — со склада офиса. Предварительный заказ.

Изготовитель — Щелковский витаминный завод.

ОШИБКИ, ПРИВОДЯЩИЕ К ТРАГЕДИЯМ

Н. В - н

То, что всякое охотничье оружие может быть не только полезным, но и опасным, — знает каждый. И странно, что почти все охотники, умудренные опытом, совершали и совершают в обращении с ружьем непростительные ошибки, приводящие к трагедиям.

Несчастные случаи на охоте — обычное следствие отступления от законов и правил, результат беспечного, рассеянного или просто безобразного обращения с оружием, если, конечно, исключить злонамеренности — что тоже бывает.

Расскажу о нескольких личных наблюдениях, случаях, когда моя собственная жизнь или жизнь близких товарищей, друзей, случайных спутников висела на волоске или отягощалась серьезным нравственным или физическим увечьем.

Как носить ружье в походах, поездках и на охоте. Правилам обращения с ружьем и стрельбе отец начал обучать меня с восьмилетнего возраста. До этого я мог только наблюдать, как действует он сам — великолепный полевой и стендовый стрелок, успешно выступавший в начале века на московских садках и в Париже. Каким-то чудом (ведь прошло 80 лет) у меня даже сохранился памятный медальон — частный приз отцу от графа Де Бионкура с гравировкой: «К. Н. В-у за лучшую серию сезона. Убито 58 рядовых (голубей)».

На летних охотах «по перу» в долине Шексны отец носил свое курковое Пердэ 12-го калибра в руках, без погоне (тем более что оно не имело фабричных антабок). В начале похода ружье помещалось колодкой на предплечье правой руки — «под мышку». Стволы при этом были направлены вперед и вниз — как хобот слона. Возможность быстрого выстрела при таком способе обеспечивалась свободой левой руки, готовой перехватить ружье за середину цевья. Правая же, распрямляясь, хватала оружие за шейку и помогала подкидывать его до уровня плеча.

Однако при ходьбе компанией, гуськом на охотничьей тропе, этот способ не годился, так как в случае нечаянного падения охотника ружье могло выстрелить по ходу движения в спутников.

Вступая в лес, на болото, отец перемещал заряженное ружье на согнутое предплечье левой руки. Этот способ, да еще при взведенных курках, давал, пожалуй, наибольшую скорость вскидки ружья в боевое положение и выстрела, так как свободная правая рука была всегда готова схватиться за шейку ложи. При ходьбе гуськом, в компании, этот способ носки, естественно со спущенными или запертыми курками, был более безопасен, чем первый, так как при случайном падении стрелка стволы почти всегда смотрели в сторону от тропы.

Сразу же оговорюсь: ни один способ ношения ружья в руках или на погоне в заряженном состоянии, а тем более со взведенными курками, не гарантирует от несчастья охотников, идущих гуськом или толпой в компании. Именно поэтому руководители облавных охот разрешают зарядку ружей стрелкам только после постановки их на номер.

По мере накопления усталости и в конце маршрута отец носил ружье по-военному: опираясь колодкой на правое плечо и придерживая за шейку или тылицу ложи правой кистью. Иногда он брался рукой даже за стволы и носил его как палку ложей вверх. В августовскую жару и при усталости изобретешь и не такое.

От меня отец требовал совершенно беспрекословного выполнения правил ношения ружья. Основной закон был: дула стволов ружья никогда не должны смотреть в сторону спутника, товарища, друга вне зависимости от того, заряжено ли ружье или нет, взведены ли или спущены его курки, стоят ли они на предохранителе бескурковки или нет.

Однако, милый, наивный и счастливый папа! Счастливым потому, что тебе не пришлось рыдать над телом своего единственного наследника, которого ты мог много раз ухлопать невзначай, даже не подозревая об этом... о такой реальной возможности...

Таская меня, 7—8-летнего паренька, на летних охотах ты требовал от меня точного прохождения на маршруте по твоему следу, то есть позади тебя на 3—4 шага. Это давало свободу действий: вскидки оружия и стрельбы

дичи практически по всей окружности. И вот, продираясь через кусты ивняка или поросль молодых березок, осинок, ты частенько поворачивался ко мне левым боком, очевидно, совершенно не замечая, что стволы твоего превосходного Пердэ тоже поворачиваются на 40—50° и их дула смотрят мне в лицо, грудь, живот (!) в течение нескольких секунд.

Однажды на охоте по тетеревам и белым куропаткам за деревней Васильевское, когда ты ухлопал подряд без промаха 14 птиц, я любовался 7 или 8 раз за день на две черные дырки и на изящно поднятые изогнутые, грозно поднятые над ними курки. Не моргая и не уклоняясь при этом по-детски беспечно и спокойно. Могло ли случиться несчастье? Безусловно! Ведь под спуски, казалось бы, надежно защищенные рукавом куртки и скобой, мог пробраться какой-нибудь коварный упругий сучок! Сообщал ли я тебе о своих наблюдениях? Нет, не сообщал и не протестовал из элементарной боязни прекословить, нарушить уверенность в твоей правоте и непогрешимости, мой дорогой папа! Твою бдительность в данных случаях отвлекало, усыпляло стремление поскорее преодолеть препятствие в виде кустов, сплетения веток. По-видимому, нечто подобное происходит и во время застолья, когда гость или хозяин любезно тянется к приглянувшемуся куску пирога или салата, совершенно не замечая, что его рукав касается или ползет по начинке торта или жирному жаркому.

Как пользоваться погоном. Абсолютное большинство городских и сельских охотников пользуются для ношения ружья погоном, иначе носильным ремнем, а иногда даже просто прочной веревкой, шнуром, считая, что, врезаюсь в ткань плеча, шнур практичнее — не соскальзывает без толку. Кожаный, джутовый, плетеный погон красивее, приятнее в обращении, но, путаясь, переклестывая на стволы, мешает быстрой и верной стрельбе, чаще ведет к обидным промахам.

При дальнем походе, при переходе по кладникам речек и необходимой свободе рук, когда не нужно думать об очередной вскидке и стрельбе,

ружье, естественно, можно закидывать за спину с ремнем — погоном через левое плечо — за голову. Для того чтобы сорвать ружье из-за спины и выстрелить, приходится нагибаться корпусом вперед, хватать правой рукой за ложу, переносить ружье через голову, перехватывать левой и только после этих движений стрелять. За это время обычно и зверь и птица бьются уже вне выстрела.

Проше носить ружье, закидывая погон или шнур на одно плечо — для левши — левое. Однако ремень склонен соскальзывать с плеча и ружье можно разбить. Изящная ореховая ложа моей заказной двадчатки Зауэра лопнула поперек в шейке, когда ружье упало плашмя на твердую тропинку, соскользнув с детского плечика. В свои девять лет, отправившись сентябрьским утром за рябчиками, я плакал над ним горькими слезами.

Мой сослуживец и приятель по Арктическому институту — полярник, легкоатлет В. И. Ушаков на экскурсии в Верхоянье (Якутия) как-то уронил соскользнувший с плеча девятимиллиметровый маузер. Голый ствол карабина попал на ребро скалы и при минус 45° лопнул поперек, как ледяная сосулька.

У сибиряков Тобольска и зверобоев на Кавказе я подметил способ ношения ружей стволами вниз как при дожде, так и без него. При этом ружье, повешенное на плечо, можно закинуть дальше за спину, чем при обычном ношении стволами вверх, и придерживать за дуло вытянутой рукой, исключая соскальзывание. В горах и сибирской тайге охотники пользуются для стрельбы и ходьбы еще и палкой, иногда распиленной вдоль и скрепленной болтиком у одного конца. Раздвинутая слегка, такая палка легко превращается в сошки, значительно повышая точность стрельбы из винтовки.

Закидывание погона за шею, голову — как это делают с автоматами военные — для охотника неприемлемо, так как в лесу, кустах, на склоне

при нечаянном падении ружье и лицо стрелка страдают в первую очередь. Вообще, падать с заряженным ружьем неприятно... и некрасиво.

Расскажу один случай из личной практики, который для меня уже в 13 лет мог кончиться серьезным увечьем. Дело было в январе 1921 года. Приехав из города Череповца в деревню на зимние каникулы, я уже на следующее утро отправился тропить зайчишек в пойме Шексны. Первый след крупного русака я нашел в полутора километрах от дома и, пользуясь хорошей порошей, пошел его выслеживать. Покормившись на лугу, русак вышел на берег реки и спустился по его склону на лед. Зная заячье коварство в смысле выбора лежки, я шел со взведенными курками двадчатки. Широкие лыжи из прочной лиственницы легко соскользили по свежему снежку. С высоты довольно крутого берега след был виден шагов на восемьдесят. Он уходил наискосок, и русак, надо думать, отправился на другой берег, чтобы залечь в кусты ивняка. Надо было съезжать вниз по склону метров на тридцать. Вспомнил о курках, но, рассчитывая на свой опыт и устойчивость, я без особых предчувствий соскользнул вниз, держа ружье в руках наперевес. Я только не учел, что под берегом у границы льда окажется надутый снежный валик, замаскированный от взора отсутствием теней в пасмурный день. Слабозагнутые носы лыж с разгона врезались в рыхлый снег надува и я в своем маскировочном халатике «закопал репу» — зарылся в сугроб с головой до ног. Мое лицо оказалось прижато к затвору. Я с трепетом ждал глухих взрывов, но их не произошло. Первое, что попытался сделать, — это освободить колодку, курки и спуски от возможного давления снега. Потом попытался назад, пытаясь освободить валенки из лыжных ремней. Стоя на коленях, я открыл затвор, спустил курки и попытался продуть стволы, но не тут-то было. Уплотнившийся снег забил

их до самых патронов, и, произведи я выстрелы, великолепная крупповская сталь была бы, наверное, разодрана, а мои голова и лицо покалечены.

Под склоном из глубокого снега торчали хлыстики красной вербы и стволы удалось вскоре прочистить. Я снова зарядил фузею, взвел курки и пошел дальше. В сотне шагов от берега русак сделал сдвойку и у меня всколыхнулось сердце, так как скидка влево была уже видна отчетливо. В тридцати шагах из ровного глубокого снега торчал уголок мутноватой льдины от раннезимнего ледолома. Из-за него, в пятнадцати шагах от меня, разбрасывая комки снега, мощным как снаряд прыжком вырвался здоровенный русак. Сухой щелчок выстрела — и зверь перевернулся в воздухе, задрыгав лапками. Гордый как гусар, я проделал с ним все необходимые операции — надавил на брюшко, чтобы он в последний раз пописал, нацепил голову и задние лапки на ремень, закинул за спину. Потом, не утерпев, зашел в совсем близкую к «драме», прокуренную дежурку бакенщика Степаныча похвастать трофеем и отправился домой, где, конечно, утаил свой крамольный полет.

Куда и как ставить ружье на отдыхе. При коротких остановках и на бивуаках следует избегать ставить ружье вертикально, прислонив его к дереву, стене дома, передку, крыльям и бамперу автомобиля, борту телеги. Пята ложи обычно скользит по опавшему листу, мерзлой земле, доске пола, и ружье падает, иногда стреляет. Сам я как-то на медвежьей охоте прислонил свой восьмимиллиметровый маузер наклонно к заднему бамперу «Волги», а потом, отвлекшись заводкой автомобиля, спокойно поехал, хорошо еще, что прямо вперед. Лучше, конечно, класть, прислонять ружье наклонно к кусту, пню, снятому рюкзаку, стволами обязательно в сторону от спутников.

С заряженным ружьем нельзя входить в дом, если это не продикто-

Не надо направлять ружье в сторону человека

Расположение ружей на стоянке

Так брать ружье из лодки не следует

Ружье из лодки лучше взять так

вано особыми обстоятельствами. Разряженное ружье надо класть в помещении горизонтально на лавку, кровать, стол или ставить в угол за стол, стенку кровати, кресла — там, где устойчиво и никого нет.

Мне с детства запомнился один печальный случай. Уставший охотник зашел в крестьянскую избу, по расseyанности забыв разрядить ружье, и сразу поставил его в темный угол у двери. Там, в прогнившей половице, оказалась щель или дыра. Курки ударились о край доски, и заряды заячьей дробы превратили кисть руки незадачливого гостя в лохмотья из костей и сухожилий.

Не спасает от несчастья и так называемая «возвратность курков» у современных ружей, то есть запоры, не позволяющие куркам двигаться в направлении бойков без нажима на спуски. Вот и другой случай.

Встреча на Дивичинском лимане. Любимым охотугодем азербайджанских охотников издавна был Дивичинский лиман — всего 4 часа на поезде к северу от Баку. Это полузаросшее тростником и рогозов озеро тянется километром на двенадцать вдоль берега Каспия. Здесь задерживается весной и осенью вся перелетная, водяная и болотная птица, а в теплые зимы остается и на зимовку. Старейшим смотрителем охотничьей базы на лимане в 30-х годах был Гамид Ахмедов. Его охотничий опыт был огромным. Он перевидал на своем веку массу пролетов водоплавающих на юг и на север. К сожалению, мне мало пришлось с ним общаться. Гамид был довольно угрюм и вечно занят, так как на базе в охотсезоны всегда толкались десятка два охотников, занятых одной мыслью — раздобыть у Гамида побыстрее и получше кулаз и чап, то есть плоскодонный челн и спецест для толкания, попасть на озеро и настрелять много дичины. В годы войны число посетителей лимана и базы резко сократилось. Я здесь еще до войны проводил

целый год орнитологические наблюдения и поэтому в апреле 1945 года снова появился здесь с рюкзаком. После 12-километрового перехода от железнодорожной станции Дивичи я приблизился к охотбазе. Обдутый зимними нордами и обмытый дождем дом в три комнаты выглядел невзрачно. Лиман был переполнен водой из горных потоков и его низменные берега затоплены так, что стена прошлогодних камышей отстояла от уреза воды метров на сто.

Под ярким весенним солнцем по меляку бегал с шестом какой-то плотный парень в высоко закатанных штанах и временами над чем-то копошился. Я подошел ближе и понял нехитрую процедуру. Парень гонялся за нерестующими сазанами. Его изобретение было просто и гениально: широкий рукав грубой неводной сетки был привязан к тяжелому колесному ободу, а тот висел на проволоочных петлях горизонтально под углом к длинной жерди. Завидев всплески плавников и хвостов рыбин, ловец подкрадывался к ним и накрывал влюбленных обручем. Потом развязывал сверху свободную мотню первобытного сачка и выбирал «водяных женихов и невест» в свой мешок. За час он изловил килограммов тридцать отличных желто-серебряных рыбин. Достоинство метода заключалось в том, что рыба оказывалась целой — не калекой, как это бывает при более эмоциональном способе — битье острогой. Без труда взвалив мокрый шевелящийся мешок за спину, ловец отправился в дом. Мы познакомились. Рыбак оказался новым завбазой — Олегом Гончаровым, заменившим Гамида. На его сильной правой руке было только два пальца — большой и указательный, а возраст его был лет 35. Это напоминало «самострельство», но от бестактных вопросов я воздержался. Поздней осенью мы с Олегом и его ирландским сеттером охотились под Хачмасом, в кустарниках предгорной Кубинской равнины. Охота на фазанов,

кекликов, серых куропаток, пролетных перепелов, коростелей, витютеней и зайцев-русаков была там просто великолепна. Олег оказался отличным стрелком и как владелец собаки легко меня обстрелял. Тогда-то он и поведал историю своей инвалидности, которая спасла его от призыва и почти верной смерти на фронте.

Как-то, в конце тридцатых, он настрелял на лимане дюжину крякашей и попытался сесть на подошедший почтовый поезд, чтобы ехать домой в Баку. Однако дверь вагона оказалась запертой. В спешке, подбегая к станции, охотник не успел или забыл разрядить курковое ружье. Придерживаясь за поручень левой, он поставил ружье на ступеньку, повесив тяжелый рюкзак с утками на запястье, а кистью обхватил дульный срез. Внезапно ложа соскользнула со средней ступени и оба возвратных курка не выдержали пудовой тяжести, ударившись о нижнюю. Поезд уже набирал скорость, когда истекающего кровью охотника втащили в тамбур и кое-как перевязанного привезли в город. Зато зимами военных лет Олег процветал. В отдельной каморке дивичинского домика, пока он спал ночью, его жена ухитрялась при лампе перезарядить сотни две латунных гильз, выковыривая шилом разбитые капсюля, загоняя молотком новые, засыпая меркой «Сокол», утрамбовывая его через грубый картонный пыж молотком, засыпая гильзы вровень опилками и вновь орудия картонными пыжами и дробью. На следующий день Олег выпускал по жирным лысухам две сотни патронов, привозя с лимана полный кулаз птицы, идущей в голодные ОРСы нефтяного города. За 10 тысяч сданных за зиму кашкалдаков (лысух) Олег был премирован в 1943 году отличным импортным ружьем.

В экипажах — в телегах, санях, автомашине, лодке, вертолете, самолете — ружье должно находиться в разряженном состоянии, если быстрая готовность к стрельбе не обусловле-

на особыми условиями охоты. Я видел простреленные дверки и крыши автомобилей, борта и днища лодок. Вид их, прямо скажем, был неказистый. Если стрельба из экипажа необходима и огорожена условиями охоты, то заряженное ружье должно держать в условиях, исключающих несчастие, — дулом, слегка вынутым в окно. В лодке готовое к выстрелу ружье следует устойчиво держать в руках, а при работе с шестом или веслами необходимо класть его на скамейку, сиденье, рюкзак. Нужно следить, чтобы под стволы не попали встречные движению ветки кустов или стебли тростника, камыша, готовые перевернуть оружие на 180°.

Особую опасность представляет заряженное ружье при выходе из экипажа или из лодки. Вылезая у берега из лодки, охотник, как правило, хватается за стволы лежащего ружья и тянет его на себя. Цепляясь курками или спусками за вещи, борт, скамейку, ружье стреляет охотнику или его соседу в зад или живот.

Отвлекающие моменты приводят к так называемой рассеянности, а она (рассеянность) — к жутким трагедиям. Одним случаем такой рассеянности с благополучным исходом закончим наш рассказ.

Произошло это в конце 30-х годов с одним из моих добрых друзей. Вот, что он рассказал.

«Теплой осенью 1937 года мне было уже 29 лет и я считал себя опытным охотником. Я работал тогда штатным энтомологом в Мильском хлопковом совхозе в Азербайджане и вел биосъемку в целинной степи и на освоенных под хлопок участках, подвергшихся распаху, поливу, посевам и забросу. Было важно понять ход формирования экологических группировок насекомых, птиц и зверушек; появление вредителей хлопка.

Обычно я выезжал из главного хутора на грузовике, возившем песок и гравий из низовьев реки Тертера, в километрах двадцати к северу. Там был, кстати, полный набор целинных и пахотных участков. Пока шофер и двое рабочих делали пять-шесть рейсов за песком, я вел свои учеты и записи, а в конце дня возвращался с одним из последних рейсов. Вдоль одного из правых рукавов Тертера я иногда курсировал, стреляя турачей и зайцев. Однажды под вечер, увлекшись, зашел далеко и вернулся к карьере, когда шофер Ваня приехал в последний раз. Машина уже выезжала с песком из карьера, работяги сидели в кузове. Запыхавшись, я перехватил попутку на повороте и залез в кабину, радуясь, что не пришлось топать пешком. Грузовик — полуторка Форда — пошел вдоль канала ровно и споро со скоростью километров шестьдесят, мерно гудя мотором. С дороги слетали временами рогатые жаворонки, удода. Сзади клубился плотный шлейф серой пыли. Я держал короткую двухстволку

между колен, придерживая ее за скобу. Иногда ложа уезжала по коврику вперед, и тогда дуло перемещалось с плеча под мой подбородок. Коснувшись пальцами спусков и немного удивившись, что они не подались, а стояли как-то торчком. Это озаботило — ведь перед посадкой в машину я всегда неуклонно разряжал ружье и, уж во всяком случае, всегда спускал курки. Вспомнить эту операцию при данной посадке никак не мог, а потому решил себя проверить и показать. Не дотрагиваясь до курков, по счету «три» дернуть за оба спуска. При счете «два» мои пальцы легли на оба спуска, приготовились к нажатию и... вдруг машина резко затормозила и остановилась. Иван вылез, открыл капот и начал возиться с мотором. Немного удивленный и отвлеченный от своей затеи со спусками, я тоже вылез, отложив ружье к сиденью, и начал рассматривать пожелтевшую Карабахскую степь в бинокль, рассчитывая обнаружить стадичко джейранов. Неожиданно сзади раздался звук скользящего о металл металла. Я оглянулся — шофер, оказавшись, полез за инструментом и, приподняв сиденье, вывалил тулку стволами на дорогу. Ложа висела на порошке, дула уперлись в глубокую пыль. Сбоку мне были четко видны взведенные курки... Молча, подкравшись, я открыл ружье, вытащил патроны и спустил курки... Иван уже забрался на место и включил мотор.

— А в чем дело-то, что у тебя там случилось? — поинтересовался я.

— Да не работала третья свеча, — досадливо и равнодушно ответил Ванюша, не подозревая, что она — свеча — предохранила его от фонтана крови и мозгов соседа.

До совхоза мы ехали молча, да и потом рассказать этот случай Ване я постеснялся».

Итак, надо помнить, что у охотника любого возраста, держащего заряженное ружье, всегда может возникнуть какое-то отвлекающее обстоятельство, событие, которое помещает ему выполнить вовремя священный закон — привести стреляющее ружье в состояние, безопасное для себя и окружающих. Именно поэтому:

1. Никогда не надейтесь на авось и на свое якобы полное умение обращаться с оружием. Этого ни у меня, ни у вас нет.

2. Никогда не направляйте дуло ружья в сторону ваших друзей, товарищей по охоте независимо от того, заряжено или не заряжено оно, взведены курки или нет, стоят ли они на предохранителе или не стоят.

3. Во всех критических случаях: при опасном спуске, переходе по ненадежному мостику, при выходе из лодки, машины и т. п. — не поленитесь предварительно разрядить ваше оружие.

4. При входе в поселок, в дом разрядите ружье и не ставьте его вертикально к стенке!

Вопрос. Каковы результаты стрельбы дробью из нарезного оружия?

Ответ. Из опытов французского капитана Журне известно, что достаточно ровные осыпи дробью получаются при стрельбе из нарезного оружия даже крупными номерами дробы, однако следует придерживать-ся того, что диаметр дробин должен быть меньше одной пятой калибра, причем бой получался очень хорошим при нарезке с шагом не круче одного оборота на 133 см. С. А. Бутурлин иногда использовал нарезную берданку для стрельбы мелкой дробью с удовлетворительным результатом, но указывал что при этом сильно свинцуются стволы.

Вопрос. Каковы преимущества отлогой траектории полета пули при стрельбе в лесу?

Ответ. Предположим вы увидели в промежутке между ветками лоса на расстоянии 100 м. Стволы вашего ружья и ветки деревьев так удачно располагаются, что вы хорошо видите всю переднюю лопатку 30 см в ширину и высоту. Но всегда ли вы при правильном прицеливании попадете пулей в лоса из хорошо пристрелянного ружья? Конечно же нет, так как пуля полетит не по линии прицеливания, а по кривой траектории, которая где-то на расстоянии 50—60 м от вас может оказаться выше линии прицеливания, предположим, на 40 см, а просвет между ветками в этом месте не более 15 см. Это значит, что пуля ударится в какой-нибудь сук или ветку. Если же пуля имеет настильную траекторию и поднимется над линией прицеливания не более 5 см, то лось наверняка будет поражен. Так что пусть не сетуют охотники, стреляя из ружья через ветки по лосю, что попали в сук. Ведь траектории пуль при стрельбе из гладкоствольного ружья довольно крутые и высоко поднимаются над линией прицеливания.

Вопрос. Каковы отрицательные качества дымного пороха?

Ответ. Дымный порох после воздействия влаги навсегда (даже после подсушки) теряет свои качества и не может быть использован при снаряжении патронов. При выстреле сильно загрязняет нагаром канал ствола. Звук выстрела громкий, отдача сильнее, чем при использовании бездымных порохов, и к тому же сообщает небольшую скорость полета дробы. После выстрела образуется густое облако дыма, не дающее возможности сразу, особенно при безветренной погоде, увидеть результаты стрельбы. Из-за этого его не применяют при стрельбе на стенде и лучше им не стрелять в тихую сырую погоду в кустарниках и камышах.

Отвечал М. Блюм

ГУМАННЫЕ КАПКАНЫ

В. АГАФОНОВ

Научно-производственное
предприятие «Следопыт»

П рисылая заявки на приобретение давящих капканов ДКА-1, публикация о которых прошла в 10-м номере журнала «Охота и охотничье хозяйство» за 1990 г., охотники очень часто сообщают о полном отсутствии каких-либо капканов в продаже. География этой проблемы обширна: пишут о ней Н. Иванов из Якутии, А. Саая из Тувинской республики, В. Мартюков из Ленинградской области и многие другие.

Качество капканов оставляет желать лучшего. Охотник А. Пузанов с о. Сахалин пишет, что из 50 приобретенных капканов осталось всего 28 рабочих, да и то, по его сообщению, «они не были еще под хорошим морозом». Об ухудшении качества капканов А68 № 1 пишет также охотовед из Среднеколымска И. Чукров. Однако охотники, за неимением лучшего, вынуждены брать и такие капканы, а также делать их сами.

Рассматривая самодельные образцы, в большинстве случаев приходится констатировать дискредитацию авторской идеи и лишь в редких случаях — приблизительное сходство.

Необходимо признать, что капкану ДКА-1 мы отводили роль учебного самолова. В это время это была первая ласточка в создании отечественного гуманного капкана.

В настоящее время острое антипушной пропаганды направлено против отлова диких животных «стальными челюстями», то есть следовыми капканами. Намерения некоторых правительств ввести запреты на этот счет нашли поддержку в Европейском Парламенте, которым недавно был принят законопроект о запрещении негуманных средств добычи диких животных.

Первый шаг в разработке гуманных самоловов заключался в определении наиболее перспективных направлений исследований. С учетом отечественного и зарубежного опыта были признаны целесообразными 3 направления для решения поставленной задачи: создание устройства, убивающего добычу силой, передаваемой от пружины; создание удушающего устройства и, как полумера, создание самолова, не травмирующего зверя, способного удерживать его за лапу живым до прихода охотника, не давая ему возможности открыться и не причиняя ему кровотокащих ран. Последний вариант был нами решен очень легко. Проведены испытания оригинального самолова и получены отличные результаты. О таком капкане мечтают многие охотники.

Применение нетравмирующих капканов, вероятно, будет целесообразным для промысла некоторых видов, например крупных хищников.

Выбирая между «ударными» капканами и «удушающими» самоловами, рассчитанными на механическую асфиксию пойманного животного, мы отдали предпочтение второму варианту.

Капканы асфиксионного действия позволяют избежать порчи меха и дают возможность снизить вес устройства, но при одном условии — давление на жертву по мере того, как она пытается освободиться, должно возрастать. В результате происходит потеря чувствительности, сознания, кислородное голодание и накопление избытка углекислоты в организме зверька, в итоге — гибель его от удушья. Капкан ДКА-1 (авторское свидетельство № 1498448) является капканом именно асфиксионного действия. В конструкции его был заложен принцип цангообразного захвата, который за счет высоты подъема рабочего кольца пружины и конфигурации ду-

ги обеспечивает возрастание давления по мере того, как добыча пытается освободиться. В считанные минуты зверьки «засыпают», теряют сознание при условии, что правильно установленный капкан обеспечивает захват за шею или грудную клетку.

Анализируя отзывы и предложения охотников, опробовавших капкан ДКА-1 при испытаниях и на промысле, мы разработали более совершенные модели. В настоящее время они прошли производственные испытания. В основу легло техническое решение, защищенное авторским свидетельством № 1703015. Это щадящий капкан, вобравший в себя все преимущества ДКА-1, кроме того, более совершенная насторожка двухстороннего действия, являющаяся его отличительной особенностью, значительно расширила набор преимуществ нового капкана по сравнению со следовыми.

Все детали новых щадящих капканов (рис. 1) изготовлены из проволоки. Их пять — основание, давок, пружина, поводок и сторожок. Дугообразное основание, или рамка 1, имеет петлю 2 для шарнирного крепления давка 3 и пружины 4. На прямолинейном участке основания шарнирно крепится поводок 5, на поводке свободно подвешен сторожок 6.

Поводок имеет ограничитель хода сторожка, выполненный в виде пружинного кольца 7, являющегося частью булавки, назначение которой — крепить приманку. Между кольцами поводка, надетыми на прямолинейную часть основания, и булавкой на определенной высоте, ближе к оси вращения, на поводке выгнут навстречу давку угловой выступ 8. При настораживании капкана методом «на проход» (без приманки) этот выступ сдерживает давок. Под прямым углом к поводку непосредственно от его крепежных колец отходит фиксатор-крючок 9, который используют для удерживания взведенного давка при установке самолова с приманкой.

Сторожок состоит из опорной площадки 10, имеющей прогиб по ее наружной части, и стержня 11. Сторожок зацепляется прогибом за рамку и не дает поводку, отжимаемому давком, отойти от основания. Но если сторожок поднять и опустить, прогиб выходит из зацепления с основанием, поводок освобождается, и капкан срабатывает.

Пружина капкана имеет прогиб нижнего пера (150—160°) и два кольца зацепа 12 и 13, свободно охватывающих петлю рамки. Кольца выполне-

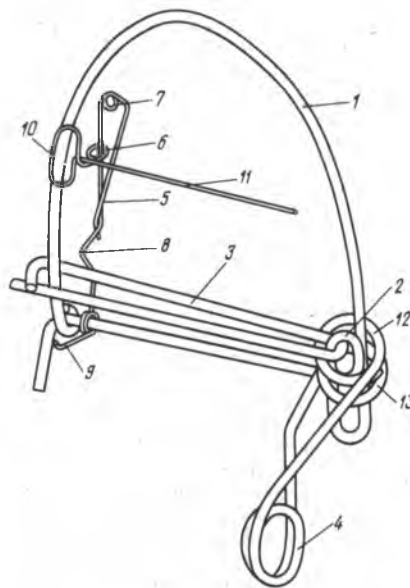

Рис. 1. Щадящий капкан, настороженный способом «на проход»: 1 — основание (рамка), 2 — петля для крепления давка, 3 — давок, 4 — пружина, 5 — поводок, 6 — сторожок, 7 — кольцо-ограничитель хода насторожки, 8 — угловой выступ, 9 — фиксатор-крючок, 10 — площадка, фиксатор, 11 — стержень, 12 — верхнее кольцо пружины, 13 — нижнее кольцо пружины.

ны в виде спиралей, обращенных друг к другу со встречным направлением навивки. Размер верхнего кольца 12 и размер силовых витков пружины являются отличительными признаками моделей капканов КА-2 и КА-2Н. У первой внутренний диаметр этих колец меньше, все остальные детали совершенно одинаковы. Разница в размерах колец пружин зависит от назначения модели. Капканы КА-2 рассчитаны на отлов белки, куницы, соболя, хоря, колонка, солонгоя и норки европейской. Модель КА-2Н применяется для отлова более «толстых» зверьков — норки американской и ондатры.

Давок — самая простая деталь, выполненная в виде V-образного рычага. Он имеет изгиб конца одной из ветвей для фиксации верхнего кольца пружины в ненастороженном самолове. В настороженном капкане заневоленный давок может быть зафиксирован выступом поводка 8, как это показано на рис. 1, или фиксатором-крючком 9 за одну из ветвей давка. В первом случае капкан будет насторожен способом «на проход», во втором случае используют приманку. При этом стержень сторожка концом булавки поджимают к поводку.

Капканы с приманкой ставят на древолазов (белка, куница, соболь), устанавливая их на сучках (колышках), как это показано на рис. 11, 1. Оснащенный приманкой и взведенный капкан надевают на клин сучка или колышка через просвет пружины, отведенной под небольшим углом по отношению к основанию. Клин должен также проходить между прямолинейной частью основания и ветвями давка, слегка распирая их. Капкан должен стоять плотно, без перекосов. Самоллов привязывают, используя специальную зарубку на сучке (колышке). Приманку маскируют от птиц небольшой еловой или пихтовой веточкой или пучком травы. Пахучей мазью натирают ствол дерева по противоположной от капкана стороне.

Капканы с приманкой, закрепленной на поводке, можно устанавливать и на земле в шалашах или нишах, вырытых в берегах рек. В этом случае (рис. 11, 2) капкан опирается на 2 точки основания и на силовые кольца пружины, отведенной под прямым углом к основанию. Так можно отлавливать куницу, соболя, колонка, хоря, солонгоя и норку. Пахучей мазью обмазывают рядом стоящие деревья и кусты. Капкан крепят поводком к специально забитому колышку. При этой постановке необходимо чаще проверять пути, хотя бы раз в неделю, чтобы избежать порчи добычи мышами.

Устанавливать капканы «на проход» можно как на деревьях, так и на земле в шалашах и загородках. При установке капканов на деревьях методом «на проход» взведенный самоллов закрепляют на клиновидной части сучка или колышка, придержи-

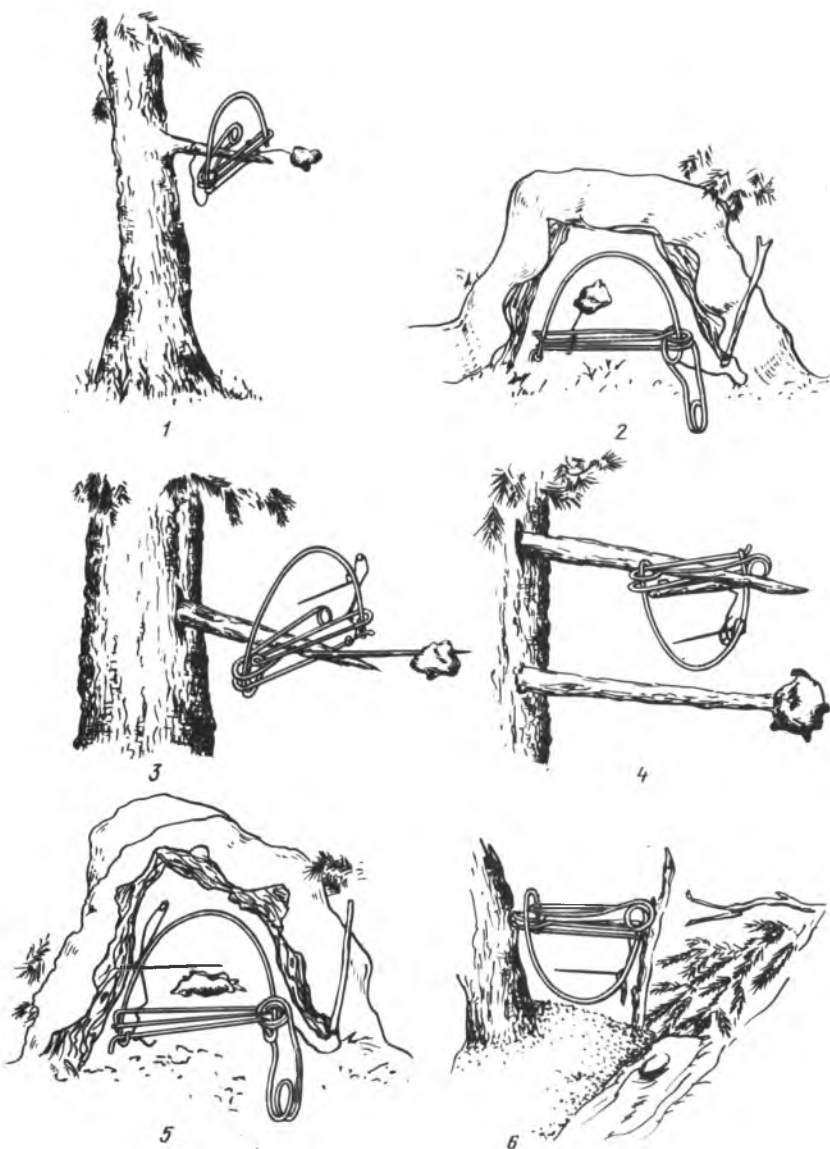

Рис. 11. Способы установки щадящих капканов: 1 — на дереве, 2 — в шалаше, с приманкой, закрепленной на насторожке; 3 — на дереве «на проход»; 4 — с приманкой на отдельном сучке; 5 — в шалаше «на проход»; 6 — в загородке «на проход» без приманки.

вая рукой площадку насторожки. Закрепляя капкан привязью, оставляют свободной ее конечную часть. Приманку крепят к палочке длиной около 20 см, палочку продевают между прямолинейной частью основания и давком и между ветвями пружины, и конец палочки слегка обматывают свободным концом привязи. Кусочек приманки маскируют веточками или пучком травы. При такой постановке капканов (рис. 11, 3) сторожок необходимо поднять в верхнее положение, а расстояние между капканом и приманкой должно быть таким: чтобы зверек прошел сквозь

просвет самолова не менее, чем до лопаток.

Второй способ установки капканов на деревьях методом «на проход» показан на рис. 11, 4. При этом способе в ствол вбивают 2 колышка, верхний — с клиновидным затесом покороче и нижний — для привязывания приманки. Капкан устанавливают в перевернутом виде, пружиной надевая на клиновидную часть верхнего колышка.

Хорошие результаты дает установка капканов, настороженных «на проход» в шалашах (рис. 11, 5). Правда, при этом приходится чаще проверять

капканы. Не рекомендуем этот способ при отлове норки американской, лучше применять способ, изображенный на рис. 11, 2, так как зверек имеет обыкновение при опасности делать резкие движения головой (типа змеиных выпадов), в результате часто бывают проловы. В то же время замечено, что другие мелкие хищники идут в капканы, установленные на земле, с большей смелостью, чем в капканы, установленные на дереве.

Способ установки капканов «на проход» в загородках показан на рис. 11, 6. На американскую норку капканы лучше устанавливать в перевернутом виде, пружиной вверх, так как зверек практически не обращает внимания на переплетение проволок и сучков над его головой, зато очень осторожен к такой преграде под ногами. Для того чтобы закрепить самолов в перевернутом виде в проходе загородки, берут ветку толщиной около 1 см и продевают ее между пружиной и прямой частью основания и дополнительно закрепляют тонким сучком, продетым через кольца пружины. Концы веточек укладывают на опоры, капкан как бы подвешивают на высоте 1,5—2 см над землей. Просвет в загородке должен располагаться над тем местом ложа ручья, которое выше уровня воды. Капкан привязывают поводком к кольцу или массивным частям загородки. Саму загородку делают из подручного материала, используя еловые лапки, сучья, сухую траву, мох. При постановке капкана «на проход» в загородке охотник должен добиваться такого хода зверька, чтобы он или прогнулся, подлезая под стержень сторожка (капкан устанавливают в углублении), или же должен выгибать круто свою спинку (капкан устанавливают на горке). В этом случае не будет «проскоков», то есть зверек не сможет пройти сквозь просвет самолова, не рассторожив его. Над капканом можно соорудить навес (крышу), которым защищают капкан от обильных снегопадов.

Установка капканов «на проход» на тропах ондатры или норки может производиться и без загородки, особенно если тропы эти идут через осоку или береговую траву.

Сравнивая капканы ДКА-1 и КА-2 на промысле белки и куницы, мы получили результаты, которые показывают очень небольшое, в 1,14 раза, преимущество ДКА-1 на промысле белки и значительное преимущество капкана КА-2 на промысле куницы — в 6,27 раза. Противопоставляя капканы КА-2Н следовым капканам малых размеров (№ 1 и 2) на промысле норки американской, мы получили еще большую разницу — в 6,62 раза в пользу щадящих капканов. Такие высокие показатели обещаются не только конструктивными особенностями новых самоловов. Капканы оказались мало чувствительными к перемене погоды, они сра-

батывали даже после того, как были засыпаны на одну треть снегом. Не влияли на их работоспособность и оттепели. Новая насторожка позволила значительно расширить число способов установки капканов. Кроме того, насторожка позволяет за счет регулирования высоты сторожка производить выборочный отлов зверьков.

В свое время мы разработали искусственную приманку на норку американскую, однако этот аттрактант обладал большой избирательностью на самок. Причиной избирательности была различно проявляемая реакция на запах приманки. Самцы в зоне запаха скользили на животах, и проловы при этом в обычные капканы были неизбежны, часто в сработавших капканах находили лишь волоски. Самки, реагируя на приманку, ходили на задних лапах, используя для опоры хвост (поза кенгуру), и, естественно, попадали чаще. Применяя капканы КА-2Н на промысле норки американской в комбинации с искусственной приманкой, мы выравнивали попадаемость самок и самцов. И более того, регулируя высоту насторожки, могли, сохраняя самок, отлавливать на участке необходимое количество самцов.

На основании результатов испытаний, проведенных нами в последние годы, мы убедились, что создать единый типоразмер капкана, который ловил бы и горностая, и норку американскую на базе найденного нами технического решения, вероятно, невозможно. Может быть 2—3 размера щадящих капканов для отлова мелких пушных зверьков. Мы не исключаем возможности применения аналогичных устройств и для промысла выдры, бобра и енотовидной собаки. Проведенная нами работа является незначительной частью исследований в деле разработки щадящих самоловов. Пока же наиболее подготовленным к производству необходимо признать капканы ДКА-1 и модели КА-2 и КА-2Н.

Предлагаю вниманию специалистов охотничьего хозяйства и охотников новые разработки, предприятие «Следопыт» готово заключить договора с заинтересованными организациями на предоставление технической документации на взаимно выгодных условиях. Идеальными партнерами здесь могут быть заводы — изготовители проволоки.

Охотник А. Лебедев из поселка Малокурганны спрашивает: «Какой порох используется в патронах отечественного производства к нарезному оружию, каковы его навески! Можно ли использовать охотничьи пороха «Барс» и «Сокол» в охотничьем нарезном оружии!»

Следует сейчас же оговориться, что в литературе обычно не приводится точная навеска порохового заряда в патронах к нарезному оружию. Это связано с тем, что одна партия пороха от другой отличается своими энергетическими показателями, и поэтому при снаряжении в заводских условиях приходится подбирать заряд по начальной скорости пули, а если давления при этом превысят допустимые величины, то порох бракуется.

В патронах к нарезному оружию центрального боя, выпускаемых отечественной промышленностью, применяются различные типы порохов. В патронах 5,6×39 (навеска 1,64 г), 7,62×53 (навеска 2,95 г) и 9×53 (навеска 3,05 г) применяется порох ВТ (винтовочный под тяжелую пулю, пироксилиновый). В патроне 7,62×51 (навеска 3,0 г) применяется нитроглицериновый сферический порох, изготавливаемый только для этого патрона и ни в каких других патронах не используемый. В патроне 8,2×66М используется пистолетный пироксилиновый порох П-45 небольшой навески (1,83 г). Сейчас этот патрон не изготавливается. На нем следует остановиться подробнее. Так как этот патрон очень слабый, то иногда охотники ссыпают в один патрон заряд из другого (распатронированного), то есть делают двойной заряд. Этого делать не следует, так как порох очень быстро горящий, резко поднимается давление и карабин может быть разорван. Более приемлемый вариант усиления патрона 8,2×66М — это распатронирование патрона 9×53 и пересыпание его заряда. Следует, однако, учитывать, что карабины 8,2 мм все произносившиеся и имеют увеличенный зеркальный зазор в затворе (зазор между зеркалом затвора и донышком гильзы), что непременно приведет к разрушению карабина при использовании патронов с увеличенным зарядом пороха. В связи с вышеизложенным категорически запрещается изменять снарядку патрона и делать свои собственные навески пороха. Вообще снаряжать патроны для нарезного оружия в домашних условиях не рекомендуется, так как это иногда приводит к несчастным случаям на охоте.

Охотничьи пороха «Сокол» и «Барс» ни в коем случае нельзя использовать в патронах центрального боя к нарезному оружию, так как эти пороха быстрогорящие и поднимают давление при выстреле до величин, значительно превосходящих те, на которые рассчитано оружие, что приводит к его разрушению.

Охотник Г. А. Первушин из г. Красноярска просит рассказать о способах крепления пули в патронах для нарезного оружия.

Первое, что следует отметить, — это необходимость в прочном соединении пули с гильзой, иначе может произойти распатронирование при выстреле патрона, находящегося в магазине, если его размеры несколько меньше патрона, под который рассчитан магазин оружия. Такой вариант возможен с патроном, имеющим более легкую пулю по сравнению со стандартным, используемым в данном оружии. Причиной наиболее частого распатронирования может быть так-

же захват пули передней частью патронника, это при извлечении патрона из ствола после окончания охоты приводит к тому, что пуля остается в стволе, а гильза извлекается затвором. Порох при этом высыпается в механизм оружия и оно становится непригодным для стрельбы до тех пор, пока не будет разобрано и тщательно вычищено от порошинок. Это можно сделать только в домашних условиях. Таким образом, оружие на охоте становится бесполезным. Вот почему важно тщательно закреплять пули в гильзах.

А теперь разберемся, как это следует делать. Перед размещением гильзы в снаряжательную матрицу ее дульце должно быть обжато настолько, что при этом должен образоваться натяг между ведущей частью пули и внутренним диаметром дульца гильзы, по крайней мере, не менее 0,01 мм. Чтобы пуля легче вошла в гильзу, края дульца можно слегка развальцевать. После досылки пули в гильзу ее следует в нескольких точ-

ках закернить, ударив кернером по дульцу гильзы примерно в 3 мм от края дульца, положив при этом патрон в разрезанную вдоль по оси матрицу или другое приспособление, позволяющее как-то зафиксировать патрон в лежащем положении. Можно также обжать разрезными плашками края гильзы таким образом, чтобы они вдавлились в ведущую поверхность пули. Такое вдавливание можно осуществить и с помощью специально изготовленного кольца с внутренним конусом или матрицы, конструкция и внутренние размеры которой при досылке в нее снаряженного патрона заставят вжаться края дульца гильзы в пулю. К сожалению, все эти матрицы необходимо изготавливать с очень высокой точностью (до тысячных долей миллиметра), так что в домашних условиях самым приемлемым остается кернение, хотя оно в наименьшей степени защищает от распатронирования.

Ответы подготовил
М. БЛЮМ

*Господа предприниматели,
руководители предприятий и учреждений!*
ВНИМАНИЕ!

МЫ ГОТОВЫ ОПУБЛИКОВАТЬ ВАШУ РЕКЛАМУ В НАШЕМ ЖУРНАЛЕ

Производители ружей, боеприпасов, охотничье-рыболовного снаряжения, одежды и обуви, капканов, охотничье-рыболовной и другой экологической литературы, палаток, лодок и лодочных моторов... фирмы, заготавливающие и перерабатывающие пушнину, меховые ателье, пушно-меховые холодильники... все другие заинтересованные организации и частные лица.

**ДЛЯ ВАШЕЙ РЕКЛАМЫ НЕТ ЛУЧШЕГО МЕСТА,
ЧЕМ НАШ ЖУРНАЛ.**

Результативность нашей рекламы очень высока, расценки же на ее размещение ниже, чем во многих средствах массовой информации. Журнал читают миллионы людей, как в городах, так и в самых отдаленных селах и деревнях.

При многократной публикации предоставляется скидка. Средства, затраченные на рекламу в «Охоте и охотничьем хозяйстве», непременно окупятся.

Пишите, звоните. Наш адрес: 107807, ГСП-6, Москва, Б-78, Садовая-Спасская, 18. ТОО «Издательский дом» «Охота и охотничье хозяйство». Тел.: (095) 207-20-91, 207-24-05. Наши новые реквизиты: Расчетный счет 41467762 в Промрадтехбанке МФО 998907, участник РТ Корр. счет 122161600 в РКЦ ГУ ЦБ РФ, уч. 83.

КАКИЕ РУЖЬЯ НАМ НУЖНЫ

М. БЛЮМ

На страницах нашего журнала в статьях Н. Аксенова, Б. Хоботова, М. Портнова, А. Никульцева неоднократно поднимался вопрос о том, какие ружья нам нужны, но заводы как выпускали, так и выпускают оружие по своему усмотрению, мало сообразуясь с нуждами и интересами охотников, подчас хороня в своих архивах замечательные разработки. Это можно проследить на примере ружья ТОЗ-39М (наш журнал № 2, 1989 г.), которое было разработано в первой половине 60-х годов, но и в 80-е годы так и не было установлено на производство Тульским оружейным заводом. Есть надежда, что это замечательное ружье в 90-х годах увидит свет, но уже с маркой зарубежного изготовителя. А жаль! Лучшее бы на нем стояло клеймо российского завода.

В настоящее время положение с обеспечением оружием населения России начинает меняться. В московских оружейных магазинах появилось оружие из США и Китая (пока в основном помповое и самозарядное), возможно, и другие страны начнут завоевывать наш рынок, так что теперь могут появиться серьезные конкуренты нашим заводам.

Кроме того, отечественным производителям оружия следует учитывать, что с 1 января 1994 г. начал действовать новый Закон об оружии, в соответствии с которым теперь разрешено приобретать оружие всем гражданам Российской Федерации, а не только охотникам. Это, безусловно, в какой-то мере отразится на изменении требований, предъявляемых к оружию новым контингентом потребителей, которые необходимо серьезно изучить.

Все вышеуказанные изменения состояния дел с оружием в России привели к необходимости вновь вернуться к обсуждению вопроса о том, какое оружие нам нужно.

Следует прежде всего разделить все оружие на три категории. К первой отнести относительно дешевые, простые и надежные ружья с одним и двумя стволами, а может быть, и тремя. Ко второй — ружья средней стоимости с более сложными механизмами, сменными стволами и различными дополнительными устройствами (шнеллер, оптика и т. п.). Третья включает в себя только дорогое оружие, в том числе ружья, выполненные по специальному заказу. (Нарезные охотничьи карабины выделим в особую группу.)

Ружья первой группы призваны обеспечить потребности охотничьих промысловых хозяйств, охотников-промысловиков и любителей, нуждающихся в подобном оружии. В эту группу должны входить одностволки с магазином на два-три патрона от 10-го до 32-го калибра. Кстати, для охотника совершенно безразлично, какое конструктивное исполнение будет иметь такое оружие. Либо это будет образец с продольно-скользящим затвором и коробчатым магазином, либо инженеры придумают еще более простую конструкцию. Охотникам все равно, лишь бы она была дешевой, удобной в эксплуатации и надежно работала в самых неблагоприятных условиях. Важно, чтобы можно было без задержки быстро произвести последовательно несколько прицельных выстрелов и быстро заменить один патрон на другой. Причем такое оружие обязательно должно иметь хорошие прицельные приспособления, а не планку с мушкой. Тут нужен целик с мушкой, а еще лучше кольцевой прицел и, конечно, основание на ствольной коробке для установки кронштейна с оптическим прицелом. Такое ружье должно иметь сменные надульники или выполненный в чистом виде «парадокс», позволяющий получить хороший бой пулей до 150 м и неплохой дробовой выстрел. Причем такие одностволки должны быть изготовлены как в облегченном виде, так и в тяжелом, что позволит применять мощные заряды типа «магнум» для стрельбы на дальние расстояния, например гусиные охоты, и обеспечить точность при стрельбе пулей до 100 м.

В эту же группу должны входить двухстволки от 12-го до 32-го калибра как под стандартные патроны, так и под усиленные типа «магнум». Механизм должен быть простейшим и надежным в работе, даже если он не смазан и слегка заржавел.

Наиболее универсальным оружием может оказаться двухствольное ружье с вертикальным расположением стволов 20-го калибра под патроны «магнум». Оба ствола должны иметь сверловку «парадокс», что позволит произвести хороший пулевой выстрел, а за счет различных способов снаряжения дробовых патронов получить требуемые результаты стрельбы дробью на различные расстояния. Прицельные приспособления должны состоять не только из планки и мушки, но и из подъемного или откидного кольцевого прицела.

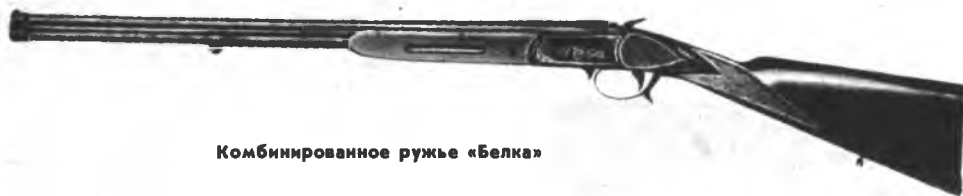
Теперь коснемся второй группы, названной оружием средней стоимости. Такое оружие, обладая максимально возможной надежностью, должно иметь сменные стволы и усложненный механизм (тут и эжектор, где это нужно, и шнеллерный механизм, и перехватыватели курков, а также при необходимости автоматический предохранитель. Он, кстати, нужен только на охотах по перу и ни в коем случае недопустим при охотах на опасного зверя). Об одностволке с магазином уже говорилось. К этому следует добавить, что более дорогая одностволка должна иметь шнеллерный механизм для стрельбы пулей при наличии вкладного стволика или при стрельбе пулей из гладкого или парадоксового ствола с установленным оптическим при-

Двухстволка МЦ109 высокого класса.

Двустволка ИЖ-54 среднего разбора

Комбинированное ружье «Белка»

целом. Необходимы также быстрозъемные магазины для скорой замены одного типа патронов другим. Еще одним типом оружия должна быть самозарядная одностволка со сменными стволами 12-го и 20-го калибров под стандартные патроны и патроны типа «магнум». Один из сменных стволов должен иметь сверловку «парадокс», винтовочные прицельные приспособления, основание для крепления оптического прицела. Основной ствол должен иметь стандартный получок, а остальные стволы: один — с раскидистым боем, другой — с очень кучным, можно сюда добавить ствол с цилиндрической сверловкой. Образец обязательно должен иметь подъемный кольцевой прицел, который позволяет не только вести точную пулевую стрельбу, но и выбирать правильное упреждение при стрельбе дробью влет или при пулевой стрельбе по движущейся цели.

О двуствольном оружии можно сказать следующее. Во-первых, необходимо иметь сменные стволы для каждого ружья. Например, ружье 12-го калибра должно иметь сменные стволы 20-го калибра. Для сменных стволов меньших калибров следует избрать ружье с колодкой, разработанной под патрон 20-го калибра. Сменные стволы, естественно, должны различаться не только по калибрам, но и по сверловке в пределах одного калибра. Тут могут быть оба ствола цилиндрических или оба — с сильными чоками, возможны варианты со сверловкой «парадокс» или полными нарезками. Например, владея двустволкой 12-го калибра и охотясь с ней на соответствующую дичь, очень неплохо иметь возможность пойти на зверя, заменив гладкие стволы на нарезные калибра 9 мм под патроны 9,3×74. Для таежных охот может представить ин-

терес комбинация стволов, например такая: 12-й калибр гладкого ствола, а нарезного под патрон 9,3×74 и вкладной ствол под патрон калибра 5,6 мм кольцевого воспламенения (в этом варианте можно заменить 12-й калибр на 20-й «магнум»). Возможен и такой вариант. Относительно тяжелая двустволка 20-го калибра под патрон «магнум» с одним «парадоксовым» стволом, а вторым — цилиндрическим (или полным чоком — это зависит от условий охоты). Если предстоит охота на лисицу, коз или горного барана, можно взять вторую пару стволов с гладким — 20-го калибра (под картечь или крупную дробь), а второй ствол калибра 5,6 мм под мощный патрон с начальной скоростью оболочечной пули от 600 до 900 м/с (один и тот же патрон, выполненный в различных вариантах) или калибра от 6,5 до 7,62 мм и начальной скоростью пули порядка 1000 м/с (для охоты в горах). У такого оружия для нарезного ствола должен быть приспособлен шнеллер, а на стволах следует установить оптический прицел.

Трехстволка — это, пожалуй, самое универсальное оружие нашего серьезного охотника. Если приходится много ходить, в том числе и по сильно пересеченной местности, с целью охоты по крупному зверю, птице и пушным животным, надо иметь тройник с длиной стволов порядка 600 мм, два верхних ствола 20-го калибра под патроны «магнум» (применять более слабые патроны, естественно, в таком оружии не возбраняется). Один ствол — гладкий с полным чоком, второй — «парадокс» (дробью бьет обычно как получок, а специальной пулей до 150 м), нижний ствол под мощный 9-мм патрон (например, 9,3×74), еще вкладной ствол под патрон кольцевого

воспламенения калибра 5,6 мм (можно, правда, иметь и подобную четырехстволку).

Иногда необходимо обладать и чисто зверовым тройником для крупного зверя и пушной мелочи: два верхних ствола под патрон 9,3×74, а нижний — калибра 5,6 мм — под патрон с оболочечной пулей весом 3,5 г и начальной скоростью 600—700 м/с (такой патрон в 50-х годах был создан и назывался 5,6×38, в нем использовалась обжатая гильза от револьвера «наган»). Или вот такой вариант: два верхних ствола 12-го калибра, а нижний — калибра 9 мм. Такой тройник будет тяжел для длительных ходовых охот, а вот на загонных охотах на равнинной местности, когда охотников развозят по номерам на машине, такое оружие очень хорошо.

Можно создать тройник и для охоты на мелких животных, например 28-го калибра два верхних ствола и нижний ствол под малокалиберный патрон кольцевого воспламенения. Во всяком случае, варианты могут быть самые различные, в зависимости от условий охоты промысловика или любителя на тех животных, которых он собирается добывать.

Теперь следует поговорить о дорогом оружии, выполненном по заказу, с различными личностными требованиями охотника. Такое оружие должно быть с так называемыми полными замками, отдельными сложными ударно-спусковыми механизмами с перехватывателями курков, подпружиненным первым спусковым крючком, украшенным объемной гравировкой с сюжетами на охотничьи темы. Это оружие должно быть двуствольное или трехствольное со сменными стволами и с тем сочетанием стволов, какое закажет охотник. Кроме того, заказчик должен иметь возможность

оговорить нужные ему конструктивные элементы ружья (форма ложи, прицельные приспособления, наличие эжекторов, тип предохранителя и т. п.). И конечно, при желании заказать пулелейку, специальные чехлы и ящики для оружия, нож, выполненный и украшенный в том же стиле, что и оружие, приборы для снаряжения

Магазинный карабин «Сафари-Грейд» американской фирмы «Учзербай»

Трехствольное ружье с гладкими стволами 16-го калибра и нарезным стволом под патрон 7×57, изготовленное в Зуле

патронов, патронташи и одежду. Не плохо иметь, например, двустволку с одной парой стволов 12-го калибра, а другая пара стволов под патрон 9,3×74. Можно заказать и третью пару стволов с одним стволом 20-го калибра и другим — под патрон 7,62×53. И все-таки наиболее универсальным для европейских охот следует считать ружье со стволами 20-го калибра, один из которых имеет полный чок под патрон «магнум», второй — так же «магнум» со сверловкой «парадокс», третий ствол — либо под малокалиберный патрон кольцевого воспламенения, либо под патрон 5,6×38 с оболочечной пулей, имеющей скорость порядка 700 м/с. Предохранитель такого ружья должен быть неавтоматическим, обязательны для третьего ствола шнеллерный механизм, в шейке ложи подъемный кольцевой прицел, основание для установки кронштейна с оптическим прицелом, имеющим переменную кратность увеличения от 2,5 до 8. Длина стволов 600 мм. Почему именно такой тройник? Верхние два ствола при стрельбе из них дробью будут работать как полный чок и получок 12-го калибра (так как патроны «магнум» 20-го калибра примерно равноценны стандартному заряду патрона 12-го калибра). Если понадобится менее мощный выстрел из гладкого ствола, то

можно воспользоваться стандартным зарядом патронов 20-го калибра. Таким образом, из такого оружия можно отстреливать любую дичь, добываемую дробью. При охоте на крупного зверя (лося, кабана, медведя) на расстоянии порядка 150 м можно применить мощный патрон со специальной тяжелой поясковой пулей в стволе со сверловкой «парадокс», а если понадобится быстро произвести второй выстрел на более близком расстоянии для самозащиты от нападения зверя или по какой-либо другой причине, то охотник воспользуется пулевым патроном «магнум» из гладкого ствола. При необходимости поохотиться на коосулю, лисицу или волка понадобится картечный выстрел — это два верхних ствола — или точный дальний выстрел, что обеспечит нижний нарезной ствол под патрон 5,6×38. Этим патроном можно добыть глухаря, тетерева и некрупного пушного зверька. Для горных охот к этому тройнику можно заказать вторые сменные стволы под патрон 7,62×64 с тяжелой пулей и начальной скоростью порядка 1000 м/с (два верхних ствола), а нижний ствол под мощный патрон 9,3×74. Верхние стволы — для стрельбы на дальность 500—600 м, а нижний —

для отстрела крупного и опасного зверя, иногда с очень близкого расстояния. Естественно, могут понадобиться и другие сочетания стволов, например верхние оба 12-го калибра, а нижний — под патроны 7,62×53 либо 7,62×64. Может быть, понадобятся два верхних ствола 20-го калибра в сочетании с такими же патронами для нарезного ствола.

Для путешественников и таежных охотников, на мой взгляд, самым универсальным ружьем был бы тройник с верхним стволом «парадокс» 20-го калибра под патроны «магнум». Под этим стволом должен располагаться нарезной ствол под патрон 9,3×74, в котором можно применять патрон с различными скоростями и типами пуль. Сбоку, в углублении между стволами, можно разместить ствол калибра 5,6 мм под патроны кольцевого воспламенения. Имея такое оружие, охотник при добыче крупного зверя будет использовать патрон «магнум» с пулей для «парадоксов» и патрон 9,3×74 с тяжелой полуоболочечной пулей. Для стрельбы по среднему зверю можно применить опять-таки пулевой патрон 20-го калибра, но с более легкой пулей, и патрон 9,3×74 с оболочечной пулей, имеющей более высокую скорость для стрельбы в горах или с меньшей скоростью для стрельбы на не очень далекие расстояния. Если же понадобится добывать крупную птицу (глухаря) или мелкого пушного зверя, то тут охотник будет иметь под рукой малокалиберный ствол и дробовой патрон либо «магнум», либо обычный 20-го калибра. При отстреле же средней и мелкой птицы используется дробовой патрон с различными вариантами снаряжения. Так что о более универсальном оружии охотник вряд ли может мечтать. Длина стволов такого ружья должна быть 577 мм.

Теперь о нарезных карабинах. Тут можно сказать одно — карабины нужны двух типов. Деловые, без украшений, надежные в работе для применения на промыслах в различных районах страны, и в небольшом количестве дорогие, с украшениями, заказной ложей — это для состоятельных охотников-любителей. Конечно, все карабины должны быть снабжены оптическими прицелами. В нашей стране и за рубежом в

основном изготавливаются магазинные и самозарядные карабины или винтовки и очень редко однозарядные, типа нашего карабина ТОЗ-16. Наиболее подходящими для условий наших охот могут быть карабины калибров от 5,6 до 9,3 мм под патроны различной мощности с начальными скоростями пуля от 300 до 1000 м/с. Применение разнообразных конструкций пуля значительно увеличит универсальность оружия.

Если говорить о конструкциях оружия в общем плане, то совершенно все равно, какие хитрые механизмы включает в себя ружье (лишь бы они все были, которые ему нужны). Охотнику важно, чтобы все механизмы и ружье в целом работало надежно и не давало сбоев, осечек, было полностью безопасно в обращении, каждый механизм безотказно выполнял свое назначение, точно посылая любой тип снаряда в цель (например, с минимальным разбросом пули), было удобно в эксплуатации и прикладисто при стрельбе, надежно защищено от влияния окружающей среды, имело достаточную скорострельность, с хорошим балансом и, естественно, обладало необходимой живучестью.

Исходя из всего вышесказанного, для удовлетворения нужд отечественных охотников нашей промышленностью необходимо изготавливать гладкоствольные и нарезные одностволки с магазином на несколько патронов различных сверловок и калибров как самозарядные, так и перезаряжаемые движением руки. При этом разнообразие конструкций следует свести к разумному минимуму

с максимальным использованием взаимозаменяемых деталей. Для двустволок следует взять пару наиболее надежных конструкций с вертикальным и горизонтальным расположением стволов, а на их базе изготавливать различные варианты ружей относительно недорогой и средней цены. Конструкция и реальное воплощение в образцы дорогих ружей будет зависеть от требований заказчика. И последний конструктивный тип ружей — это трехстволки. Один тип трехстволки следует разработать с мощной колодкой под различные сочетания стволов, в которых будут применяться мощные патроны (гладкие стволы для патронов 12-го и 16-го калибров, а нарезные — под патроны калибров 9; 7,62; 6,5 и 5,6 мм центрального боя). Второй тип тройника — облегченный с колодкой под патроны 20; 28 и 32-го калибров (два верхних ствола), а нижний — нарезной калибров 7,62, 6,5 и 5,6 мм (под патроны центрального боя или кольцевого воспламенения). Стволы не должны быть длинной более 600 мм. К этой же группе, безусловно, следует отнести и универсальный тройник, описанный мною выше.

В конечном итоге, можно обойтись очень небольшим конструктивным разнообразием ружей, но с различным сочетанием калибров и сменных стволов.

Итак, я могу только пожелать российским охотникам в скором времени увидеть это оружие на прилавках магазинов России либо нашего изготовления, либо зарубежного, коль скоро Тула и Ижевск не начнут его выпускать.

Охотник из Павлодара Семенов Вячеслав Александрович хочет узнать, что представляет собой «нарезка ланкастера» и чем она хороша или плоха!

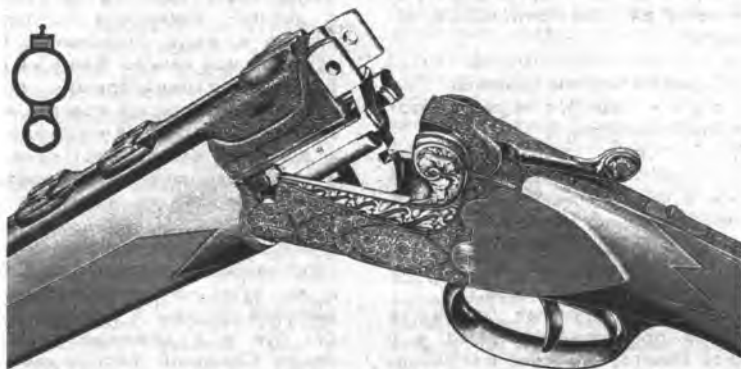
В 1835 г. капитаном Бернерсом в оружии была применена овальная винтообразная сверловка ствола. При взгляде в канал ствола может показаться, что он гладкий, то есть не видно традиционных винтообразных нарезов, которые изготавливаются в настоящее время. На самом деле имеются два противолежащих, довольно глубоких и чрезвычайно широких сегментообразного вида нареза, которые плавно переходят в поля и поэтому канал ствола в поперечном сечении кажется слегка овальным или эллипсовидным. Большая ось овала на протяжении всего ствола совершает определенное число оборотов, то есть, как и обычная нарезка, имеет свой шаг. Практическая разработка и ее широкое применение в оружии тесно связаны со знаменитой лондонской фирмой Чарльза Ланкастера, поэтому такая нарезка впоследствии получила название овальной сверловки Ланкастера.

С точки зрения теории отсутствие резких переходов от нарезов к полям и гладкая поверхность канала ствола способствуют прочности стенок, а значит, ствол становится более легким. Кроме того, уменьшается трение, что приводит к увеличению начальной скорости пули. Но главное достоинство сверловки Ланкастера заключается в том, что из такого ствола можно стрелять дробью, как из цилиндрического гладкого ствола без чока, и при этом не происходит сильного свинчивания канала ствола, как в обычном нарезном оружии. С. А. Бутурлин при стрельбе из двуствольного штуцера 12-го калибра, обладавшего превосходным боем пулей, английской дробью № 6 получил бой дробовика с цилиндрической сверловкой. Недаром наш великий путешественник Н. М. Пржевальский при своих долгих и трудных экспедициях в джунглях Центральной Азии никогда не расставался со штуцером Ланкастера и очень дорожил им. Впоследствии это ружье перешло в руки известного ученика и преемника путешественника П. К. Козлова.

С такой сверловкой фирма Ланкастера производила пулевое оружие от слоновых штуцеров 4-го калибра до винтовок и карабинов калибра 220 (5,6 мм). Вес двуствольного штуцера 12-го калибра составлял 5,9 кг.

Американский самозарядный карабин «Нейлон-66» калибра 5,6 мм

Комбинированное ружье

ЕЗДОВЫЕ СОБАКИ ЕЩЕ ПОСЛУЖАТ ЧЕЛОВЕКУ

На собачьих упряжках вокруг о. Врангеля

Фото автора

С. УСПЕНСКИЙ

Мне уже доводилось рассказывать в журнале («Охота и охотничье хозяйство», № 7, 1984 г.) о славном прошлом ездовых собак, о важной роли, которую они играли в освоении и Российского, и Американского Севера, в достижении человеком и Северного и Южного полюсов планеты, об их породах и качествах; о том, что ездовое собаководство приходит в упадок, не выдерживая конкуренции с механическим транспортом. Там же я задавался вопросом: есть ли у них будущее? Сам пытался и ответить на него, предполагая, что ездовые собаки еще послужат человеку, сыграют свою роль в спорте, спортивных соревнованиях и экспедициях. И этот прогноз оправдывается.

В самом деле, все большую популярность приобретают гонки собачьих упряжек, и не только на Аляске и в Канаде, где они зародились. Таким же успехом и среди участников, и среди болельщиков пользуются проходящие в Канаде «Восточное дерби» и «Гудзоновское дерби». На Аляске «Соломон дерби» — самые популярные здесь, да и, пожалуй, в мире гонки Анкоридж-Ном на дистанцию 1800 км. Гонки здесь проводятся в самые суровые зимние месяцы, в феврале — марте. Участникам их предстоит преодолеть несколько горных хребтов, участки и плотного, и рыхлого снега, даже бесснежные пятна. Словом, это серьезные испытания и для людей, и для собак. Гонки Анкоридж — Ном проводятся в память о драматическом

«собачьем рейсе» 1925 года, когда лишь с помощью ездовых собак удалось доставить в охваченный эпидемией дифтерии Ном вакцину из Анкориджа. С 1973 г. эти гонки проводятся регулярно. Вот некоторые их показатели:

1980 г. В Анкоридже стартовали 65 упряжек, до финиша дошли только 12. Победитель Джон Мэй прошел дистанцию за 14 суток 7 часов 11 минут и 51 секунду (здесь точность тоже в почтете!);

1983 г. В связи с 10-летним юбилеем гонок правительство штата выделило 100 тыс. долларов в качестве награды первым двадцати участникам, пришедшим к финишу;

1985 г. Первый приз достался женщине Либби Ридэлс, хотя она и прошла дистанцию лишь за 17 суток с минутами. Помехой ей была почти непрерывная пурга;

1986 г. 16 марта жители Ном бурно приветствовали Сьюзан Батчер — опять женщину, ставшую на этот раз победительницей;

1987 г. Опять победа Сьюзан Батчер. Она прошла дистанцию за 11 суток 2 часа 5 минут и 13 секунд. Свой прошлогодний рекорд ей удалось улучшить почти на 13 часов!

1990 г. Рекордное время сократилось еще на несколько часов...

Бега собачьих упряжек становятся все более популярными также и в Западной Европе, особенно в Швейцарии и Скандинавии, — наиболее «снежных» странах, где снежный покров особенно устойчив и продолжи-

телен. И здесь, как и на Севере Американского континента, вокруг гонок разгораются страсти, заключаются пари, о них пишут газеты, их показывает телевидение. И здесь, как и в Америке, прокладывая путь в узком коридоре среди человеческой толпы, напрягая последние силы, к финишу мчатся упряжки. Тяжело дышат раскрытыми ртами возбужденные собаки. Возбуждены лица стоящих на задках саней каюров. Щелкают бичи. Заключаются последние пари. Суетятся фото- и телерепортеры. Неистовствуют болельщики. Причины неистовства, конечно, достаточно веские. В первую очередь это материальная сторона дела. Известно, например, что на некоторых американских гонках собачьих упряжек заключались пари на общую сумму в десятки миллионов долларов. Но велико здесь и спортивное, и чисто эстетическое начало. Как и на конских бегах, в стремительном движении также раскрываются красота и совершенство животных. И участников гонок, и зрителей захватывают слаженность в работе упряжек, взаимодействие с ними каюров, их единство, общий азарт.

Все более популярными становятся спортивные экспедиции к Северу — и по суше, и по морским льдам, включая походы к Северному полюсу. Как и в прежние времена Великой Северной экспедиции (начало XVII в.), экспедиций Нансена и Амундсена (конец прошлого — начало текущего столетий), Г. А. Ушакова и

Н. Н. Урванцева (1930-е годы), не-оценимую помощь современным путешественникам оказывают упряжные собаки.

К большому сожалению, в наше время на Российском Севере уже трудно собрать упряжку стоящих ездовых собак. Там, где когда-то сложились и использовались лучшие в мире их породы: колымская, янская, камчатская, они почти совсем перевелись. Да и те, что сохранились, чаще перемешаны с собаками, завезенными сюда с «Большой земли». Хорошо еще, если свой след оставили овчарки или гончие. Часто же это — нелепые помеси аборигенов с пуделями, бульдогами, таксами...

Спортивное ездовое собаководство у нас пока не прижилось, собачьи упряжки держат и используют на севере России лишь немногие энтузиасты. Однако и в Америке, и в Западной Европе популярность ездовых собак и их использование растут; причем в соответствии с изменившимися целями эти собаки — в прошлом обитатели «глубинки» — все больше становятся «горожанами». Среди современных ездовых собак по экстерьерным признакам и темпераменту различают в основном две породные группы: мелемютов и хаски. Первые — потомки собак американских (точнее, аляскинских) эскимосов. Их особенность — относительно сырая конституция. Они флегматичны и «тихоходны», способны перевозить большие тяжести с не самой большой скоростью. Хаски — так называли на Аляске собак, привезенных с севера Сибири, колымских, янских, чукотских. Под таким же названием распространены теперь их потомки и в Канаде, и в Западной Европе. Для них характерен облегченный, более «сухой» тип конституции. Они более длинноноги, темпераментны, способны развивать большую скорость, но не столь неутомимы, как мелемюты.

И к тем и к другим собакам предъявляются, в общем, сходные требования. Они должны обладать крепким телосложением, относительно крупными размерами и весом [по Шерешевскому, высота их в холке должна составлять 55—65 см, вес в рабочих условиях (состоянии) 35—45 кг]. Относительно крупные размеры имеют для ездовых собак большое практическое значение, поскольку они обуславливают и большую тяговую силу, и относительно невысокую теплоотдачу. Для них характерны также мощное развитие скелета и мускулатуры, особенно передней части тела — грудь и передние конечности, так как именно на них приходится основная нагрузка во время работы собаки. Голова у нее массивная, вольного сложения, зубы мощные, хорошо развитые, как и

желудочно-кишечный тракт, явно приспособленные к плотоядному питанию. Прикус, как и у большинства собак других пород, должен быть ножницеобразным.

Для них, особенно собак хаски, характерны мускулистые, плотно прилегающие к челюстям, без отвислости губы. На севере Сибири при выборе ездовой собаки обращалось внимание на то, есть ли у нее на нижней стороне морды и щеках бородавки с пучками растущих из них длинных волос (вибрисс). Отсутствие таких бородавок (признака породы) считалось важным дефектом, и эти собаки браковались.

Спина ездовой собаки должна быть широкой, прямой, несколько покатой к задку; поясница — мощная, прямая; живот — подтянутый. Большое внимание обращается на конечности собаки, особенно передние. Обхват ее пясти должен быть не менее 10 см, у лучших же представителей этой группы он достигает 14—15 см. Постав передних конечностей должен быть параллелен оси туловища. Очень важно, чтобы ездовая собака имела большие, широкие в комке лапы с удлинненными средними пальцами и жесткими их мякишами. Прибылой палец на задних конечностях — помеха в работе, и его еще у щенка удаляют. Хвост у них должен быть средней длины (не длиннее скакательного сустава); его ездовые собаки обычно держат по-волчьи, опущенным вниз. Очень важный отличительный признак ездовой собаки — ее шерсть. Зимой она должна быть густой, состоять из хорошо развитого, сравнительно длинного подшерстка и грубой жесткой ости, особенно развитой на загривке, спине и хвосте. Такая шерсть хорошо защищает собаку от холода, в нее не забивается и к ней не прилипает снег. На лапах собаки шерсть должна быть жесткой и короткой, пробиваясь между мякишами пальцев и образуя подобие щетки, увеличивающей опорную поверхность лапы, придающей ей устойчивость на льду и предохраняющей мякиши от стирания и травм.

Окраска ездовых собак может быть различной, хотя отдельным их породам свойствен определенный цвет меха. Например, колымские собаки, как правило, были черными с белыми пятнами над глазами и в белых «носках». Среди мелемютов преобладают серые собаки с белыми «очками». Опытные каюры чаще подбирали в упряжку разномастных собак, глядя на которых в пути «глаз отдыхает».

Ездовых собак в России иногда называют «ездовыми лайками», что неправильно. Лайка по экстерьеру, быть может, и похожа на ездовую собаку, но предназначена для охоты.

У упряжных же собак в процессе отбора охотничий инстинкт подавлялся, что сказалось и на их внешнем виде, и на поведении. Хотя, конечно, мало кто из них останется равнодушным при виде белого медведя, оленя или песца. К категории упряжных собак иногда относят и ненецких («самоедских») лаек, что также лишено оснований. Ненецкие лайки — собаки небольшие, похожие на шпица (необязательно белые), тоже лишены охотничьего инстинкта, имеющие узкую специализацию — помогать пастуху пасти стада северных оленей. Их, конечно, никогда не использовали и не используют как ездовых собак.

На что способны ездовые собаки? При легкой скоростной езде они могут пробегать в сутки 200—250 км (выше уже говорилось о рекордных пробегах упряжек на трассе Анкоридж — Ном). При перевозке же грузов, при будничной работе средняя нагрузка на одну собаку в нарте определяется в 40—50 кг при скорости движения 6—7 км в час и при общем дневном пробеге 70—80 км на расстоянии 300—500 км без длительного отдыха. Конечно, многое зависит от индивидуальных качеств собак — возраста, тренированности, а также от питания, состояния дороги и погоды, от качества упряжки и саней и, конечно, от умения и мастерства каюра.

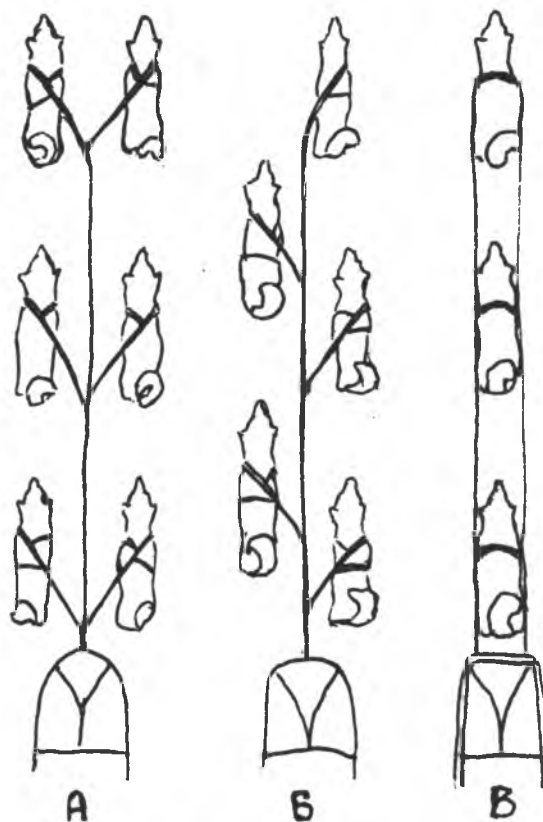
Как уже говорилось в предыдущей моей статье, на Крайнем Севере сложились два типа собачьих упряжек: веером, когда они бегут рядом в одной шеренге, и цугом — одна пара за другой по бокам длинного ремня или троса (потяга). И та и другая упряжка обычно состоит из 8—12 собак. В первом случае собаками управляют вожжей, во втором — голосом. Езда веером более маневренна, не требует от собак особенно высокой квалификации. Собаки здесь всегда «под рукой» у каюра. Поскольку ему хорошо видно, какая из собак как работает, по ходу дела он без труда «вразумляет» лентяев. Такая упряжка использовалась и еще кое-где используется на Европейском Севере и севере Западной Сибири. Однако в наши дни, особенно в спортивных состязаниях, собак запрягают почти исключительно цугом. Цуговая упряжка не так маневренна: нельзя, например, повернуть нарту круто в сторону, зато экономнее расходует силы собак. На цуговой упряжке легче проехать среди торосов, по дну узких оврагов, по глубокому рыхлому снегу. Запряженные цугом собаки бегут охотнее, азартнее. Видя перед собой убегающую собаку, задняя стремится догнать ее (зато при остановках следует потасовать — расплата с «беглецом»).

Езда цугом требует от собак да и от каюра гораздо более высокой квалификации. Особенно это относится к «передовику». Он сам, не дожидаясь команды, обойдет препятствие, поведет упряжку быстрее или медленнее, а если собаки, увидев зверя или птицу, помчатся в сторону, отвлечет их, будто увидел что-то новое, и выправит путь. Поэтому и цена хорошего «передовика» очень высока.

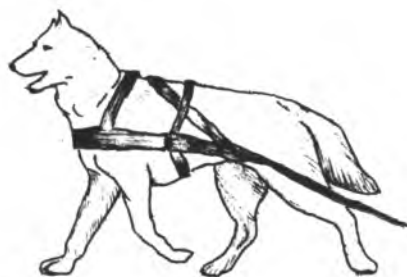
В разного типа упряжках использовались и разные сани. Для веерной упряжки детали крепились по-столярному, на шипах. А в общем они представляли уменьшенную и облегченную копию легковых саней оленьей упряжки. В Восточной Сибири и на Чукотке детали саней, используемых для цуговой упряжки, связывали ремнями. На ходу они скрипели, изгибались, но оказывались довольно прочными, выносили нешуточные удары о льдины, а то и о деревья. При поломке их несложно было починить. Современные американские и западноевропейские сани обычно фабричного производства и стоят дорого. Они отчасти похожи на оленьи, и их детали также крепятся по-столярному, на шипах. Но они прочнее, долговечнее, делаются из твердых пород деревьев — ясеня, дуба — и потому гораздо тяжелее, чем, скажем, западносибирские. Другая их особенность заключается в том, что задки их полозьев удлиненны и на них стоя может ехать каюр. Имеют они и опору для рук стоящего каюра.

Главную часть сбруи ездовой собаки при любом типе упряжки составляет шлейка, на севере Сибири ее называют алык. Делают ее из кожаного ремня или прочной тесьмы шириной 4—5 см. С внутренней, прилегающей к телу собаки стороны шлейка иногда подшивается сукном или другой мягкой тканью. Шлейка изготавливается для каждой собаки индивидуально, с учетом ее роста и строения. Состоит шлейка из грудного ремня, наглухо под углом пришитого к шейному ремню, лежащему у основания шеи собаки, на ее холке.

В снаряжение собачьей упряжки помимо саней и упряжки входит также остол — прочный деревянный шест длиной около метра, диаметром в верхней части 6—7 см и в нижней части 10—12 см. Сверху в нем сверлят отверстие, сквозь которое продевают петлю для руки. Заканчивается остол обычно металлическим штырем. При помощи остола каюр тормозит, поворачивает или переворачивает нарту. При езде по колючему, шершавому льду или фирну заботливый каюр «обувает» собак в специальные шитые для того из кожи или брезента «сапоги». Такие «сапоги» надевают собакам также на раненые, кровоточащие лапы.

Формы цуговой упряжки: (А — парами, Б — елочкой, В — гусем)

Упряжь собаки

Кроме полной упряжки из 10—12 собак пользуются также «сокращенной» упряжкой из 2 собак, а то и запрягают в легкие сани всего лишь одну собаку, конечно, достигая при этом и соответствующего тяглового усилия. 1—2 сильные собаки в состоя-

нии буксировать взрослого лыжника. Используют собак не только зимой, но и летом, их запрягают в различной конструкции колесные тележки (в Западной Европе гонки упряжек в летние месяцы приобретают все большую популярность), используют

для буксировки лодок, для переноски грузов вьюком.

Несомненно мода на использование ездовых собак в спорте, туризме, на их гонки придет и в Россию, и было бы прискорбно видеть в упряжках «иностранцев»-собак, завезенных из-за рубежа. И это не исключено, поскольку у нас уже появились и служат предметом гордости владельцев привозные комнатные хаски (сиречь «американизированные» сибиряки).

Знаменитые сибирские ездовые собаки — полноправная составная часть ценнейшего богатства России — ее генофонда аборигенных пород домашних животных. Эта сокровищница по невниманию к ней либо благодаря неразумным экспериментам селекционеров уже сильно обеднела и была бы непростительной еще и такая потеря.

Необходимы срочные меры по выявлению и спасению оставшихся представителей этой породы, и в первую очередь на севере Якутии, в низовьях рек Яны, Индигирки, Алазеи, Колымы — там, где такие собаки еще встречаются. Там же легче могут быть решены проблемы с кормами за счет малоценных пород рыбы, а следовательно, перспективно и основание питомников для ездовых собак. Конечно, не исключены и их вывоз, и разведение в центральных районах России. Рентабельность таких питомников не вызывает больших сомнений, учитывая высокую стоимость породных, а тем более «кистинных хаски» как в России, так и за рубежом.

В короткой журнальной статье невозможно рассказать о всех сторонах проблемы ездовых собак и об их использовании. Поэтому я отсылаю заинтересовавшихся этой породой собак читателей к имеющейся специальной литературе:

Васильев Ю. А. Транспортное собаководство Севера. Журн. «Советская Арктика». М., 1936, № 4. Егоров Н. Ездовые собаки. Журн. «Собаководство». М., 1930, № 8—9.

Соколов И. И. Собаководство на севере СССР. Труды Ин-та полярного земледелия, животноводства и промыслового хозяйства. Изд. Главсевморпути, Л., 1939. Шерешевский Э. И., Петряев П. А. Справочник охотника-полярника. Изд. Главсевморпути, М.-Л., 1949 (в книге приводится обширная библиография по проблеме). Шерешевский Э. И., Петряев П. А., Голубев В. А. Ездовое собаководство. Изд. Главсевморпути, М., 1946 (Книга на русском языке, наиболее полно освещающая проблему).

КИНОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

М. МУРОМЦЕВА

Взбудный след — след поднятого с лежки зверя.

Вздернутая на ногах — собака с излишне высокими, длинными ногами либо с недостаточно глубокой грудью, что создает впечатление высоконогости.

Взбreh — первый, отрывистый, самый начальный звук лая, короткий и азартный.

Взмыть (устар.) — о борзой, быстро проскочить, пронестись, пробежать мимо волка, боясь взять его.

Взреветь — сильные, громкие начальные звуки гона стаи и гончей, напавшей на след зверя.

Взять на глаз — о гончей, которая нашла зверя по следу и гонит (преследует) его в пределах прямой видимости, т. е. видя его.

Взять поле — удачная охота с борзыми на какой-либо открытой местности (в поле).

Вибриссы — жесткие толстые волоски на морде собаки, выполняющие осязательную функцию; расположены на определенных местах: на губах, а также на бородавках по сторонам морды, в надбровьях, под подбородком.

Видовая — собака разностороннего охотничьего предназначения (немецкие легавые, ягдтерьер, лайки), которая используется только в одном виде охоты.

Вилая — длинная, волнистая, слегка вьющаяся, но без завитков шерсть (псовина) борзой.

Гонец — обиходно-уважительное название гончей с хорошими рабочими качествами.

Гонный — 1) зверь, которого в данный момент гонят (гонит) собаки (собака) или когда-либо гоняли (гоняла); 2) голос, с которым собака гонит зверя, отличается от обычного голоса собаки в бытовой обстановке.

Гончак — обиходное, разговорное название собаки гончей породы.

Гончатник — человек — увлекающийся охотой с гончими; имеющий собаку (собак) гончей породы; занимающийся их разведением.

Гонба — 1) другое, менее употребительное название гона; 2) преследование дичи легавой собакой, что является пороком в ее работе.

Гонять дичь — порок в работе легавой, которая до и после выстрела бросается за птицей и гонит ее до тех пор, пока она не скроется с глаз.

Гонять умычкой — гнать зверя молча, без голоса.

Гордонист — охотник-легашатник, предпочитающий охоту с шотландским сеттером (гордоном); собаковод — владелец собаки (собак) этой породы; собаковод, занимающийся разведением этой породы.

Горка — обиходное, сокращенное название борзых южных горских пород Кавказа, бытовавшее в XIX — начале XX в.

Городище, городок — старая, разветвленная, зачастую многоярусная, со множеством отнорков барсучья нора, занимающая, как правило, обширную территорию.

Городские собаки — охотничьи собаки, живущие у городских охотников; обычно так называют их охотники-промысловики, полагающие, что в городе собаки утрачивают свои охотничьи качества, так как с ними негде охотиться, отсутствуют истинные уголья, где только и возможно использовать настоящую охотничью собаку.

Горячая — азартная, очень энергичная, подвижная собака с легко-возбудимой нервной системой, что зачастую делает ее чересчур темпераментной, суетливой, бездумно азартной и в силу этого совершающей много ошибок в работе.

Горячий след — неостывший, сильно пахнущий для собаки след только что прошедшего зверя.

Гребень — сильно выраженный затылочный бугор на черепе собаки.

Греметь — сразу и громко подать голос.

Гречишник — заяц, родившийся в текущем году во время сева гречи, то есть летом.

Грива — удлиненная шерсть на шее длинношерстных собак некоторых пород.

Грубость, грубый — дефект в сложении охотничьей собаки, выражающийся в излишней массивности, крупной, тяжелой голове, общей простоте внешнего вида.

Грызня — 1) схватка собаки со зверем; 2) схватка собак между собой.

ЛИСИЦА

И. АЛЕХИН

Нужна была лисица. Авершин пообещал ее одной своей знакомой за давнюю какую-то услугу, о которой оба почти забыли, а вот, встретившись на городском рынке в ноябрьский серый денек и разговорившись, вспомнили. И не то, чтобы всерьез он пообещал Галине лисью шкурку на шапку, а так вышло — она и не намекала, он прихвастнул сам, мол, для нас это как раку ногу оторвать, мало ли их стреляно! После разговора еще подумалось: черт за язык дернул, теперь вот хоть небольшая, а забота будет. Потом отмахнулся — действительно, мало ли шуб поснимал с рыжих, добуду за сезон-то.

Вообще-то, специально на лисицу Авершин как-то и не охотился, гончих не держал, с гончатниками не знался, хотя несколько раз наблюдал со стороны эти камышовые охоты, а норные собаки в то время распространения в их районе еще не получили. На засидках в редкие для Кубани светлые снежные ночи попадались большие зайцы, а пластмассовый манок, имитирующий крик раненого зайца, после нескольких неудачных попыток подманить лисицу лежал среди прочих ненужных вещей.

Авершин был охотником-одиночкой, бродягой осенних полей, и лисица для него была все же случайной добычей, хотя, конечно, весьма желанной, и в среднем за сезон выпадало такое счастье три-четыре раза. Лесов поблизости не было, а поля, раскатившиеся от предгорий Кавказа до плавней Азова, разграфленные лесополосами-посадками и пересекаемые кое-где камышовыми балками, для охотника без собаки встречу с лисицей могли предоставить только случайную.

Тихи охоты в осенних полях! Целый день бродит охотник по мягким черным пашням, с трудом отпускаящим ногу в сырую погоду, когда увеличивающийся с каждым шагом пласт чернозема начинает заворачиваться на верх ступни, обутой в резиновый сапог, и скоро становится он неподъемным и тогда, с силой тряхнув ногой, стряхивает бродяга липкий ком и поражается легкости освободившейся от тяжести ноги. Ходит по ровной зеленой шерстке озимых, нежно и сыро шуршащих по сапожной резине. Хрустит сухими стебельками бурых многолетних люцерновых полей с мышинными вытоптанymi дорожками и чернеющими норками, над

которыми, трепеща, висят крестики пустележек и, переваливаясь с крыла на крыло, низко летают серебряные луны, взмахивая широкими крыльями. Бродит охотник — весь день ждет подъема зайца. Как это произойдет на этот раз? С неожиданным, жутким для заждавшегося настороженного сердца легким треском вымахнет рыже-серый русачина из лесополосы совсем рядом, так что кажется будто не останется сил удержаться

и не выпалить оба заряда, не глядя на мушку, туда, куда-то в сторону, где пульсирующее серое живое пламя убегающего зверя заслонило остальной мир. Поднимется ли русак прямо впереди, вымахнув из борозды и растянувшись в прыжке, живой, теплый и сухой, — дикий контраст мокрому пустому полю, где еще секунду назад ничего не было — только серо-черная даль. Или встанет далеко так, что лишь дернется ружье в руках да сердце в груди и вырвется сдавленное «э-эх» у охотника, и пойдет по ровному как стол полю зеленой стремительная серая точка, прочеркнет изумрудный квадрат, взлетит по склону балочки, и скоро слезающиеся от степного ветерка глаза перестанут различать ее, сливающуюся с бурьяном дальней посадки.

Авершин мог припомнить множество самых разных моментов подъема зайца за много лет скитаний по этим полям. Со временем он стал чувствовать, что миг появления зверя становится для него самым важным моментом охоты, важнее, чем выстрел. Стрелял он неплохо, и на нормальной дистанции заяц уходил от него все-таки редко. Лисица вообще еще после выстрела днем не ушла ни одна. Пусть и было их не столько много, но все, с которыми довелось встретиться, были взяты и Авершин даже как-то свылся с мыслью, что, если лисица попадает в пятидесятиметровую зону от его ружья, она как-то автоматически превращается в приятную пушистую тяжесть, мотающую головой на плечевом ремне. Он, добыв при случае лисицу, никогда не снимал шкурку на охоте, а таскал зверя на ремне весь день, не замечая усталости. Авершин так мобилизовался при встрече с лисой и так был уверен в себе и своем ружье, что как-то ночью, на засидках, промазав с тридцати метров в стоящую лисицу, так удивился, когда зверь после выстрела побежал, что даже не выстрелил вторично... всю обратную дорогу, шагая по шпалам железной дороги под звездным небом, Авершин анализировал свой промах и пришел к выводу, что это случайность, которая должна же была когда-то произойти.

На следующих засидках он мастерски взял на бегу лисицу и зайца, и ночь была темной, безлунной — и успокоился. Потом убил не крупного лисовина, выскочившего поздним вече-

ром из камышей Глубокой балки и направившегося прямо к телеграфному столбу, спиной к которому на перевернутом ведре устроился Авершин. После этого он зачислил ночную стрельбу в усвоенные упражнения. Однако на очередной ночной охоте стреляя, как оказалось после разборки следов, в стоящую в двадцати семи шагах лису, положил первый заряд в сорока, а борозды от «двух нулей» второго начинались на опушке посадки еще дальше...

И все-таки больше всего лис было взято днем на заячьих охотах. Было по-разному. Простой выстрел, когда молодая светлая лисичка, выпугнутая из посадки охотниками, бежала через огромное боронованное поле по диагонали и Авершин заметил ее издали и как-то сразу понял, что она непременно набегит на него, стоящего на противоположном краю поля, не торопясь прилег на сухую теплую землю, потом, перевернувшись на бок, заменил «единицу» в стволах на «два нуля» и все поглядывал на бегущую к нему лисицу, слегка вжавшись в нагретую ноябрьским солнцем дробленку чернозема.

В другой раз очень большой и яркий лисовин наскочил на Авершина в посадке и он первым выстрелом в упор промахнулся, зачерпанный горящим на осеннем солнце мехом зверя. От второго выстрела лисовин вздрогнул, но выскочил из посадки на поле озимых, и, когда Авершин, обдирая одежду о железные колючки желтой акации и прикрыв от них ладонью глаза, вывалился следом, на ходу перезарядив один ствол, он увидел небыстро уходящего зверя метрах в шестидесяти. Стрелял он пять раз, каждый раз заряжая один ствол; дробь выбивала фонтанчики вокруг лисовина, он оборачивался и кусал себя, но все же уходил через поле, пока Авершин, шаря по пустующему шестнадцатигнездному патронташу, не догадался вытащить крайний картечный патрон... Ах, какой был зверь! Для кубанской степной лисы очень темный, пушистый, с толстой шеей и роскошным хвостом. Такой тяжелый, что Авершин скоро повернул к дому, потом вышел на шоссе и так шел, положив левую руку на пушистую шею зверя, далеко откинувшего толстый оранжево-черный с белым кончиком хвост. Приятно было видеть, как из проносившихся мимо машин с любопытством и восторгом выглядывают люди и кто-то притормозил — подвезти, но он отказался, сурово, но неопределенно махнув рукой в сторону.

Были и другие случаи. Авершин, бродя по любимым своим полям и посадкам, перебирал их в памяти и всегда с удовлетворением отмечал, что при встречах с лисами он ни разу не оплошал. С зайцами, бывало, нечасто, но случались промахи — обычно в ситуации, когда заяц был, считай, на ремешке. Однажды Авер-

шин, увидев лежащего в пятнадцати метрах в пашне русака, даже дотронулся рукой до кармана своей куртки, проверяя, взял ли ремешок подвязать. Ремешок был на месте, оставалось убить зайца. Русак прыгнул и пружиристо пошел по чистому полю, и Авершин чисто промазал два раза и долго смотрел вслед, повторяя: «Идио-от, ах идио-от...»

Бывало такое, что там! Но — с зайцами. С лисой же такого не случалось пока — ночные промахи не в счет, ночь есть ночь. Зато какую лисицу Авершин взял в Глубокой балке, вернее — как взял! Ослепительный, снежный простор, легкое какое-то солнце, ветер шуршит перебежками поземки, пушистым никелем тростниковых метелок и пропадает в просторе полей. Целый день бесплодной ходьбы по острой окаменевшей от мороза пашне, глухо стучащей под подошвами и выворачивающей ноги скрытыми снегом ямами, по хрустящим под белой шубой зеленам, по засыпанному снегом посадкам, грохочущим замерзшей до жестяной жесткости старой листвой... Под вечер Авершин, направляясь уже к дому, пошел вдоль тростников Глубокой балки, желтой дугой пересекающей белизну поля, но снега возле зарослей было по колено, идти по пустынному полю не хотелось и Авершин, проломившись через тростник, выбрался на заснеженный вал мелиоративной канавы, тянувшийся посреди кивающих под ветром тростников. Прыгая по буграм, он имел хороший обзор во все стороны. Подбирая отламывающиеся под ногами комья земли, он швырял их в тростник, хотя шорох от ветра гасил производимый ими шум. Все равно Авершин был наготове, а ружье зарядил картечью, предчувствуя, что если и придется стрелять, то не близко и, возможно, еще через тростник.

Лисица возникла внезапно, как молния, взлетев впереди шагов в семидесяти на вал огладеться. После мгновенного дуплета мелькнула мышью обратно в камыш, будто и не было ее. Авершин побежал смотреть следы и не удивился бы, не найдя их, — настолько нереальным было это секундное появление зверя в беложелтом свистающем ветром пространстве. Но следы были — лисьи, борозды от картечи, выбитая свинцом из-под снега черная земля и одна-единственная капелка звериной крови на снегу.

Оглянувшись на клонящееся к дальней лесополосе солнце, Авершин вломился в заросли и через полчаса, наполненные треском ломающихся стеблей, красными пятнами на снегу, забитыми снегом сапогами, продавливанием стволов и замираниями-выслушиваниями, добыл эту лисицу из-под тростникового настила.

Короче — с лисами он был на «ты». Но в нынешнем сезоне не везло. До Нового года Авершин ходил на охоту немало, но пропустил ни одного

выходного, прихватывая иногда и понеделник, но кроме зайцев его добычей стал только одинокий гуменик, кормившийся на лужах залитых дождем озимых. Пару раз он видел лисид, удиравших полем из камышей, где бухали гулками голосами гончие, а по краям виднелись редкие фигуры охотников, но ни одна из них даже на дальний выстрел не вышла.

Зима выдалась бесснежная и теплая, к концу января дожди прекратились, и скоро запылила пашня под сапогами, высушенная степным ветерком и ярким солнышком. В посадках густо зеленела трава под деревьями. На засидки сходить не удалось ни разу, а на эту охоту Авершин надеялся особо. В гараже у него, под потолком, висели десятка два распятых заячьих шкурок, но заветная — лисья правилка так и стояла в углу длинной оструганной досточкой.

Слухи, что кто-то из знакомых опять «взял лисичку», Авершин воспринимал теперь болезненно и подумывал уже, где бы ему недорого раздобыть шкурку. Самолюбие заставляло на охоте чуть свет быть уже в полях, у заветных глухих балочек, в надежде встретить возвращающегося с ночной охоты зверя; агитировать встреченных охотников «прочесать посадочку», а самому бежать в «застрел» в надежде на удачу... Но не давалась лисица! Никак не попадала в пятидесяти-метровую зону от его ружья, где он бы уж постарался...

И вот пришло закрытие охоты — воскресенье, последний выходной. Собственно, по числам можно было еще идти в понедельник — разрешенный для охоты день, но закрытием неофициально считался последний выходной и в этот день в поля, как и на открыти, старались выйти «все, кто способен носить оружие». Пошел и Авершин, и снова проходил, не увидев лисицу, весь день. Поднял пару зайцев метров за двести, гонных, вышел к вечеру к железной дороге, где в густых широких посадках были старинные лисьи норы, продел неподалеку на опушке, на теплом ковре мелких серо-коричневых монеток акациевых листьев, в надежде повстречать лисицу, но все впустую. К ночи на деревья опустилась большая стая выхирей, и он, махнув рукой на лисицу, на свою удачу, расстрелял все патроны, высматривая в темнеющих кронах высоких акаций настороженные силуэты птиц, и взял четырех. Оставил на дорогу два патрона «нолевки» в стволах. С ними и пришел домой уже при полных звездах. Почистил ружье и вышел во двор — покурить. Идти завтра хотелось и не хотелось. Гудевшие ноги и преследовавшая весь сезон лисья немилость говорили: «Хватит, все. Сезон закончен, все сходили на закрытие, выпили, вспомнили, стреляли бутылки напоследок и спрятали ружья до августа. Сделай и ты по-людски».

Но минуты текли, скинувшие сапоги и одевшие домашние тапочки ноги «отходили», тяжелая «ижевка» уже не тянула руки, звезды вверх обещали хороший день и Авершин, отбросив окурков, сказал вслух: «Нет, был бы дождь — ей богу, не пошел бы. А так...» Он усмехнулся. Эта ходьба в полях уже не казалась такой бессмысленной, как час назад. Отходчива охотничья душа, живуча охотничья страсть! Авершин вообще был из числа тех, кто говорил: «Если охота мешает работе, надо бросать работу». Он понимал, что это неумно, что бравада это, но твердо знал, что лучше охоты у него ничего нет и относился к ней по-своему, сочетая восторг ребенка и обреченность взрослого человека.

Итак, он решил идти. Но патронов осталось два, а заряжаться напоследок не хотелось. И он сделал то, что никогда себе не позволял, — пошел к соседу попросить патронов. Тот был не охотником даже, а так, «сочувствующим», но имел двустволку двенадцатого калибра, ну и патроны тоже должны ж были у него быть. «Мне бы парочку — для подстраховки, а то с двумя идти — явное пижонство, я же не Джим Корбетт...» — думал Авершин. Но сосед вынес ему единственный патрон в старой латунной гильзе с залитым толстым слоем парафина пыжом. На звук дробь тархтела как не менее «трех нолей». «Пойдет, — решил Авершин, наверняка зная, что этим патроном ему стрелять

не придется. — Убью с двух — было бы что...».

Еще было темно, а он уже курил первую сигарету посреди поля, намечая последний в сезоне охотничий маршрут. Впервые в жизни Авершин шел на охоту без патронташа, который набитый разноцветными стреляными пластмассовыми гильзами остался дома.

Послушав тишину, Авершин вытащил из кармана два своих патрона черной пластмассы с аккуратно завальцованными краями, с четкими надписями на дробовых пыжах, со слегка утопленными в донышках гильз «жевелом», на которых отчеканена крохотная буква «и». Заряжая ружье, он мягко отодвинул ключ затвора, переломил вертикалку, и в полумраке уходящей ночи хищно блеснула боковая плоскость ствольной муфты, а взводящиеся в глубине коробки курки резко и настороженно треснули в тишине. Патроны упали в черноту патронников, и закраины гильз звонко цокнули о металл стволов. Ружье проглотило их и тихо закрылось, и ключ затвора стал чуть левее оси симметрии, а в самом низу ствольной коробки широкая запорная планка зашла в вырез муфты, соединив металл, дерево и пластмассу оружия в одну систему, направленную внимательными глазами дульных срезов в наступающее на краю земли последнее охотничье утро.

Патрон в старой латунной гильзе Авершин засунул в гнездо газыря на левой стороне куртки. Он еще раз прикинул сегодняшний маршрут. Зайцы в связи с таким безопасом отпадали — и это к лучшему. Авершин всегда со смутной жалостью относился к дичи, убитой в последний день сезона. Казалось, вот ведь один день не дожид зайчина — весь сезон счастливо избегал дробы, а в последний день оплошал... Зайцы сегодня не в счет, поэтому в чистом поле делать ему нечего, для него сегодня балочки, посадки, камыши... Да, еще обязательно «протянуть» ту глыбистую пашню, спускающуюся к балке, — в камышах вчера гоняли с собаками, может лисичка от беспокойства подальше и ляжет в борозду...

Было очень сухо и тепло для зимы. Звезды с половины неба исчезли, их вытеснял разливающийся с востока свет, и в вышине Авершин увидел тройку уток — они красиво и строго шли маленьким треугольником мимо гаснущих звезд, отрешенно посвистывая крыльями. Ниже них пролетела помятая ворона, хрипло каркая. Поле кончилось, надвинулась посадка с огромными акациями, причудливо изогнутыми железными свои ветви с висющими пучками коричневых глянцевого стручков. Они чуть погромыхивали от слабого ветерка. Толстые зеленовато-черные стволы деревьев щетинились двадцатисантиметровыми колючками, с треском и визгом царапавшими одежду. Хрустнули под ногами мертвые ветки, утонув в сером ковре сухих листьев. За посадкой распахнулось поле озимых.

Оглядев его светлеющую даль, Авершин пошел вправо вдоль лесополосы по малоезженной грунтовой дороге, усыпанной старыми блеклыми листьями. Под деревьями кустилась рыжая трава, столько раз дарившая быстрый шорох русачьего прыжка... Сорока бело-черным крестиком мелькнула в ветвях и застыла на большом клене, но тут же, застрекотав, упала «гвоздиком» вниз и пропала. Стайка клинтухов целеустремленно летела над зелеными, отталкиваясь от утреннего воздуха сильными крыльями.

На перекрестке посадок Авершин постоял, покурив. Перекресток есть перекресток, мало ли кто после ночных прогулок покажет здесь свой хвост. Но было тихо и пустынно, только ласка вдруг высунула удивленную мордочку из желтого своего травяного леса и тут же озабоченно мелькнула дальше.

Никто не стрелял в полях, было до того тихо — слышно, как лают собаки на Казачьем, что Авершин подумал, не напутал ли он с числами, может уже и закрыта охота? Но нет, нет, сегодня первое февраля, последний день сезона и мало кто пойдет в понедельник бродить с ружьем. Но тут, ставя все на свои места, вдали четко тукнул выстрел. Одиночный. И как раз в стороне той глубокой пашни, которую он хотел пройти. Авершин плюнул.

Одиночный выстрел утром — это почти наверняка чья-то удача.

Поля вокруг уже не казались пустынными, принадлежащими в этот день ему одному. Стало грустно. Ничего, конечно, не произойдет сегодня, в последний день не наверстаешь того, чего не сумел сделать за весь сезон. И плохо, что сегодня сухо, так можно весь день проходить по чьим-то следам, не догадываясь об этом.

Вдруг Авершин увидел впереди, метрах в четырехстах, возле посадки, двигающуюся точку. Сердце сразу заколотило в горло. Он всмотрелся. Вдоль посадки какой-то зверь двигался к нему. Как хотелось, чтобы пятно оказалось рыжим и длинным! Но нет, оно, приближаясь, оставалось серым и коротким. Заяц, конечно, и идет как раз на него. Авершин зашел в посадку и спокойно стал ждать. Но скоро, не утерпев, выглянул. Небольшой русачок ковылял уже метрах в семидесяти, сидел столбиком, оглядывался. Когда он был в двадцати шагах, Авершин вышел из посадки. Заяц присел — и метнулся, глупый, в поле, подставив бок. Крикнув «У-ух!», Авершин проводил его стволами и стоял, улыбаясь. Живи, косой, сегодня, видно, твой день.

Дальше он вышел на огромное поле люцерны с геодезической вышкой на кургане, сбоку которого, словно казачий чуб, прилепился густой терновник. Солнце поднялось, стало тепло и обыденно в полях. Исчезла утренняя таинственность мира, стало слышно, как кричат гуси на хуторе Верхнем. К обеду Авершин прошел две заросшие камышом саги, нацепляя на одежду плоских маленьких семечек череды и светло-желтого пуха, шелковистой пеной стекавшего с камышовых стеблей. Вышел к старой раскорчеванной посадке, где под большим вывертом корней акации темнела сумрачным входом лисья нора. Здесь сильно пахло лисицей, казалось, сейчас появится долгожданный зверь, пружинисто неся длинный пушистый хвост, невесомо взлетит ружье, золотой шарик мушкетнется в лисий бок и... Авершин зашагал дальше.

За очередной посадкой раскинулось большое голое поле боронованной пашни. Ровная поверхность без единой более или менее крупной кочки, залитая солнечным светом, убегала вдаль, и там, в этой солнечной пыльной дали, у самого горизонта, где начинали плаваться призрачные струи, странные в этот зимний день, Авершин увидел три человеческие фигуры, цепочкой растянувшиеся по плавающей гребню земли. Гай шел, кажется, к нему, и он, выбрав на краю посадки наклоненный ствол клена, прислонился полусидя к нему. Если что поднимут, может набежать на него. «Заяц будет — убью», — с усталой злостью подумал Авершин.

Но охотники приблизились, ничего не подяв. В одном из них Авершин узнал своего соседа, Романова Серегу, по

прозвищу Худой. Другой был тоже знакомым, тоже Сергеем из поселка молочноконсервного завода. Оба пустые, но выглядели неуставшими. Третьим шел без ружья веселый полный парень, которого Худой называл Тятей, всячески над ним подшучивал и просил подбросить шапку — попаду навскидку или нет. Покурили минут пять.

— А я стрелял зайца! — сообщил Худой. — Утром еще, близко... Первым, видно, мало вынес. Или много. А второй — осечка, зараза. Вот — гля, у патрона капсюль нормально разбит, а — ни хрена! А говорят — «жевел», «жевел»... Щас еще спробую. Тятя, брось шапку!

— Видел я твоего зайца, — сказал Авершин. — На меня в упор наскочил. То поле, где поливные, к балке, да?

— Точно! А выстрела вроде не слышно было, а, Серега?

— Та я и не стрелял. Патронов вот — два в стволах, и все... Лису жду.

— Ты... — изумился Худой. — Да я тебе дал бы!

— Ну теперь конечно! А вообще... пусть живет.

— Тыфу... — плюнул Худой. — Я б ему пожил...

— Ну ладно! — Авершин, прищурившись, смотрел в сторону. — Дальше что?

— Давай затанем ту пахоть — возле птичника, знаешь? — Сергей переброе ружье с руки на руку. — До самой «железки».

— Можно, — отозвался Авершин. — А потом потянем железнодорожную посадку назад, к дому уже. Может, лисичка — мне надо бы...

— Пошли! — Худой смерил Тятю взглядом. — Загонщик у нас е — по посадке прет как лошадь...

Пашня была большой — километра полтора длиной. Примерно посредине ее, сбоку — заросшие бурьяном домики колхозного птичника. «Где куры, там лисы», — подумал Авершин и, проверив предохранитель, запрыгал по глыбам сухого чернозема. Когда расходились в полукруг, Худой крикнул:

— Че, серьезно, у тебя два патрона?

— Да, тихо ты! — сдавленно крикнул он в ответ.

— Так на! — Худой перебирал патроны на поясе.

— Да, иди ты ради бога, — раздраженно махнул рукой Авершин. — Хватит мне двух — было бы что...

Опускавшееся солнце уже слепило глаза, и он, оказавшись в правом «крыле» гая, хотел поскорее дойти до посадки, которая — далеко видно с бугра — отбрасывала полосу тени. Как поднялся заяц, он не видел. Услышал охотничье «гоп-гоп» и, скосив глаза — только скосив, но не переставая следить за полем перед собой, Авершин заметил, что Сергей на противоположном «крыле» присел и показывает рукой вперед. Хромированная колodka его ТОЗ-34 ослепительно

вспыхнула на миг солнечным зайчиком.

Здоровенный русак, поднявшись вне выстрела, понесся к посадке, но вдруг сел столбиком, покрутил ушами и рванул назад, прямо на залегшего в «куле» гая Худого.

Авершин видел, как тот сдернул рукой свой танковый шлем и выстрелил, не вставая, из положения «лежа, с упора». Заяц кувыркнулся и исчез, но тут же вывернулся из борозды и заматался на месте, будто задние ноги его привязали к колышку. Худой и Тятя оказались возле зайца одновременно. Тятя наклонился к зайцу, но вдруг отпрянул в сторону, и тут же ударил второй выстрел. «Придурок», — подумал Авершин. Худого он знал. Сошлись у посадки. Заяц был действительно очень большой, с широкой серебряной курчавой спиной, в которой кровяная дыра от заряда дробы с трех метров.

— На хрен было стрелять, Худой? — равнодушно сказал Серега, — добил бы рукой. Со шкурой теперь что?

— А хай не дрыгается, зараза... Я ему еще стволами добавил, чуть не погнул. — Худой пнул лежавшего зайца ногой.

— Еще прикладом надо было, че ж ты... — Авершин отвернулся.

Солнце садилось. Последний день кончался. Лисица так и не попалась ему в этом сезоне.

— Ну что, затанем посадку эту? — обратился он к компании. — Ты как, Тятя, ползешь? Там не дай бог... Заросшая, ужас.

— Та я че — давайте... — безмятежно улыбнулся тот.

— Да нет там ни черта! — зло бросил Худой. — Вчера тягали — пусто, ни одного не подняли.

— Да, я думал — может, лиса... — Авершин сам уже почти сдался. И устал.

— Ну, как хотите, — Худой подзывал зайца. — Я по шпалам пойду.

— Тогда пошли вместе, все. Все, хватит, конец — так конец охоте! — Авершин вздохнул, повесил ружье на плечо — впервые за день — и первым зашагал к железнодорожной насыпи, просвечивающей белым ракушечником сквозь ветви посадки.

Они шли вдоль полотна железной дороги домой, вспоминали счастливые свои охоты и говорили — все про охоту, и ракушечник прощально скрипел под сапогами, и крупный отсыпной гравий погромыхивал, а солнце клонилось и клонилось к своему краю.

— Заяц мало стало, — говорил Худой, — все травят и еще жгут стерню зачем-то. Вот если будет частная собственность, тогда может дело улучшится...

— Черта улучшится! — зло бросил Авершин, не оборачиваясь. — С нашей частной собственностью не улучшится! Купи машинку закаточную — губы закатывать!

— Че? — вскинулся Худой.

— А то! Если социализм, говорят, у нас был с нечеловеческим лицом,

то ты думаешь капитализм будет с человеческим? Кто сказал? Не-ет, дружок! Наш капитализм будет с таким лицом, что... Да ты из хаты не выйдешь, если кругом «будэ» частна собственность. Худой! Чи ты не знаешь наших? И рыбу воровать тебе никто не даст.— Авершин на ходу закурил. И уже равнодушно, с усмешкой, добавил: «А стерню жечь — я узнавал — ты думаешь им в колхозе это прям так хочется? Плуг забивается, пахать трудно! Ты возьми и поговори с бригадиром каким-нибудь, у которого руки в земле и который жизнь прожил на этой самой земле,— он тебе по-простому все объяснит, по-крестьянски, крыть будет нечем! Тебе — не пахавшему никогда. И мне».

— Да я че — понятно... — зевнул Худой.— Тятя, ну, давай, кинь шапку! Так и прошли они большую часть пути. Когда до моста через «железку», возле которого обычно разряжали ружья, оставалось метров шестьсот, их нагнал состав. С гулом и ветром пронесся локомотив, и машинист с высоты своего окна, высунувшись и скаля зубы, проорал им что-то насмешливое, из которого были понятны только слова «лиса» и «мать», и показал рукой куда-то вперед. Авершин погрозил ему кулаком.

Поезд пролетел, остался стихающий гул рельсов, и в наступившей тишине стало слышно, как рядом в посадке стрекочут слетевшиеся на ночлег сороки.

— А ну, хлопцы, покурите минут пять! — неожиданно для самого себя сказал Авершин.— Я забегу по «железке» вперед метров триста и стану в посадке — там, помнишь, просека есть... Недалеко от моста.

— Зачем? — удивился Худой, но потом махнул рукой.— Давай. Последний шанс, да?

И Авершин побежал, стараясь громко не топтать сапогами по мазутным бетонным шпалам. Когда тянувшиеся по опушке посадки, пушистые деревья серебристого лоха кончились и открылась просека, он, оглянувшись назад, чтобы прикинуть, насколько коротким получился загон, увидел, что две фигуры уже спускаются с насыпи, а одна застыла на полотне дороги.

Когда Авершин вбежал на просеку,

он сразу нашел место, где встать: с края поля на просеку выдавался мысок, образованный небольшой акацией и кустом волчьей ягоды. В этот мысок он и встал, слившись с ним вытертой своей курткой, местами в темных пятнах запекшейся звериной крови. Встал в тот момент, когда верхний край оранжевого солнца, на прощанье вроде подмигнув прошедшему дню, исчез за краем поля. В посадке сразу стало сумрачно и неуютно. Темнели аллеи деревьев, выступавших серыми стволами. Под ними шатры спутанной желтоватой травы. На ковче павшей листвы известка птичьего помета. Низко по-над кустами мелькнул тенью последнего полета перепелятник — порхнули приглушенно какие-то птахи. Начали налетать сороки, планируя и коротко стрекоча — значит, хлопцы уже близко. Да и пора.

Авершин услышал далеко-далеко гул поезда, его заглушали тревожные очереди сорочьего разговора, увидел сквозь ветви справа идущего вдоль посадки по озики Худого, машинально в последний раз оглядел сумрачную просеку, и в этот миг времени почему-то остановило свой бег.

Из темной аллеики на просеку мягким, кошачьим движением вышла лисица. Она не летела сломя голову, напуганная преследующими ее людьми, она даже не бежала — достаточно быстро шла в этой своей, уходящей в ночь, посадке, где через полчаса она будет хозяйкой, шла, контролируя

ситуацию, прекрасно слыша трех охотников. Один, не таясь, трещал ветками следом за ней, не подозревая, конечно, об идущем впереди, в двадцати шагах, рыжем звере, и был он самым неопасным — лисица это знала. Второй постукивал сапогами по граненому гравию железнодорожной насыпи. Третьего слышно было плохо, потому что шел он по мягкому озимому полю с другой стороны посадки, слева, но зато его фигура четко рисовалась на фоне закатного неба. И лисица легко, бесшумно шла немного впереди них, оглядываясь, на миг замирая, и выбирала момент, когда можно будет избавиться от этой не очень серьезной опеки. Наступающая ночь была ее союзницей. Не знала лисица одного — что впереди на красивой, изогнутой темной бровью просеке, у куста волчьей ягоды, стоит ее смерть в серой потертой куртке.

Авершин увидел лисицу как раз там, где и хотел ее увидеть, откуда ждал — левее себя, куда смотрели стволы его ружья. Он не верил в стрельбу навскидку в чистом виде, сколько бы ни описывали ее классики от охоты. Верил он в быструю, но все-таки при видимой мушке, стрельбу, когда во время подъема ружья натренированный палец выбирает холостой ход спускового крючка, глаз отмечает точку, куда нужно полететь снаряд дробин, и в момент прочеркивания мушкой этой единственно верной точки гремит выстрел. И, еще пока дробь не долетела до цели, ты уже знаешь, что попал.

Так было и на этот раз. Когда ружье начало подниматься, лисица — она смотрела вперед и не видела охотника — мгновенно замерла и повернула голову влево. Тут же она, матово полыхнув мягкой желтизной меха среди вечерних кустов, кинулась назад, в спасительную темноту посадки, но успела сделать только пол-оборота — и ударил выстрел.

На прицеливание времени было — секунда. И Авершин так дернул ружье, что палец едва успел нажать спуск, а мушка, все-таки различимая в свете угасающей зари, затаевающим в просеку, успела немного перескочить через зверя, и Авершин подсознательно отметил, что взял выше. Но выше — не ниже! Задние дробины должны накрыть!

Неожиданно и громко ахнул выстрел в тишине вечера. Лисица сразу свернулась безвольным пятном, и Авершин, ничего не видя, кроме этой своей долгожданной добычи, желтеющей в сумраке крадущейся ночи, что-то радостно крича, побежал к ней, потрясая зажатым в руках ружьем. «Вот это да, вот как надо!» — счастливо, идиотски улыбаясь, повторял он, еще не полностью осознав случившееся. Этот несчастливый сезон, этот последний день, последний загон, последние патроны, господа, ну бывает же такое, уже скоро ночь и он убил все-таки свою лисицу, вот она... Мысли

смешались в голове словно искры победного салюта, и Авершин с трудом заставил себя пойти шагом, вздохнув глубоко и облегченно.

Ему оставалось пройти пять шагов из тех, что отделяли его от лисицы, когда она, вдруг распрямившись, метнулась назад в посадку. Авершин ничего не успел подумать и кинулся вслед. Он знал, что убьет эту лисицу, потому что видел, как небыстро бежит зверь, приволакивая задние ноги, и помнил про оставшийся патрон. Надо только убить ее сразу, с одного раза, и потому не спешить. Он много раз слышал и видел, как «мажут» в таких ситуациях потерявшие голову охотники, стреляя в упор, не глядя на мушку! И самому приходилось! Но сейчас такую роскошь он себе позволить не мог...

Он бежал за лисицей, перебегая через трещающие кустами аллейки, боясь потерять из виду зверя и боясь понапрасну истратить последний патрон, бахнув по мелькающей перед глазами лисице. И вдруг она пропала. Авершин не успел испугаться, как зверь вымахнул из-за дерева, перепрыгивая аллею, на которой он остановился, ошалело поводя ружьем, и Авершин, не удержавшись, выстрелил — настолько близко и открыто показался зверь, желтой птицей мелькнувший во всю длину. Авершин увидел, как рядом с лисицей подпрыгнули серые сухие листья, и сноп дробин выбил черную проплешину на тропинке. «Промах!» — вскрикнул он дико и отчаянно. — Елки...»

Он гнался за лисицей и видел, что зверь бежит почти нормально, опираясь на все четыре ноги, и направляется к опушке. Рядом мелькнула чья-то фигура: наверное, Тятя. «Лиса!» — заорал тот веселым голосом. Слева на железной дороге грохнуло, и жутко, и коротко взвизгнула дробь впереди в кустах, там, где Авершин видел — лисица готовилась выйти из посадки, выбирая словно прогал поудобнее. Какой-то шум надвигался спереди — поезд!.. Он вспомнил про третий патрон, вырвал его из газыря, начал открывать ружье, сделал наоборот — сначала нужно было открыть ружье и выкинуть гильзу! Выронил патрон, нагнулся за ним и понял, что уже не видит под ногами и за лисой надо было смотреть! Она стояла на опушке так близко, прикидывая, видно, сумеет ли проскочить открытое место до железной дороги. Нет, она не успела!

Авершин нашарил лихорадочной рукой больно стукнувший по костяшке пальца патрон, сунул его в верхний патронник и выбежал на опушку. На бегу он почувствовал, что ружье не закрывается — проклятый патрон туго шел в ствол. «Не прокалибровал дома, скотина...» — проскрипел зубами Авершин. Он резко с силой открыл ружье. Если бы в это время экстрактор проскочил под тонкой краиной гильзы (например, из-за люфта своей оси), Авершин остался бы безоружным. Но у

него было надежное ружье, которое ни разу еще не подводило. В этих грубоватых на вид, угловатых ижевских бокфлинтах было одно очень важное качество — в них ну просто нечему было ломаться! Он так же резко закрыл ружье, загнав щитком колодки упрямый патрон, зная, что это сильно изнашивает машину, но до этого ли было! Авершин понял, что сейчас убьет эту лисицу — ведь для этого он и встретил ее сегодня. Она как раз подлетела к насыпи, живая и невредимая, как и до выстрелов, и, наверное, уже видела себя в спасительной посадке по ту сторону. Метров в тридцать, от силы, в полуугол, как угонная тарелочка с шестого места на ските. Авершин, слившись с ружьем, коротко повел стволами. Время опять как-то странно замедлилось, так что он удивительным образом увидел и бегущую лисицу, и замерзшего у рельсов слева с поднятым ружьем Серегу, и высокожившего из посадки Худого, и темную машину недалекого уже поезда. Мушка уверенно прочеркнула лисий силуэт, и в этот момент, когда она оказалась перед мордой зверя, палец нажал на гладкую твердую дугу спускового крючка.

«Пц-т-па-ах!» — громко и нелепо прозвучал какой-то хлопок.

Авершин увидел в вечернем свете вспышку розового дульного пламени, сизый дым неполноценного выстрела и всем оборвавшимся, вмиг опустошенным нутром, почувствовал отсутствие отдачи. Дробь вяло и мягко прошлепала по низу ракушечниковой насыпи, под ее обессиленной тяжестью лишь укоризненно покивала головками куст бурьяна. Лисица легко махнула через рельсы и исчезла. Пролетел поезд — в окнах вагонов горело уже освещение. Авершин стоял на насыпи. Ему еще казалось, что это происходит не с ним, что это уже было когда-то, не сейчас...

Он отошел и устало уселся на белый бетонный столбик с черной цифрой «2» на нем. Подошел Худой, стал рядом.

— Лиса? — чувствовалось, что он лишними словами не хочет бить Авершина.

— Да, — просто, безразлично сказал тот.

— Далеко, неудобно было?

— Близо. Удобно. Удобней не бывает. — Авершин жевал травинку, был как замороженный.

— Ну, темно уже, конечно...

— Не темно, нормально. Дай закурить... — Авершин плюнул травинку.

— Да нету — пачку выбросил... Может, у Ковалю... Сереге!

Сергея деликатно стоял там же, только ружье опустил. Когда подошли, он сказал только ободряюще:

— Ну ниче!

— Ниче, — грустно сказал Авершин.

На мерцавшем первыми звездами небе заливалось сияние молодой луны. До дома было чуть больше километра по хорошей дороге.

Рисунки Б. Игнатьева

Юлий Михайлович Смельницкий

«Жалка старость этого человека... пенсию он не получает, жить более, чем тяжело», — так писал о семидесятипятилетнем Ю. М. Смельницком в 1926 году редактор журнала «Охотник» В. Н. Каверзнев.

Что поделаешь, в те годы подобной участи не избежали многие славные сыны России...

Имя Юлия Михайловича Смельницкого мало что говорит современному читателю-охотнику. Популярным оно было, кстати не только в среде охотников, в начале нашего века и в 20-е годы, ведь Смельницкий являл собой образец незаурядной личности. Профессор-юрист, талантливый литератор и общественный деятель, он отличался и организаторскими способностями — в течение многих лет был председателем и почетным членом Казанского общества охоты, одного из старейших в России (основано в 1868 году).

Биографические сведения о Смельницком очень скудны. По косвенным данным удалось установить, что родился он в 1851 году в Акмолинске. Его отец был выходцем с Черниговщины, мать — сибирской казачкой. После учебы в Томской гимназии Смельницкий окончил юридический факультет Казанского университета. В течение шести лет

профессорствовал в Казанском политехническом институте.

Честным и упорным трудом Юлий Михайлович сумел снискать уважение коллег, завоевал авторитет в охотничьем мире. В сабанеевской «Природе и охоте» регулярно появлялись его проблемные статьи по вопросам охотничьего законодательства, об организации и аренде угодий, ведении охотхозяйств, что для России конца прошлого века было делом новым и необычным.

В 1894 году в свет вышла работа Смельницкого «Охота на утиных сидках», написанная живо и с большим знанием предмета.

Свидетельством разносторонних дарований Юлия Михайловича стали три тома его «Охотничьих воспоминаний» [Казань, 1905; 1907; 1914]. Отклики критиков появились практически во всех дореволюционных охотничьих журналах и газетах. Рецензии носили доброжелательный характер и заканчивались неизменными пожеланиями автору и впредь трудиться на литературном поприще, а в одном из отзывов известный в прошлом сибирский охотник П. Б. Яшеров не удержался и воскликнул: «Браво, Смельницкий!».

В «Воспоминаниях» чередой проходят картины медвежьих

ЗИМОВКА У ПАВЛОВОЙ МОГИЛЫ

(Из очерка «Охотничий стан»)

Ю. СМЕЛЬНИЦКИЙ

Я видел много таежных охотничьих зимовок; хорошо сложенные и поставленные на удобных и красивых местах, они обнаруживали в строителях — и толк и вкус.

С особым удовольствием вспоминаю зимовку у «Павловой Могилы»...

Очень давно медведь сломал в тайге промыслового охотника Павла, крестьянина деревни Погарбай.

Товарищи охотники нашли Павла мертвым. Около него лежали — сломанное ружье, и недалеко, у комля сухой лиственницы мертвый медведь с вывалившимися кишками и Павловым ножом в паху.

Вблизи этого места охотники построили зимовку.

Говорили, что около зимовки много всякого зверя, и Погарбаевские охотники, земляки Павла, каждый раз возвращаются домой с богатой добычей.

Хотелось побывать в этих местах. Но они были «зачарованы» Погарбаевской охотничьей артелью и, по мест-

ным охотничьим обычаям, другие охотники не могли здесь охотиться.

Это добровольное, без письменных арендных условий, размежевание угодий, — добросовестно исполнялось, права охотничьих артелей на свои дачи уважались и не нарушались. Постоянные охотники могли охотиться в этих местах только на поднятого или раненного ими зверя, ушедшего в чужую дачу, — на своего, так сказать, зверя.

Такой случай охоты в чужих дачах на «своего» зверя, дал мне возможность побывать в Погарбаевских дачах и в зимовке у Павловой Могилы.

В декабре, в компании с двумя промысловыми охотниками, я охотился в двадцати верстах от Погарбаевских мест.

Рано утром мы ранили медведя. Целый день шли его кровавым следом.

Зверь попался крупный, сильный, осторожный. Два раза петлял, затаивался и нас скрадывал.

За день тяжелой ходьбы по таежным завалам и бурелому, к вечеру утомились и мы и зверь. К ночи нам удалось обложить медведя небольшой тоней (кругом), в густом ельнике и пихтаче по таежной речке. Наступившая ночь помешала тогда же дойти зверя.

От своего жилья, — на пчельнике скопцов, — мы ушли за медведем больше 25 верст, и возвращаться ночью на пчельник, а завтра утром идти 25 верст к раненому зверю, или ночевать в лесу, под открытым небом, в мокрых полушубках и без хлеба в сумках, — не хотелось.

Мои товарищи знали, что медведь залег в Погарбаевской даче.

— Их (Погарбаевских охотников) зимовье недалеко... Немного пройдем лесом, выйдем на гарь, туто-ка и зимовка... Им доложимся и обскажем, чтобы чего про нас не удумали, и если примут, — у их просторно, — высущимся и заночуем...

и глухаринных охот в богом забытых лесных тущобах Царевококшайского уезда Казанской губернии. Автор проявил себя большим знатоком и ценителем охоты и быта местных промышленников-черемис. Удались Смеляницкому страницы, посвященные природе, по большей части — голосальным древним и девственным лесным массивам, еще не ведавшим алчного топора заготовителей.

Расшатанное здоровье и начавшаяся война с Германией не позволили Смеляницкому заниматься литературным трудом. Но старый охотник, воспитанный в лучших традициях российской интеллигенции, не привык сидеть сложа руки. В 1914 году на страницах периодических изданий читатели прочли его страстное воззвание «К русским охотникам!», на которое тотчас откликнулись многие российские охотничьи общества и рядовые охотники. По инициативе Юлия Михайловича (жившего, заметим, в Казани) в Москве на Зубовской площади был организован «Лазарет русских охотников и охотничьих обществ», в котором на собранные охотниками средства содержались раненные солдаты и офицеры. Была в лазарете и «Именная койка членов Казанского общества охоты Юлия и Веры (жены Ю. М. — М. Б.) Смеляницких, ежемесячно, до самой революции переводивших в больницу из своих скромных средств по 30 рублей.

Как юрист и гражданин своего Отечества Смеляницкий не мог оставаться в стороне от социальных бед и язв, начавших подтачивать ослабленную войной Россию. Его ра-

бота «Ядовитые газы в тылу армии», содержащая анализ выросшей до грандиозных размеров разнузданной спекуляции, послужила поводом для изменения соответствующих статей российского уголовного законодательства.

Приходится только гадать, как Юлий Михайлович и его жена пережили годы революции и гражданской войны. Но вот, в 1924 году в Екатеринбурге начинает выходить журнал «Уральский охотник» и среди его сотрудников — Юлий Смеляницкий! Ветеран снова тряхнул стариной и написал великолепные рассказы «Чайка», «Друг человека», очерк «Охотничий стан», переизданные в 50-е годы репутационными хранилищами традиций русской охотничьей литературы Е. Н. Пермитиным и Н. П. Смирновым (альманах «Охотничьи просторы»).

В 1928 году в «Уральском охотнике» было опубликовано последнее произведение старого писателя — повесть с необычным названием «Глухари, медведи, люди». В этом же году, очевидно, Юлий Михайлович скончался. К сожалению, точных сведений о его смерти пока разыскать не удалось, не известна ни одна из его фотографий, хотя в старых охотничьих журналах часто помещались портреты постоянных сотрудников. Редакция журнала будет признательна, если кто-то из читателей сообщит новые сведения о Ю. М. Смеляницком — замечательном человеке и охотнике.

М. БУЛГАКОВ

Долго шли лесом. «Тут-ка близко», оказалось — совсем не близко.

Вышли на гарь. Перешли широкое озеро, и старым, занесенным снегом лыжником, пришли к зимовке.

Вход закрыт ставней; дым идет из крыши.

Топором постучались в стенку и после обычного «доклада» и допроса нас пустили.

В большой, человек на 10, зимовке ночевали четыре Погарбаевских охотника. Они еще не спали и встретили нас приветливо. Дали хлеба, угостили вареным лосиным мясом, напоили чаем. Мы высушили полушубки и хорошо уснули на мягкой кедровой хвое.

Проснувшись утром, когда охотники уже варили «кашицу» (лосиное мясо, крупа, лук и кусок свиного

сала), я вышел из зимовки на речку, вместе с хозяином избы, приветливым, голубоглазым, высоким и сильным стариком-охотником. Он — за водой, я умыться.

За зимовкой высокая часть бугра круто спускалась к небольшому таежному ключу-речке.

Подойдя к проруби, мы спугнули с невысоких елей несколько рябчиков. Они разлетелись в разные стороны и сейчас же засвиостили.

— Что больно рано запели!.. Времени спутались! Через два месяца надо бы пикать! — весело улыбаясь, сказал

старик.

На елях, с которых слетели рябчики, висели пучки рябины; силков и петель на деревьях не было.

— Для чего навешиваете на деревья рябину?.. Может здесь бьете рябков?

— Пошто бить? Кормим!.. К себе зовем в гости. С ими весело... Вон — как отчетливо выводит!

Узнав, что я в первый раз пришел в эти места, старик повел меня на бугор возле зимовки.

— Гляди-ка, паря (парень), какая у нас здесь хранина. На тридцать верст все видать, как на ладони!.. Вот — Дымовая Гора, Казачьи лога и увалы, а за ними, — и Мокрый Камень. За речкой, — медведя много, а на гари, по болотам, сохатые стадами бродят. Без малого из зимовки видать где ходят... Здесь одна любовь и радость.

По тону голоса и довольным глазам старика было видно, что он любит эти места и, бывая здесь на охотах, действительно ощущает радость.

Ночью я не заметил, что от озера, с другой стороны гари, мы поднимались косогором к зимовке, и только теперь увидел пройденный нами путь к зимовке на кургане, с окружавшим ее морем таежного леса.

Чистенькая, недавно оправленная новыми бревнами, запущенная снегом, зимовка стояла «на яти» (на виду), на вершине бугра, среди расчищенной от леса полянке, и как маленькая Снегурочка прижалась к стволам высоких сосен. Снизу зимовка завалена песком, и кругом обрыта широкой канавкой.

Рядом с зимовкой, на четырех соснах, спиленных на высоте 5—6 аршин от корней, — бревенчатый лабаз — ящик для хранения в нем лосяного мяса, хлеба и другого продовольствия. Стволы сосен очищены от коры. К сосне, рядом с лабазом, приставлена легкая лестница.

На гари, в опушке леса, висели на высоких «вешалах» (козла, на которых пилят бревна на доски) одна лосяная и две медвежьи сырые шкуры, — недавние трофеи охотничьей артели.

Шагах в тридцати от зимовки — высокая, в несколько обхватов толщиной, давно поскошенная лиственница. Оставшиеся на ней толстые сучья, как распростертые костлявые руки, возвышались над уровнем соснового леса. Низ лиственницы, у ее корня, обгорел, и в образовавшемся дупле дерева свободно могли стоять два человека.

Невдалеке от лиственницы, на небольшом холме, на чистой гари — продолговатая четырехугольной формы насыпь, в головной части которой поставлен крест-часовня. Под его тесовой крышкой — стершаяся от времени и облупившаяся икона, а под ней — маленький медный образок.

Это — Могила Павла.

Здесь его нашли мертвым и похоронили; снятый с него медный образок прибили к столбу часовни.

Могила обнесена перилами и так же, как зимовка, обрыта канавой.

— Как случилось, что Павел поддался медведю?

— Да бог его знает — как!.. Я не помню Павла, — только от своего отца слышал о его смерти, — ответил старый охотник.

Сосновый лес рос узкой грядой только на вершине бугра. В лесу, возле зимовки, было мало снега; ветром его сдувало к реке.

Перед зимовкой — гарь; безлесная по косогору, и только внизу поросшая редкими старыми березами. Ширина гари больше версты. На другой ее стороне — большое озеро с болотами, на которых виднелись стволы поскошенных деревьев.

Неширокая полоса молодого елового леса, с вкрапленными в него, склонившимися на бок, оригинальной формы вековыми пихтами, похожими на расколовшиеся сверху, но еще не распавшиеся черные мачты, с наброшенными на них, ближе к вершинам, короткими мохнатыми пучками темной хвои, — опоясывала другой берег озера, а за нею — ровный вековой кедровник.

Спокойный и величественный, безбрежный, как море, синий таежный лес сливался с горизонтом, и только там, где алел восход, слабо просвечивались в розовом тумане очертания каких-то холмов и таежных «камней».

Мрачные, темные тона пихтового и кедрового леса умерялись белоснежной гарью. Как белое полотняное полотно на большой зелено-синей бархатной скатерти, она прорезала на десятки верст таежные леса между долиной озера и речкой вблизи землянки.

Красный свет утренней зари уже отразился на девственно-белой, покрытой пухлым инеем, снеговой поверхности гари; она искрилась и розовела.

Глубокий лыжник от зимовки к озеру синеваой змейкой сбежал вниз и терлся в озерных болотах.

— Хорошо у вас здесь! — сказал я старику. — Только почему не поставили землянку вблизи озера, на той стороне гари? Там теплее и вода рядом.

— Да там мокрое место, — сыро. Север, стужа, — задует снегом зимовку... Вода гнилая, солнца мало... А здесь, — под ветром, сухо, хорошая вода, целый день солнышко светит. Н-но! Опять же, — здесь вышка и к Павловой Могиле близко.

Сухость места, отсутствие встречного северо-восточного ветра, близость хорошей питьевой воды, солнечная сторона и красота места («вышка»), — все учтено и взвешено, и в этой части тайги лучшее место для зимовки трудно найти.

— А много ли лет стоит зимовка на этом месте?

— Да много... Мой отец строил ее.

— И ни разу не горела?

— Зачем гореть?! Она обрыта канавой, кругом гари вода. Пал (пожар) идет низом. Да и палиться нечему, — береза гореть не будет.

На верхушках ближних деревьев показались черные птицы, которых раньше не было.

— У вас тут и птица водится.

— Ну как же, — водится!.. Зимой тут тетери много, со всей тайги сюда летают на березы... Мы дружки с ими... Н-но... Каждый вечер к нам на лиственницу летают.

— Она сухая, — что же они на лиственнице делают?

— А ничего не делают. Как нажрут-ся березы, прилетят на лиственницу, наохлятся и сидят дремлют, — зобы просиживают... Посидят, а к ночи тихонько переговариваются меж собой, да тут же, у лиственницы, и зароятся в снегу на ночь.

— Вы их бьете?

— Не, — мы шабры (соседи) с ими...

Нас позвали в зимовку, — «хлебать завтрак».

Поев вкусной похлебки, мы вышли из зимовки вместе с ее хозяевами, поблагодарили их за гостеприимство и получили разрешение («если что у вас не выйдет») придти ночевать в зимовку*.

Простившись с нами, Погарбаевские охотники пошли на занесенной снегом тропой к Павловой Могиле. Передом шел Фрол Тарбеев, — высокий и широкоплечий, лет тридцати охотник, большак артели.

Его крупное русское лицо, обрамленное шапкой немного вьющихся светлых волос, нельзя было назвать красивым. Но голубые глаза Тарбеева и его почти детская улыбка, сразу покоряли и к нему привлекали. Когда он улыбался, все лицо его «открывалось», и его певучий говор, с часто вставляемыми «н-но», заменявшими слово «да», больше свидетельствовали о его доброте, нежели о силе, решимости и мужестве.

Однако же, на охотах, Тарбеев выявлял крепкую волю, большую силу и редкую отвагу; говорили, что ему не один раз случалось вступать в рукопашный бой со зверями и он заколот ножом нескольких медведей.

Подойдя к Могиле, охотники воткнули в снег боевые (короткие) рога-тины, сняли малахаи и, осенив себя широкими крестами, земно поклонились, и только после сего, разделившись попарно, скатились к речке и скоро скрылись в тайге.

Десяти лет стоит в глухом лесу, под летним зноем, осенними дождями и зимними бурями, маленький крест-часовня.

От времени он выцвел, потемнел, оброс серым мохом и склонился на бок. От отца к сыну переходят рассказы о смерти Павла. Многие охотники его не помнят и не знали. Но они чтут память безвременно умершего товарища.

* По местным обычаям, неполучение на прощание такого приглашения, означает отказ охотникам в дальнейших ночевках в зимовке.

Поднявшееся над лесом солнце залило ярким светом и позолотило белую гать, Павлову Могилу с искрившимся на часовне образом, посеребрённые инеем и упиравшиеся в голубое небо, как разноцветные хоругви и знамена, — сосновые деревья, и смягчило розовой дымкой сумрачную темную тайгу.

Скотившись лыжником с косягора и дойдя до березового леса, мы попали в царство тетеревов.

Почти на каждой березе сидели косачи и рябушки. Мы проходили вблизи деревьев, на которых сидели тетерева, и они нас не боялись. Немного приостановятся кормиться, несколько раз коннут, и снова начнут обрывать березовые почки и сержки.

Сколько здесь было тетеревов, — не знаю; вероятно, несколько сотен, и такого количества этой красивой птицы я не видал ни раньше, ни после этой охоты.

Перейдя озеро, скоро пришли к месту.

Раненый медведь из ободенной топи не вышел.

С большой осторожностью продвигались к нему, ожидая встретить энергичное сопротивление.

Но наше предположение не оправдалось: положив лобастую голову на каршу, в направлении к своему входному следу, и, очевидно, приготовившись вечером к нападению, утром зверь уже доходил и тяжело дышал.

Дважды выстрелами в голову мы его добились.

Убитый медведь оказался старым, крупным (шкура 14 четвертей) самцом, с подъеденными зубами и стертой рыжеватой-бурой шерстью.

Хороша только голова — круглая, массивная, как большая корчага.

Более сорока лет прошло со времени этой охоты на медведя. Полученные от нее впечатления давно выветрились и

испарились. Но освещенная утренним солнечным светом зимовка на сосновом кургане у Павловой Могилы, белоснежная гать с березовым, покрытым тетеревами лесом, сухая лиственница и крест-часовня, — до сего времени сохранились в моей памяти, так же как и все подробности этой картины величавой тайги зимой.

Не знаю — существует ли в настоящее время зимовка у Павловой Могилы. Но искреннее желаю, чтобы она сохранилась, чтобы в зимовке по-прежнему жили промысловые охотники, не закрывающие своих лабазов замками и другими запорами, — охотники, слова и запрещения которых исполнялись крепче нотариусом засвидетельствованных векселей и судебных решений, чтобы их права на охотничьи угодия охранялись не сторожами, а сознанием и уважением к этому, основанному на обычае, праву.

Желал бы также, чтобы в зимовке по-прежнему было приветливо, тепло, уютно, а в ельниках у речки, по утренним зорям, пели рябчики, и по березам гари «переговаривались меж собой» косачи и рябушки...

Рисунки Б. Игнатьева

Янковский В. Тигр, олень, женьшень. — М.: Тропа, 1993. — 70 000 экз. 272 с.

Валерий Юрьевич Янковский — человек удивительной судьбы, писатель, хорошо известный и любимый читателями-охотниками. В своей новой книге он рассказывает об увлекательных и опасных приключениях семьи охотников в дебрях Дальнего Востока и Крайнего Севера.

Краев Н. В. Право на охоту. — Киров: ВНИИОЗ им. проф. Б. М. Житкова, 1993. — 67 с.

В брошюре даны разъяснения законодательства, регулирующего право на охоту граждан, нормативные акты по данному вопросу, документы по обжалованию неправомочных решений облсовета и администрации, а также письма с предложениями по совершенствованию порядка предоставления права на охоту в Российской Федерации.

Гурулев С. А. Звери и рыбы из Сибири: происхождение названий. — Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1992. — 22 000 экз. 144 с.

Сибирь славится обилием диких зверей и рыб. И здесь издавна культивируются охотничий и рыбный промыслы. Колонизация Сибири русскими началась из-за «мягкой рухляди», пушнины. Названия зверей и рыб принесены из Руси, но русский лексикон был существенно дополнен и заимствованиями из языков коренных сибирских народов. Обо всем этом рассказывается на страницах книги. В центре разговора — этимологическая расшифровка названий, их применение в русском языке, время появления и применения в Сибири.

Штильмарк Ф. Р. Лукоморье — где оно! — М.: Мысль, 1993. — 10 000 экз. 330 с.

О новой работе Ф. Штильмарка, известного читателям многочисленными публикациями по проблемам охраны природы и заповедного дела, дается широкая историческая картина природопользования начиная с 20-х годов нашего века до сегодняшних дней. Затрагиваются много острых и полемических вопросов, волнующих всех, кому небезразлично благополучие родной природы.

Рациональное использование ресурсов соболя. — Красноярск, 1992. — 400 экз. 103 с.

В сборнике опубликованы материалы III Всероссийского научно-производственного совещания по соболю. Рассматриваются вопросы современного состояния ресурсов соболя, динамики численности, влияния факторов среды на его численность, управление популяциями. Часть докладов посвящена учету численности, прогнозу, картографированию охотничьих угодий, оценке экономических условий и перспектив развития охотничьего хозяйства в связи с использованием соболя.

К охоте относиться можно по-разному.

В глубокой древности охота была жизненной необходимостью. Ведь зачастую от ее результата зависело существование того или иного племени. Но с развитием общества значение охоты постепенно уменьшалось. И в средние века во многих странах Европы и Азии она все более превращалась в забаву для власть имущих. В наши дни, с одной стороны, охота — отрасль хозяйства, с другой — вид отдыха. И то и другое достаточно хорошо развито и во многих странах не осталось без внимания ни в литературе, ни в искусстве.

Впервые процесс охоты человек запечатлел примерно 20 000 лет назад. И сегодня ее изображение можно увидеть на наскальных рисунках на стенах пещер в разных частях света. Для людей, живших в каменном веке,

или рыбалки зритель получает от воспоминаний, навеянных картинами.

Но к восприятию таких тем он должен быть подготовлен, то есть

Джон Джеймс Одюбон. Работа его сыновей Джона и Виктора Одюбон. 1840 г.

ся в этих видах спорта. Так же как рога оленя могут вызвать в памяти смотрящего на них человека кикиморские моменты его жизни, так и хорошо выполненная на тему охоты картина может обладать «трофейной ценностью». Она пробуждает воспоминания о бывших охотничьих приключениях или мечтах, которые он надеется осуществить в будущем. Художник, создающий такие картины, должен безупречно знать природу изображаемого, он как бы незримо присутствует в создаваемом произведении.

В США искусство изображения природы возникло в середине XVIII века и связано прежде всего с именем Марка Кейтсби, английского колониста, который первым опубликовал в Новом Свете пространное иллюстрированное описание природы, и в частности жизни растений и животных.

ОХОТА НА ПОЛОТНАХ ХУДОЖНИКОВ США

Е. СОЛДАТКИН

охота — самая обычная и наиболее популярная тема для отображения на рисунках. На рисунке, сделанном в одной из пещер Испании, фрагменты охоты на горного козла. Первобытному художнику особенно удалось отобразить ее динамику. Посмотрите, как стремителен бег козла, как необычайно подвижны фигурки охотников.

И в древности, и в настоящее время животных изображают или в их среде обитания, или в сценках охоты. Обычно картинка, изображающая просто природу, по сути дела, «не рассказывают» никаких историй, в то время как сценки охоты доводят до нашего сведения определенные события. Но художнику, посвятившему себя этому жанру, прежде всего необходимо изучить хотя бы тех животных, которых он решил изобразить в своих работах.

В книге «Красочное слово» ее автор Том Вольфе отмечает, что большая часть силы воздействия реалистического искусства исходит не от художника, скорее она идет от тех чувств, которые испытывает зритель, глядя на картину соответственно своему воображению. Другими словами, когда охотник смотрит на вальдшнепа, взлетающего у заросшего ольшаником ручья прямо перед мордой ирландского сеттера, только часть воздействия этой картины можно приписать ее создателю. Большую же долю эффекта от произведений на тему охоты

хорошо знать предмет изображения. Поэтому такие картины наибольшее удовольствие доставляют охотникам, рыболовам или людям, разбирающимся

«После охоты». Уильям М. Харнетт. Начало 1890-х годов.

Родоначальниками же изображения непосредственно животного мира, и в частности птиц, явились два эмигранта: Александр Уилсон и Джон Джеймс Одюбон, жившие в XIX веке. Тогда картины на темы охоты и рыболовства были еще редкостью, так как для большинства европейских колонистов охота в США еще не являлась спортом, а была просто необходимостью. И только с возникновением настоящей спортивной охоты художники начали более активно обращаться к теме животных и сцен охоты.

Считается, что эта тема получила развитие сразу же после окончания гражданской войны. Очень популярными стали гравюры Карра и Айвза, а также работы художников, писавших свои картины на природе, таких, как Уинслоу Хомер, А. Б. Фост и Фредерик Ремингтон. Одна из картин того периода, а именно сцена охоты Томаса Икинса, в 1897 году была отправлена в Лувр как часть коллекции Бостонского музея изящных искусств, представлявшей лучшие произведения американской живописи в период с 1760 по 1910 год. На этой картине изображена охота на водяных курочек.

Итак, картины на охотничью тему появились, но особым успехом они не пользовались. «Любой художник XIX века, желающий изображать дикую природу, ограничивает свое будущее, — замечает Джим Эллиотт, изда-

Одна из марок «утиной серии»

Раскрашенная от руки гравюра с картины Артура Тайта. 1800-е годы.

Первая почтовая марка из знаменитого сериала американских «утиных марок»

тель журнала «Принтс». — У него просто не будет зрителя».

И только теперь появились зрители. Вернее сказать, они появились около 30 лет назад. А до этого картины и рисунки животных или сценки охоты и рыбной ловли чаще служили в качестве иллюстраций к различным печатным изданиям. В 30-х годах художники Линн Боуг Хант, Артур Д. Фуллер и Ричард Бишоп зарабатывали себе на жизнь именно иллюстрированием книг и периодических изданий. Они писали и картины, но это были случайные частные заказы. В салонах обычно в то время такие картины не продавались.

В наши же дни функционирует обширный рынок сбыта печатных копий этих произведений. Любопытно, что картина на охотничью тему, выполненная по заказу, сегодня может стоить примерно 5000 долларов, и это считается удачной сделкой. А за продажу 500 печатных копий с этой картины с автографом автора художник получит 25 000 долларов. И все же картины на тему охоты и рыбной ловли, как бы мастерски они не были выполнены, до сих пор имеют ограниченный спрос. Такие картины главным образом представляют ценность для людей, занимающихся этими видами спорта. Однако художник-анималист в США может получить крупное денежное вознаграждение (даже несколько миллионов долларов), участвуя в специальном конкурсе рисунков для почтовых марок, а точнее — для серии так называемых «утиных марок». Первая черно-белая «утиная марка» была выпущена в 1935 году, а оригинал для нее был изготовлен в 1934 году художником Дж. Н. Дарлингом (смотри иллюстрацию), занимавшимся в основном (и с успехом) политической карикатурой. Кстати, он же является основателем Национальной федерации по охране живой природы США. Оригинальный рисунок Дарлинга, выполненный на небольшом куске картона, использованного им в свое время для придания формы свежее выглаженной рубашки, к сожалению, не сохранился.

Он затерялся в Гравюрном бюро, где изготавливались клише для печатания марок. С тех пор вышло несколько серий «утиных марок», что позволило вложить в дело сохранения водоплавающих птиц Северной Америки (а именно с этой целью и выпускается серия) более 500 миллионов долларов.

Множество картин, изображающих животных, сценки охоты и рыбной ловли, хранятся в Музее Дженесса Каунтри, расположенном вблизи Рочестера (штат Нью-Йорк). Музей обладает самой большой в мире коллекцией произведений искусств на эти темы.

Джон Джеймс Одюбон был первым американским художником, изображавшим животных в движении и помещавшим их в соответствующую экологическую среду. В 1840 году его сыновья Джон и Виктор написали картину с изображением своего знаменитого отца в окружении его любимых животных — собаки и лошади.

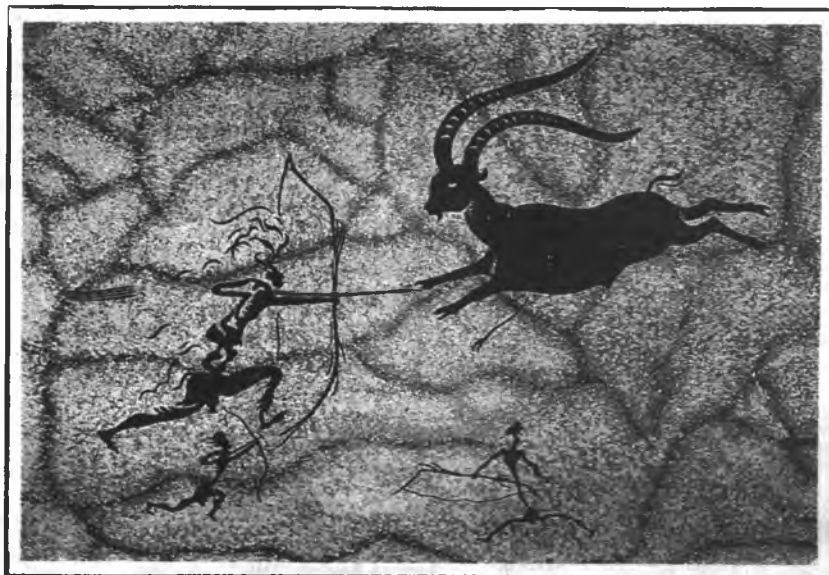
Картина хранится в Американском музее естественной истории.

Определенный интерес для любителей искусства представляет картина «После охоты», написанная американским художником Уильямом М. Харнеттом. Она выполнена в стиле усовершенствованного им метода изображения, получившего название «обман зрителя», так как все предметы на картине выглядят необычайно рельефными.

Американский художник немецкого происхождения Карл Рунгиус завоевал славу в Северной Америке, изображая крупных животных. Кстати, ему покровительствовал сам президент Теодор Рузвельт — страстный охотник.

Начиная с середины 1800-х годов в США выходит большое количество гравюр, посвященных охоте. Они печатались в черно-белом цвете и затем раскрашивались от руки. Одну из них, копию с картины Артура Тайта, вы можете видеть на иллюстрации.

Сценка охоты на горного козла. Стена пещеры в Ремингги (Испания).

«НИ ПОРОХА, НИ ДРОБИ»

НЕОБЫЧНАЯ ОХОТА

«ЖЕЛЕЗНЫЕ» ГУСИ

Сын мой, как только вернулся со службы в Армии, вступил в охотобщество. Сразу же возникла почти неразрешимая проблема: где, как и на какие деньги купить ружье. Свои ружья, как только я заболел, сдал в милицию — от греха подальше. От стрельбы усиленными зарядами и пулями у них (ТОЗ-БМ и ИЖ-26) появился люфт. Но мне повезло — встретил в городе мужика знакомого. Разговорились про охоту, то да се...

— Неужно, — спрашивает он, — ты до сих пор на охоту ходишь?

— Отходил, — говорю, — вот сын у меня вырос, продал бы ты свое ружье.

Знал я, что у него есть одностволка 20-го калибра — ИЖ-17. С того ружья он только одного рябка добыл, и то случайно. Всю остальную жизнь у пивного ларька провел.

Договорился с мужиком, по сходной цене сошлись. На радостях ему и «пузырь» купил.

Так мой парень стал владельцем ружья. На ту пору как раз весеннюю охоту на гусей открыли. Какой охотник усидит дома? Вася мой тоже побежал. Избушка у нас давно построена в лесу, недалеко от реки Онеги. Там же вдоль реки поля жито засеяны — гусь должен туда садиться на кормежку. Однако проходил мой охотник три дня и три ночи и вернулся с одной уткой.

— Где гуси? — спрашиваю.

А у него уж и голова на подушке, и глаза закрыты.

— Они железные, — отвечает, — их из одностволки 20-го калибра не взять.

— Как же ты утку убил? Это же большой крохаль и не менее крепкий на рану, чем серый гусь.

На другой день на охоту отправился вдвоем. Гусь валом валит, но погода стоит ясная, птицы высоко — ни с какого

ружья не достать. На следующий день погода переменялась, пал туман. Уселись мы в углу поля на камни и ждем. Вот одна стайка, штук десять гусей, пошла на круг, явно намереваясь сесть. Когда они оказались над головой, бабахнул сын и один гусь свалился прямо у наших ног.

— Ну вот, с полем! А ты в этого прицеливался?

Оказалось, стрелял он в первого гуся, а свалился второй из стаи. Тогда я понял причину его неудач и растолковал, что гусь летит быстрее утки и надо брать большое упреждение. Это только кажется, что гуси устали и едва шевелят крыльями.

В то утро Вася сбил еще одного гуся на предельном расстоянии — 50 метров — и убедился, что они вовсе не железные.

М. УЛЯШОВ
г. Каргополь

Здравствуй, дорогая редакция! Решил написать вам, больше излить душу некому. Дело в том (у меня в голове не укладывается!), что пушнина, оказывается, никому не нужна. Цена на куницу, например, в заготовке 250 руб., а белки, зайца унизительно смешотворна — 15 руб. за первый сорт. В то время как банка

пороха на рынке стоит 1000 руб., один патрон — до 150 руб. А пойдешь членские взносы платить, прихватывая с собой валидол. Мы, конечно, не замшелые промысловики, но если два-три десятка белок относили в заготовку пушнину в застойный период, то получали какую-то компенсацию за мытарства, пройденные километры, боеприпасы. Сегодня же творится что-то невероятное!

В нашем районе кроме заготовщины никаких пушных кооперативов, меховых ателье и прочих подобных организаций нет. Всю добытую пушнину за прошлый год я по существу раздал, отдал за так или выбросил. Надеюсь, что с ценами все таки нормализуется, занимаясь добычей и в сезон 1992/93 года. Но, увы, опять пролетел, все повторилось. Больше я уже не пойду ни белковать, ни зайцев тропить, ни по красному зверю, уж лучше за мясом...

А. А. НАЧКИН
Карачаево-Черкессия

Здравствуй, дорогая редакция! Выписываю журнал недавно, но уже прочитал и изучил все номера, начиная с 70-го года. На данный момент — это единственное издание, которое я буду выписывать, несмотря ни на какие цены. Написать вам решил вот по какому

вопросу. Два месяца назад я обратился в наш журнал с просьбой к охотникам помочь приобрести гильзы под капсулу «Центробой» 16-го калибра, по патронник 70 мм. Невяно мне пришел ответ, что редакция не может напечатать мою просьбу. Жаль, «Охота и охотничье хозяйство» — это уникальная возможность для рядового охотника попросить помощи или совета у людей, близких по духу, которых связывает одна страсть и которые хорошо знают и понимают наши проблемы.

Думаю, вам не нужно объяснять, чего стоит у нас стать членом Общества охотников, получить билет, разрешение. А когда эти мытарства останутся позади, то можно «с чувством полного удовлетворения» повесить свое ружье на гвоздь, все равно не купишь ни пороха, ни дробы, ни даже картонных прокладок. Но если пыжи и прокладки можно сделать самому, то гильзы ни из какой болванки ни выпилишь. Вот и приходится мне сидеть и уже третий год любоваться своим ружьем, так как «Жавело» к нам не завозят уже несколько лет, а гильзы под «Центробой» и того меньше.

В. А. ШАГАКО
г. Усть-Каменогорск

ИЩЕМ СПЕЦИАЛИСТОВ

© В
ДЛЯ ПРОВЕДЕНИЯ
ОХОТНИЧЬИХ И РЫБЛОВНЫХ
ТУРОВ ДЛЯ АМЕРИКАНСКИХ
СПОРТСМЕНОВ
ОСОБЫЙ ИНТЕРЕС ПРЕДСТАВЛЯЕТ
ОХОТА НА ТРОФЕЙНОГО МАРАЛА (ПО 6
ОТРОСТКОВ И ВЕС РОГОВ ВЫШЕ 10 КГ),
ТРОФЕЙНОГО ЕВРОПЕЙСКОГО ОЛЕНЯ,
КРУПНОГО МЕЛВЕДЕ (2 + м.), БАРАНА,
ЛОСЯ (ВЕС РОГОВ ВЫШЕ 15 КГ),
А ТАКЖЕ РЫБАЛКА НА
ТАЙМЕНЯ (ВЫШЕ 20 КГ)
И СЕМГА (АТЛАНТИЧЕСКИЙ
ЛОСОСЬ)

Если
Вы ищете
такой же опыт и
хотите в своей работе
ориентироваться на прямую
международную связь, фирма
SNS Маркетинг приглашает
Вас адресовать Ваши ответы
по-русски Джорджу Севичу:

Посредников
просим
не обращаться.
Специалистов просим
передать все координаты
(индекс, хол/тел/факс и т.д.)
трофейные снимки, карты,
рекомендации и подробную
информацию о турах.

Телефон/Автоответчик в США: (301)424-5549, Факс: (301)340-7345.

George Sevich, SNS Marketing, P.O. Box 1130, Rockville, MD 20848-1130 USA США

Здравствуйтесь, уважаемая редакция! Пишет вам постоянный читатель. Мне очень приятно, что в наше нелегкое время редакция «Охоты и охотничьего хозяйства» делает все возможное для того, чтобы наш журнал оставался интересным и полезным для всех любителей охоты. И это лишний раз подтвердил выход 1-го номера за 1993 год. А охотники, в свою очередь, в этом я уверен, поддержат редакцию в трудный период, который мы все переживаем.

И еще. В 1-м номере была опубликована фото-загадка Ф. Сараява «Что за зверь?» Хотя он на первый взгляд и похож на какого-то представителя семейства кошачьих, но это отнюдь не страшный зверь, а один из самых распространенных у нас — заяц-русак. Но все же фотография автору удалась на славу!

В. СИРАШ
Черниговская обл.

Здравствуйтесь, уважаемая редакция журнала! Пишет вам охотник-любитель, майор авиации в запасе. «Охоту...» я выписываю уже 26 лет и буду выписывать еще сто лет. Журнал очень интересный и нужен нам — охотникам. Благодаря вашим советам я сумел отремонтировать свое ружье ТОЗ-34 (Тульский завод выслал новую ложу вместо расколовшейся). И ружье стало прикладистей.

Еще раз хочу повторить, что выписывать ваш журнал буду всегда, не смотря ни на цены, ни на трудности с доставкой. Очень нравятся разделы: «Письма читателей», «Запишите мой адрес» и др. От имени моих друзей-охотников благодарю вас за журнал и желаю ему долгих лет жизни.

Для сельских охотников могу предложить на обмен охотничью литературу (книги, журналы), а также книгу «Охота на лисиц с манком». Мой адрес: 357980, Ставропольский край, г. Нефтекумск, мкр. 2, № 29/3. Паршин Михаил Федорович.

Здравствуйтесь, уважаемая редакция журнала! Опубликуйте, пожалуйста, это письмо, крик моей затравленной души.

Я работаю в колхозе «Заветы Ильича» Карагадинского района Пермской области. Получаю нищенский оклад, но аккуратно плачу охотничьи взносы и еще алименты на двоих детей. Оставшуюся часть денег своей голодно-колхозной зарплаты трачу на свое существование и прокорм любимого сыщика русских гонимых — Добора и Плаксы. Свято соблюдаю охотничью этику. Не осквернил свою душу браконьерским выстрелом, охочусь всегда по путевкам.

По болезни полностью потерял слух, но друзья не оставили в беде — показывали направление гона собак, ставили на верный лаз зверя. Чтобы сохранить право охоты, вынужден был покинуть старенькую мать, родных, детей, которых люблю без памяти, по которым горько тоскую.

Я обещал своему сыну Сашеньке десяти лет купить маленькое ружьишко и, когда он подрастет, брать его с собой на охоту. Он очень любит гончих собак, ведь с пеленок рос в их обществе. Подвернулось мне ружьишко 28-го калибра ТОЗ-34. Продав свое ружье 12-го калибра, унты, пальто. Но сыну купил, так как обмануть надежды ребенка считаю страшным грехом.

Сын приехал ко мне в деревню на каникулы. Счастью его не было предела. Он глядел ложу ружья, целовал его, ложась спать, прощался с ним до утра. Мы вместе мечтали о будущих охотах. Сыну очень хотелось выстрелить из своего маленького ружья, он долго упрашивал меня, в его глазах была такая мольба, что я не мог отказать, ведь мы не виделись восемь месяцев.

Зарядив четыре патрона, ушли в старый, заброшенный гараж от населенного пункта в 500—600 метрах. В гараже, где все было перебито, переломано, выбиты стекла, вырваны двери, провалилась крыша, парнишка выстрелил по пустой бутылке, да по висящему плафону, который на удивление оказался еще цел (за плафон я его, правда, отругал).

И вот весь этот разгром, развал решили приписать нам. Насчитали 6,5 тыс. рублей. Нужно было списать на кого-то, необходим был козел отпущения, вредитель. Нужно было найти врага и этим врагом стал я. По звонку председателя колхоза А. И. Колышкина был вызван ОМОН. Как будто я — опасный государственный преступник. Они приехали в брошенных, с автоматами, перепугав всю деревню. Ворвались в квартиру, когда я стирал белье. В гостях у меня в это время был один глухонемой парнишка, он смотрел картинки в охотничьих журналах. С угрозами и матом, они поставили меня к стенке, тыкая стволами автоматов под ребро, ударили по почкам, выпихнув паренька на улицу. Говорят, он бежал по дороге, мычал и плакал от страха.

Эти brave ребята без санкции прокурора произвели у меня обыск, изъяли два ружья, два охотничьих ножа, дробь, пыжи, капсулы, гильзы, патроны, даже охотничью трубу. Забрали также вещи, не относящиеся к охоте. Устроили настоящий погром в квартире, запачкали грязными сапогами хлеб, сахарный песок, испоста-

ли газеты и журналы. Скажите, какое преступление я совершил, чтобы со мною так обращались? И все это по одному звонку «всесильного» председателя, который возвел доносы и клеветы в ранг трудовой доблести. Нужно запугать, застрашать, чтобы не ваянуло колхозное было от каких-то затасканных правах человека. В этом колхозе даже женщина, находящаяся на больничном по уходу за ребенком, не имеет права постирать пеленки, принести воды, ее лишат больничного листа. Здесь тебя могут запросто вышвырнуть из квартиры, если ты только заговоришь о приватизации жилья, если не будешь угоден председателю.

Что я скажу своему сыну? Как посмотрю ему в глаза? Ведь из нас сделали преступников, мы с ним животные, а не люди. Он не перенесет этого, эти гориллы отобрали у него мечту. Ребенок едва перенес разлуку с отцом, плакал и бился в истерику. В то время когда почти в открытую грабят и убивают людей, воруют целыми эшелонами, браконьерят повсеместно, невинный детский выстрел в старом развороченном гараже становится криминалом!

Я обращаюсь к вам, друзья мои, знакомые и незнакомые охотники, но все живущие одной радостью охоты, протрубите в свои охотничьи рога, придите к нам с Сашей на помощь, не дайте убить душу ребенка, не дайте заковать ему в горе, зачерстветь сердцем. Помогите нам отстоять наши ружья и нашу честь!

Я все перенес, выдержал, не сломался, выстоял против угроз, шантажа, предательства женщины, но страдания детской души не вынесу. Пишу и плачу! 617214, Пермская обл., Карагайский р-н, д. Канюсята, В. Пухареву.

Пошел я как-то со своим какадычным другом на охоту. Снегу выпало еще мало и шагало легко. Вот и первый заячий след. Сердце радостно защемило в предчувствии удачи. Начал тропить. От быстрой ходьбы стало жарко. Вдруг заяц начал выкидывать фокусы. Появился двойной след, значит, он вернулся, и где-то должен быть прыжок в сторону. Внимательно осматриваюсь. Наконец, нахожу ямку с отпечатками лап. Дальше еще такой же отпечаток. По следу видно, что заяц увеличил размер прыжков. Но что это? Последний прыжок — и след терется. Досадно, но недавно здесь выгоняли отару баранов, которые все вытоптали.

Замечаю, что мой товарищ подает мне знаки. Оказывается, он тоже нашел свежий след, который ведет в ближайший таль-

ник. Решаем, что я иду по следу, а он обходит тальник справа. Чертыхаясь, лезу по тальнику, прыгая не хуже зайца. Вот впереди полянка, и... не верю глазам своим. На границе тальника и полянки сидит заяц. Руки, как назло, начинают мелко подрагивать. Выбираю момент и нажимаю на курок. Выстрел... у зайца отваливается одно ухо, но сам он остается неподвижен. Второй выстрел, у зайца отлетает другое ухо. Еще не сообразив, что происходит, кричу: «Леха, Леха! Стреляй!» В ответ слышу подозрительный шорох сзади. Оглядываясь, Леха катается по снегу, беззвучно смеясь. Запоздало начинаю соображать. Подхожу к зайцу без ушей. Он вылеплен из снега. Ну, да ладно! Я даже благодарен Алексею за этот розыгрыш, ведь азарт-то у меня был настоящий.

А. АВДЕЕВ
Семипалатинская обл.

Уважаемая редакция! Очень прошу вас напечатать мое письмо. У меня большие проблемы с литературой по вынашиванию и охоте с соколами и другими хищными птицами. Я думаю, что среди читателей вашего журнала найдется человек, который занимается такой охотой. Может быть, он сможет послать мне книгу, а я вышлю ему деньги. Адрес: 393760, Тамбовская обл., Мичуринский р-н, ст. Новоникольское, ул. Фирсова, д. 3, кв. 3. Иванову Петру.

ПИСЬМА
ЧИТАТЕЛЕЙ

«ГОЛУБОЙ ПЕСЕЦ НА ВЕТКЕ...»

«С ветки за ней наблюдает голубой песец или задиристая белка»
Из книги «Тайга без выстрелов»

По воле волн плывет, угребая лапами воду, собака. Добытую лебедь в зубах тащит. Поймала ее, применив хитрость. Сделала вид притворный, что утонула. А наружу выставила один дыхательный носик. Не подозревая о коварстве, поплыла мимо белая лебедь. Собака же под водой ловко так изловчилась, хамкнула зубастой пастью и вцепилась птице в шею. И пополам перекусила, будто топором рассекла.

Отрывок из романа И. Елегечева «Оккупация», Тамбов, 1991 г.

Прислал в редакцию Н. А. Громаков

Внезапно услышали жужжание и увидели предмет, низвергающийся в воздухе с баснословной быстротой, но узнать в этом предмете сокола немислимо. Ученые-натуралисты утверждают, что в полете сапсан оставляет за хвостом до 100 метров в секунду. Мы были в смятении, поражены, когда увидели, что этот громадный, мощногрудый разбойник грабит не только для своих потребностей, но и заботится о пропитании других хищных птиц — принес свою добычу канюкам.

«С неба «манная» летит»

Пастухи пригнали на водопой стадо коров, и мы разыскали глазами старикову Зорьку. Она зашла в воду, напилась, несколько раз издала призывные мычания и в мелководе легла на бок. Дедушка был неспешен, несуетлив, осторожно зашел в воду к Зорьке, принаровился занять позу, подождет, когда на воде появятся молочные круги, и спокойно выволок довольно крупного соменка... Дедушка нам пояснил, что коровам очень приятен процесс рыбьего доения, коровка сама звала свою «доярку».

«Рыба молочко сосет»

Эти две заметки Б. Иконникова нашел в Пензенской газете «Доброе утро» № 22 от 11.06.93 г. и прислал в редакцию Н. С. Карташев, г. Пенза

...А те, кому во время отпуска доведется побывать в горах, не упустите случая напиться воды из родников — горная вода самая вкусная, и не случайно птицы летят весной на север — выращивать птенцов возле такой воды.

Ст. И. Викторовой «Пьем воду без примесей», «Лесная газета» от 24.07.93 г.

Прислал В. Милькер, г. Пермь

...Докия знала, что среди волков есть и такие благородные волчицы, которые пьют одни лишь яйца: гусиные и утиные, лебединые и цаплиные. Серые их прогрызают, и дымчатые их подруги, обхватив перед носом лапами, пьют... Под осень все волки переходят на птичий и звериный молодняк. И уже лишь потом, зимой, в морозы — на оленей, кабанов, туров и лосей. Случалось, что вепри, тарпаны, козы, олени, журавли, лебеди и дрофы и даже сами туры приглашали волчье племя, дабы те время от времени наведывались к ним подобрать кого-нибудь немощного или калеку...

Из романа М. Винграновского «Северин Наливайко»
Обнаружил такое открытие в области этологии А. А. Войтов, Бурятия

Такое случается не с каждым, но, как говорится, никто не застрахован. Так вот, местные охотники утверждают, что медведи с почтением относятся к женщинам. Поэтому, если пути их неожиданно сойдутся, женщине достаточно оголить грудь, чтобы свирепый зверь тут же убрался восвояси: судя по всему, понимает косопалый, что грудью кормят детей.

Переписал из журнала «Мир женщины» за апрель 1993 г. и прислал в редакцию П. А. Скамейко, Приморский кр.

Редакция благодарит всех, кто прислал нам материалы для рубрики «Голубой песец на ветке».

Из русского зарубежья

СХВАТКА НА ЛЬДУ

Жили в нашей деревне, что звалась Дубовой, братья Федоревы. Были они хорошими охотниками, каждый имел по несколько натасканных на разного зверя собак. Я хорошо помню двух собак у Константина Петровича. Псы были на

КУДА ПОЕХАТЬ НА ОХОТУ

Редакция имеет картотеку адресов и услуг по некоторым районам России и прилегающих государств, где можно хорошо поохотиться и интересно провести время на природе.

В связи с этим отечественные и иностранные фирмы, занимающиеся охотничьим и рыболовным туризмом, могут обращаться за информацией в редакцию нашего журнала.

Вышлю н/п книги проф. А. С. Богачева

● Охотнику о сырье народной медицины (желчь, панты, струя, жиры и др.). Характеристика, способы обработки, рецепты.— 113 с. 500 руб.

● Желчь медведя, хвосты оленей, струя кабарги, жир барсука.— 54 с. 200 руб.

● Пособие по разведению ондатры.— 70 с. 250 руб.

Адрес: 692510, г. Уссурийск-10, Приморский край, ул. Полушкина 65, кв. 23, Ивановой Г. Б.

редкость крупными, ну прямо-таки ростом с теленка. Хозяин ими очень гордился и всех уверял, что его собаки из породы монгольских волокодавов. В это, однако, верили не все, хотя бы уже потому, что собаки хоть и свирепого были вида, но совсем незлые, что как раз несвойственно монгольским псам. Одного кобеля хозяин окрестил Буденный, второго — Ворошилов, но за такие прозвища однажды едва не попался. Как-то мимо его дома проходил японец — начальник местного полицейского поста — и собаки приветствовали его дружным, настырным лаем.

— Ворошилов, Ворошилов, Буденный, Буденный, цыц! — закричал на них оробевший хозяин.

Услышав такое, поблудневший японец злобно закричал на Константина Петровича:

— Сьто такое Воросирофу, Будены... Вы сьто борсевич?... Надо бистро новое имя давать!

Куда денешься. Псов пришлось срочно переименовывать: одного стали звать Эльбрус, другого — Казбек.

Наступила зима 1943 года. Охотники, покончив с обмолотом хлебов, артелями уходили в тайгу, на белковые. Ушли и братья Федоревы со своими собаками. Здесь я должен заметить, что у нас в Трехречье собак очень редко использовали на поиск белки (как и тунгусы, кочевавшие в той же тайге). Собака своим лаем распугивает лося, а попутная с белой охотой на сохатого считалась у наших охотников повседневной и часто очень выгодной. Очень ценились те собаки, которые, отыскав белку, не поднимают лая, а начинают «играть» (влиять хвостом, царапать дерево, на котором сидит зверек). Была, кстати, такая собака у моего отца по кличке Белка. Раз два с ней охотился и я.

Константин Петрович Федорев использовал своих могучих собак исключительно для охоты на лося. Пускал их, когда находил свежий след. Эльбрус и Казбек настигали зверя и ставили его, как говорили там, «на отстой». Заслышав неистовый лай собак, охотник подходил на расстояние ружейного выстрела — и добыча была наверняка. Таким вот способом он во время сезона охоты на белку добывал столько лосят, сколько могли увезти мяса в деревню артельные лошади.

Однажды, едва отойдя от стоянки, Константин Петрович подранил очень крупного лося. Стрелял впопыхах, с близкого расстояния, но так как берданка была заряжена беличьим патроном, то рана оказалась несмертельной и зверь, поливая снег кровью, стал быстро удаляться.

Вернувшись за собаками, охотник вывел их на след, сам пошagal в ту же сторону. Сохатый хоть и кровоточил, но уходил весьма ходоком. Было видно, что уйдет он далеко, пока его настигнут собаки. Часа через два измученный тяжелой дорогой по глубокому снегу, тащущему под собой бурелом, охотник повернул обратно, так и не дождавшись желанного лая. Наступила ночь, один за другим на табор возвратилась вся артель, но собак все не было, не было и лая, сколько ни прислушивались.

Утром следующего дня, как только стал виден след, обеспокоенные охотники втроем встали на вчерашние следы сохатого и собак. Пройдя чуть дальше того места, откуда вчера повернул Константин Петрович, охотники вышли на лед довольно широкой реки. По ровному льду, покрытому прочным слежавшимся снегом, идти было легко, и охотники, потираливаясь, почти перешли на бег. Зверь их больше не интересовал, они беспокоились за собак. Что с ними могло приключиться? Ведь опытные, не раз ходившие в погоню за лосем псы отлично понимали, что им следует прекращать погоню, если зверь становится недосыгаемым. Такое случалось и не один раз.

Вскоре, однако, обстановка стала проясняться. В одном месте они увидели множество следов — с левого берега на реку сошла большая стая волков, сошла вскоре, как это место миновали собаки. На снегу реки охотники сосчитали следы: стая хищников состояла из 10—12 особей.

Минут через двадцать следы вышли на берег, покрытый черным еловым лесом. Еще через полчаса там, где река делает изгиб, — снова на лед. Здесь-то охотники и увидели следы

страшной драмы, разыгравшейся вчера вечером. Волчья стая настигла собак, и между ними произошла жестокая схватка. «Не поверишь, паря Макар, — рассказывал моему отцу Константин Петрович, — снег по реке на пространстве двух десятин оказался сплошь окровавленным. Всюду валялись клочки шерсти. Но мои собаки дались не даром — пострадала четверка волка. Их сожрали свои же сородичи. Интересно, паря, головы волкам будто отпилили. Они целешенькими валялись на снегу, язык прикушен, глаза открыты и смотрят со злобой. Остатки моих собак в виде клочков черной шерсти да несколько косточек мы нашли в самом дальнем краю. Этих съели целиком».

Осмотрев страшное поле боя, охотники прошли дальше, все теми же следами. Преследователей заметно поубавилось, а раненый лось, это хорошо было видно, все слабел и слабел. Он часто останавливался, иногда ложился на снег. Его громадную тушу нашли в буреломе. Она была изрядно объедена. Где-то поблизости залегли и волки.

Охотники к ночи возвратились в свой лагерь, а волки, наверное, еще не раз будут пировать на богатой добыче.

Анатолий КАЙГОРДОВ

Листая страницы старых изданий

НЕОБЫКНОВЕННОЕ ТОНКОЕ ОБОНЯНИЕ СОБАКИ

Один англичанин держал пари, что собака его отыщет монету, бывшую в его руках, и брошенную на дороге. Положил монету у камня, закладчики удалились и потом послали собаку на поиски. Расстояние было не менее 10 верст. По прошествии нескольких часов собака все еще не возвращалась и англичане решились идти по дороге, узнать куда она делась. Подходя к одному дому, они увидели собаку, упрямо стоявшую у входа. Хозяин вышел и объявил, что собака давно его уже преследует и не хочет отстать. Дело объяснилось тем, что монета была найдена проезжим и что собака бежала за ним до дверей его дома. Хозяин собаки тут же предложил испытать необыкновенное тонкое обоняние животного, положить свою монету в кучу других монет одинакового вида и достоинства; собака тотчас ее нашла и подала господину.

«Журнал охоты», 1847, № 9

Дорогая редакция! Прошу вас поместить этот снимок в журнале «Охота и охотничье хозяйство», который я выписываю более 30 лет. Много видел разных фотоснимков, но такие, как этот, встречал нечасто, попал он ко мне случайно.

В. МОСКВИЧЕВ
Красноярский край

НА ПРИВАЛЕ

ARCHIE KASAKEVICH
PRESIDENT

FAX: (416) 633-4790
(416) 225-8103

AQUARIUS FUR INTERNATIONAL

AQUARIUS FUR

INTERNATIONAL

СЫРЬЕ ФАБРИКАМ, АТЕЛЬЕ, ЧАСТНЫМ ЛИЦАМ:

**ондатра, енот, красная лисица, дикая норка,
опоссум, барсук, бобер.**

**А ДРЕС: СОЮЗПУШНИНА, НОВОЭКСПОРТ,
С.-ПЕТЕРБУРГ, МОСКОВСКИЙ ПРОСПЕКТ, 98.**

Тел. (812) 298-76-45

Факс: (812) 298-76-45

**408-35 CANYON AVENUE
DOWNSVIEW, ONTARIO
M3H 4Y2
CANADA
(416) 633-4790**

**490 KILBRIDE AVENUE
WINNIPEG, MANITOBA
R2V 1B2
CANADA
(204) 339-8528**

СОЮЗПУШНИНА

Ваш надежный партнер!

**Более 60 лет проводит
международные пушные аукционы
в САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ.**

Ближайшие аукционы:

ЯНВАРЬ, 16—24

ИЮНЬ, 4—10

ОКТАБРЬ, 14—20

**Наивысшие цены в валюте и гарантию
от коммерческих потерь вы получите,
продавая пушно-меховые товары
через международные пушные аукционы
в Санкт-Петербурге.**

**МЫ ГОТОВЫ К УСТАНОВЛЕНИЮ ДЕЛОВЫХ КОНТАКТОВ
СО ВСЕМИ ЗАИНТЕРЕСОВАННЫМИ ПАРТНЕРАМИ.**

**Фирма «Союзпушнина» ГПВО «Новоэкспорт»,
117393, Москва, ул. Архитектора Власова, 33**

Телефоны: (095) 128-29-20, 128-28-86

Телетайп: 112212 нзкс

Факс: (095) 128-16-12

**Фирма «Пушной аукцион»,
196084, Санкт-Петербург, Московский проспект, 98**

Телефон: (812) 298-46-36

Телетайп: 121507

Факс: (812) 298-34-59

ДОРМИДОНТОВ Р. Созидатели	1
Охотничье хозяйство и промысел	
ШЕЙГАС И. Остановить беспредел	4
АГАФОНОВ В. Гуманные капканы	18

Наука

ГЕНЕРОЗОВ В. К проблеме соболеводства	6
ГУСЕВ О. Сумасбродные фантазии или злонамеренный сговор?	7
КУЧЕРЕНКО С. Амурский тигр	10

Охрана природы

БОРЕЙКО В. Последнее письмо Франца Шиллин-гера	2
---	---

Молодому охотнику

В-н Н. Ошибки, приводящие к трагедиям	14
--	----

Оружие и снаряжение

БЛЮМ М. Какие ружья нам нужны	22
--	----

Собаководство

УСПЕНСКИЙ С. Ездовые собаки еще послужат человеку	26
--	----

Литературные страницы

АЛЕХИН И. Лисица	30
БУЛГАКОВ М. Юрий Михайлович Смелянский	36
СМЕЛЬНИЦКИЙ Ю. Зимовка у Павловой могилы	36

За рубежом

СОЛДАТКИН Е. Охота на полотнах художников США	41
Письма читателей	42
На привале	44
Реклама	9, 13, 21, 42, 44, 46, 47

Главный редактор О. К. Гусев

Редакционная коллегия:

М. М. Блюм, М. В. Булгаков, Г. В. Висящев, Т. А. Волжина (ответственный секретарь), **Л. А. Гибет, В. В. Дежкин, А. М. Лаврова, Я. С. Русанов, В. Г. Сафонов, К. П. Савельева, А. А. Севастьянов, А. А. Улитин, С. М. Успенский, В. Е. Флинт, В. Б. Чернышев, Ю. П. Язан.**

Художник В. Ю. Есаулов

Художественный редактор М. Л. Кнерцер

Корректор Т. Т. Талдыкина

Сдано в набор 1.11.93. Подписано к печати 7.12.93. Формат 84×108 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 5,04. Усл. кр.-отт. 8,82. Тираж 142280 экз. Заказ 1658. Цена 400 руб.

Адрес редакции: 107807, ГСП-6, Москва, Б-78, Садовая-Спасская, 18. Тел.: 207-24-05, 207-20-91.

Ордена Трудового Красного Знамени Чеховский полиграфический комбинат Министерства печати и информации Российской Федерации 142300, г. Чехов Московской области

ГЛУХАРИ СЕРГЕЯ КИРПИЧЕВА

Птицы для души. Иначе не назовешь. Их предназначение — не охотничий трофей, не расселение в глухих дебрях, а жизнь в городских садах, национальных парках, в обжитых человеческом местах. Утопия? Нет, реальность.

Токуют, токуют глухари посреди Москвы, не страшась машинного шума, гула толпы и тяжелого городского воздуха. Неподалеку от метро «Сокол», в небольшом садике деревянного дома Сергея Павловича Кирпичева.

Он ученый-орнитолог. Сейчас на пенсии. Более тридцати лет отдал изучению глухарей. Два десятка его мошников живут в необычном птичнике, поют свои сокровенные песни, выводят глухарят, летом «выезжают» на вольные хлеба в таежные чащи Верхней Волги... И не уходят от человека. Скажи кому впервой — не вдруг поверят. Но вот фотографии...

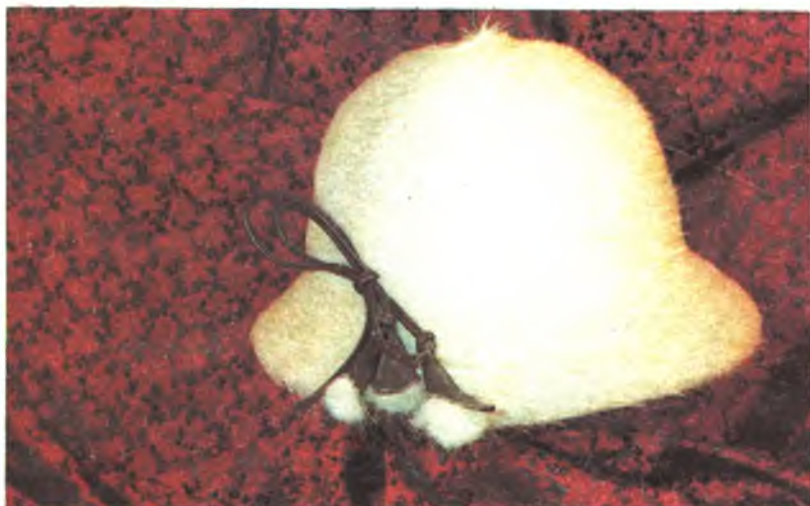
Сергей Павлович разработал уникальную методику создания, выражаясь языком науки, синантропных групп глухарей, способных жить в антропогенных регионах. Методика эта не проста, но безотказна. Глубокое знание биологии, генетики и поведения глухарей позволило ученому отобрать и подготовить к жизни в городе довольно большую группу птиц. Примечательно, что его питомцы способны рядом с человеком находить себе корм, остерегаться хищников, выводить и ставить на крыло потомство. Чтобы добиться желаемого результата, пришлось многие годы проводить кропотливые исследования: изучить тонкости инкубирования кладок глухарей, их кормления и содержания в полувольных условиях. В работе с глухарями ученому помогают сын Александр — студент охотоведческого факультета, семья и друзья.

Люди уже повсюду поняли, что пора обогащать природу вокруг себя. Дикие утки в больших городах стали обычным явлением. Теперь появилась возможность поселить рядом с нами и глухарей.

Работой Кирпичева интересуются многие, в том числе и иностранцы. Но чтобы довести дело до логического завершения, нужна поддержка. Ряд организаций и частных лиц уже помогают ученому. Но этого пока недостаточно. Всем заинтересованным в развитии важного начинания сообщаем адрес Сергея Павловича: 125080, Москва, ул. Брюлова, д. 6.

А. РОГОЖКИН,
фото автора

- Авторские работы
- Богатый выбор головных уборов и одежды из разных видов меха
- Сотрудничество с зарубежными фирмами [Германия, Италия, Швейцария, Дания]

Все это — «РУССКИЙ МЕХ», который предлагает сотрудничество и Вам.

Наш адрес: 123373, РФ, Москва,
проезд Донелайтиса, 24.
Телефон: (095) 948-06-39, 949-52-56.
Факс: (095) 948-06-39.

ALL-RUSSIAN FIRM «RUSSIAN FUR»
NATURAL FUR®
Русский МЕХ
MOSCOW